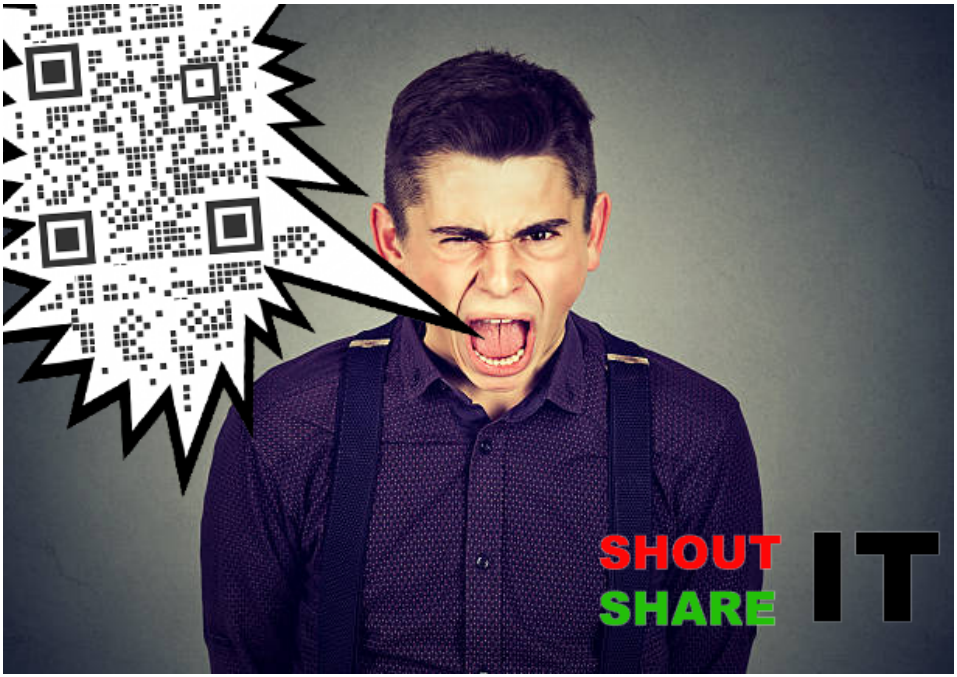
ФРАНСИСКО МЕРОНЬО

И СНОВА В БОЙ


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге испанского летчика Франсиско Мероньо, сражавшегося против франкистов в 1937–1939 годах и против немецко-фашистских захватчиков на фронтах Великой Отечественной войны, рассказывается об участии испанских летчиков в боях за Москву, Сталинград, на Курской дуге, а также об их борьбе в партизанских отрядах.

Автор показывает и послевоенную мирную жизнь испанских летчиков в Советской стране, их самоотверженный труд на фабриках и заводах.

- Франсиско Мероньо
  - Предисловие
  - Тревога
  - Летчики-испанцы в глубоком тылу врага
  - В 125-й дивизии
  - Несостоявшаяся встреча
  - Бои на У-2
  - Баку — Тегеран
  - Мануэль Сарауса и его друзья
  - На территории, занятой врагом
  - По льду залива
  - В небе Сталинграда
  - И снова в бой
  - На Курской дуге
  - За освобождение Польши
  - Близ озера Балатон
  - В мирные дни
- notes
  - 1
  - 2

Франсиско Мероньо
И снова в бой

Друзья познаются в беде

Народная пословица

Предисловие

Началась вторая мировая война. За несколько месяцев до ее начала значительная часть испанских республиканских летчиков была вызволена из лагерей для интернированных во Франции и переправлена в Советский Союз. Испания была далеко от нас, но она по-прежнему жила в наших сердцах. Мы, как и раньше, горели ненавистью к фашизму и хотели продолжать борьбу с ним. В Испании после поражения республиканцев свирепствовал разнузданный террор франкистов. Мы, летчики, выехавшие из Франции за несколько месяцев до начала второй мировой войны, чувствовали себя как бы виноватыми перед теми, кто еще долгое время томился там в лагерях.

Несмотря на поражение республиканцев в Испании, мы сохранили веру в победу над фашизмом. Коммунистическая партия Испании продолжала вести напряженную борьбу в новых условиях. Советский Союз, верный ленинским принципам интернационализма, вновь оказал нам, испанским антифашистам, братскую помощь.

Советская страна стала для нас второй родиной, и мы вместе с советскими людьми взялись за оружие, чтобы защитить ее от гитлеровской нечисти.

Итак, наша борьба продолжалась, и мы были по-настоящему счастливы, что можем вновь встать в один строй с теми, кто, не щадя своей жизни, вместе с нами боролся с фашизмом в Испании. Это братство по оружию, эта совместно пролитая кровь были и всегда будут священны для нас.

В предлагаемой читателю книге содержатся воспоминания о нашей дружбе и работе, о совместной борьбе, которую мы вели на полях Великой Отечественной войны во имя победы над нацизмом.

До настоящего времени почти ничего не написано об участии испанцев в борьбе против фашизма на территории Советского Союза. Наша боевая дружба с советскими людьми — пламенными интернационалистами родилась еще в Испании: в горах Овьедо, на полях Эстремадуры, под Гвадалахарой, в Валенсии и Каталонии. В годы Великой Отечественной войны эта дружба была скреплена кровью на полях сражений под Москвой, Сталинградом и Ленинградом, в Белоруссии, на Украине и в Крыму, в Польше, Румынии, Болгарии и Чехословакии, вплоть до Берлина. И во многих братских могилах рядом с погибшими советскими героями похоронены испанские коммунисты. Верные пролетарскому долгу, они отдали свою жизнь, защищая от

ненавистного врага любимую ими великую страну Ленина.

Вместе со мной в Кировабаде летные курсы, первый выпуск, окончили 200 испанских юношей. 180 из них погибли на фронтах: одни — в Испании, другие как участники Великой Отечественной войны. Все они достойны того, чтобы о них писали в книгах. К сожалению, память сохранила лишь наиболее яркие эпизоды, но пусть они станут памятью обо всех погибших.

В годы Великой Отечественной войны республиканцы Испании боролись с врагом не только как авиаторы. Некоторые из них стали партизанами и били фашистов в их глубоком тылу. Об этом рассказывается в начале книги.

Героически сражался в небе Сталинграда испанский летчик Хосе Паскуаль Сантамария. За короткое время он уничтожил 14 самолетов врага и был сбит в неравном бою. Трагически погиб неподалеку от Баку наш ас Мануэль Сарауса. Героически сражался с врагом летчик Селестино Мартинес и был сбит в Венгрии близ озера Балатон. Ансельмо Сепульведа погиб в Сталинграде, Хосе Креспильо и Антонио Урибе — в Киеве, Исидоро Нахера — в Грозном и т. д. Можно назвать еще немало имен испанских летчиков, героически погибших на полях сражений.

С первых дней Великой Отечественной войны мы, испанские коммунисты, все, как один, делили с советскими людьми и горести, и радости. Мы делали все, что было в наших силах, стараясь приблизить день победы над фашизмом.

Испанские коммунисты твердо убеждены в том, что политика мира и пролетарского интернационализма, проводимая СССР и странами всего социалистического лагеря, их постоянная борьба за мир являются мощными факторами укрепления мира во всем мире, залогом счастья и прогресса всего человечества.

Тревога

Посмотрите в небо, оглянитесь в одну из таких ночей, переполненных звездами, взрывами, светом прожекторов и трассирующих пуль! Подумайте хорошенько надо всем происходящим и постарайтесь разобраться в этом урагане жестокой битвы. За трагическим и страшным вы увидите огромную силу духа и волю к победе великого советского народа.

— Давно объявили тревогу? — спрашиваю у Ариаса, который стоит, расставив ноги и прислонившись к печной трубе, чтобы не быть сброшенным с крыши взрывной волной.

— Не знаю! — отвечает он.

Поздний час. В окошке на крыше появляются знакомые лица. Это Альфредо Фернандес Вильялон и Хосе Паскуаль Сантамария. Они тоже дежурят сегодня на крыше. Крутят головой, осматривая ночное небо. В свете прожекторов в нем вспыхивают серебряными нитями десятки повисших в воздухе «колбас» воздушного заграждения. По соседним крышам передвигаются серые тени: там тоже дежурят люди.

Это первая воздушная тревога. Первый вражеский самолет прорывается в воздушное пространство над Москвой.

На этот раз мы с Ариасом дежурим на самой крыше. Еще один наш товарищ, Макайя, стоит внизу у лестницы — на случай, если понадобится вода. А Бланко и Дуарте — у ящиков с песком: один — с лопатой, другой — с железными щипцами с длинными черными ручками. Все мы напряженно ждем, как будут развиваться события.

Начались они так: в одиннадцать вечера из репродуктора раздался голос диктора московского радио Левитана: «Внимание, внимание! Граждане, воздушная тревога!..»

С крыши мы видим, как вдали, на окраине города, со стороны Пролетарского района, возникает огненная завеса. Постепенно приближаясь к центру, она несет с собой грохот зенитных выстрелов, пулеметных очередей и взрывов бомб.

Лучи прожекторов прорезают небо в разных направлениях. Кажется, будто горит сам небосвод.

Вдруг в небе что-то вспыхивает, как молния: это прожектор выхватывает силуэт фашистского самолета. Мгновение — и «Юнкерс-88» в цепких объятиях других прожекторов. Самолет пролетает над улицей Горького, затем поворачивает вправо и над кинотеатром «Ударник» пытается уйти влево. Его путь освещают прожекторы и вспышки взрывов зенитных снарядов.

Зенитная пушка, установленная во дворе нашего дома, пока

молчит. Мы, испанцы, в шутку прозвали ее «Фелипс». Молчаливые и сосредоточенные артиллеристы ждут приказа открыть огонь.

Наконец пушка начинает стрелять, освещая вспышками выстрелов двор.

Немец стал сбрасывать бомбы. Падают стокилограммовые фугаски. Две крупные «капли» летят со свистом: «фиу!.. фиу!..»

— Держись, дружок, эти будут наши! — почти в самое ухо кричу Ариасу. «Бум!., бум!..»

— Мимо! — говорит Антонио огорченно. У него такое выражение лица, будто он весьма сожалеет, что бомбы упали вдали от нас.

— Зато следующая наверняка наша! — говорю я. «Фиу!.. фиу!.. бум!., бум!..»

— Упали в саду, сегодня нас обделили.

— А-а!.. — Звук упавшего тела — и молчание.

— Кто-то упал с крыши… Сбросило взрывной волной!

— Держись крепче за трубу!

Мы уже оглохли от взрывов фугасных бомб и грохота зенитных снарядов. Вдруг на нашу крышу падает дождь из зажигательных бомб. Разгораясь, они шипят и плюются огнем на манер верблюдов: «пшить!.. пшить!..»

С криком бежим к месту падения бомб. В руках щипцы, пустые ведра, лопаты… И только когда последняя зажигалка погасла в ящике с песком, вздыхаем с облегчением. «Прилипший» к потолку чердака дым потихоньку опускается и выходит через люк, пока не выветривается совсем.

И опять начинает стрелять «Фелипс». Объятый пламенем «юнкерс» штопорит за Серпуховской площадью. До нашей крыши долетают возбужденные голоса людей, идущих по улице. Стучат по мостовой солдатские сапоги. Ноющий звук моторов немецких самолетов удаляется в ночь. Светает. Мы стоим обнявшись и тихо разговариваем сорванными, охрипшими голосами.

Наступила относительная тишина. Защитники города подбирают раненых и убитых. Дежурство продолжается — ждем следующего налета…

Мы находимся на крыше высокого дома. Живем в этом доме целую неделю. Мы — это испанские летчики, приехавшие совсем недавно с подмосковной станции. Там мы проходили военную подготовку. Кажется, будто прошла целая вечность с тех пор, как мы вышли дежурить на крышу. Всех нас тоже тревожат сводки о положении на фронтах: немцы все больше углубляются на советскую территорию, а мы сидим без дела.

— А что, если поговорить с полковником? — предлагаю я

своим друзьям.

22 июня — день начала войны остался уже далеко позади, но его невозможно забыть. Тогда казалось, будто время остановилось. Суровый голос Левитана сообщил тяжелую весть, от которой поползли мурашки по спине: немцы бомбили города Минск, Киев, Харьков…

Потом, в своем общежитии, мы бегали по этажам, кричали, плакали, неизвестно чему смеялись. Все мы хорошо знали, что такое война. Роденас, полураздетый, держал руки в карманах брюк и как сумасшедший хохотал на весь дом. Бледный как смерть Кано застыл на месте, вращая глазами. Моретонес достал с чердака чемоданы и начал кричать:

— Э!.. Готовьте чемоданы! Теперь мы уж точно поедем домой, в Испанию!.. В Испанию! Теперь фашизм не устоит!

В этой суматохе Алкальде, самый старший в нашем коллективе, серьезный, с худым длинным лицом и тонкими губами, закричал?

— Прекратите суету! Те, кто сегодня работает, пусть едут на завод. Кто хочет воевать, за мной!

— Куда мы пойдем?

— На стадион «Динамо». Там записывают в Красную Армию иностранцев-добровольцев.

На завод в этот день никто не пошел. Мы, летчики, отдельной группой вышли на улицу и запели. На трамвайной остановке нас пристальным взглядом окинули двое пожилых мужчин.

Один из них сказал другому:

— Похоже, эти испанцы собрались не на войну! Другой, обратившись к нам, спросил:

— Вы, испанцы, совсем недавно пережили войну и знаете, как гибнут тысячи людей от рук фашистских палачей, не так ли?

— Да, мы хорошо знаем, что такое фашизм! Но теперь победа над ним уже не за горами. Мы будем сражаться вместе со всем советским народом!

— Но вы могли бы подождать, пока настанет очередь освобождать Испанию…

— Нет! Ни в коем случае! Мы знаем, борьба будет тяжелой, и не хотим сидеть сложа руки! Мы еще не рассчитались с фашизмом. Наш долг — быть в одном строю с советскими людьми!

Мы думали, что прибудем на стадион «Динамо» одними из первых. Однако возле него уже толпилось много людей, будто тысячи любителей футбола пришли в этот день на матч. Стали в очередь и мы, как это делали раньше, когда покупали билеты на футбол.

Над морем голов увидели орлиный профиль Фернандо Бланко. Машем ему руками, и он присоединяется к нашей группе. Испанских летчиков набралось изрядно. Все они работают на автомобильном заводе имени Сталина. Среди них Рамон Моретонес, Антонио Кано, Хесус Ривас, Хосе Макайя, Висенте Бельтран, Хосе Паскуаль Сантамария и другие.

После долгих часов ожидания мы наконец оказались у стола, где ведется запись. Два сержанта составляют списки. Рядом с ними — пожилой генерал небольшого роста, с белыми как лунь волосами. Однако он весьма энергичен и подвижен. Вопросы его лаконичны и конкретны:

— Имя?

— Хосе Паскуаль Сантамария.

— Возраст?

— Двадцать лет.

— Профессия?

— Летчик.

— Мы здесь не записываем летчиков. Следующий!

— Хорошо, хорошо, не так быстро, товарищ генерал. Нам, летчикам, все равно куда… лишь бы сражаться. Фашисты — наши давние враги!

— Мы набираем в партизаны, — говорит генерал. — А вы можете пройти пешком в день двадцать километров?

— Хоть сорок, если нужно!

Нас записывают одного за другим. Подходят другие летчики: Хуан Ларио, Антонио Бланко, Антонио Бланч, Хуан Фуертес Иаса, Селестино Мартинес, Леонсио Веласко, Мануэль Леон, Франсиско Бенито.

И вот мы уже покидаем стадион, надев военную форму. На Охотном ряду заходим в небольшое кафе и тратим, последние деньги. Поздно ночью на трамвае возвращаемся домой.

На следующее утро отправляемся в свою часть. Она находится недалеко от Москвы. В лесу разбиты палатки. Ярко светит солнце. Кругом сочная, пышная зелень. Кажется, будто люди прибыли сюда на летние каникулы, а не для того, чтобы готовиться идти на войну. Советских людей и иностранцев разных национальностей объединяет одно — готовность сражаться с фашистами.

Учеба каждый день: строевая подготовка, марши, изучение оружия, стрельба, метание гранат. «Взрываем» мосты и железнодорожное полотно.

В часть еще прибывают испанские летчики: Ладислао Дуарте, Антонио Ариас, Исидоро Нахера, Доминго Бонилья, Блас Паредес, Альфредо Фернандес Вильялон.

Учебная нагрузка увеличивается с каждым днем. Время на отдых сокращается. На третий день пребывания в лагере меня вызвал генерал, тот самый, который записывал нас на стадионе.

— Мне сказали, будто вы умеете готовить. Это правда?

— Немного. Готовил только дома, в семье…

— Вот и хорошо. Берите под свое командование кухню и постарайтесь, чтобы пища была хорошей.

— Для стольких людей? Да я не справлюсь!

— Что для одного, что для многих — какая разница. Просто увеличивается количество порций. На сегодня у нас это самая важная задача. У нас нет поваров.

— Но я пришел сюда не для того, чтобы стать поваром. Я хочу сражаться с винтовкой в руках, а не с половником…

— Повар на войне имеет большое значение.

На кухне в моем подчинении оказались бурят Матзу, итальянец Росантини, русская женщина Елена Александровна и украинка Екатерина Васильевна. Мы впятером стараемся изо всех сил, делаем все возможное. Солдаты нами довольны. Однако в мои планы не входит из летчика превращаться в повара.

Наряду со своими поварскими обязанностями я стараюсь освоить необходимые для разведчика-партизана навыки. Кажется, мне это удается. Бойцы нашей части настроены по-боевому. Все верят в победу над врагом. Однако вести с фронтов тревожные: фашисты продолжают углубляться на территорию Советского Союза. Наше обучение ведется в ускоренном темпе.

И вот наступает день, когда комиссия проверяет наши знания. Начинают комплектовать группы для заброски на оккупированную территорию. Отрабатываются конкретные вопросы, связанные с обстановкой в тылу врага, обусловливаются сигналы сбора группы и т. д. В лагерь для подготовки прибывают новые люди.

Наконец нас вызывает генерал.

— Вы готовы к выполнению задания? — спрашивает он.

— Да, поскорее бы. Мы готовы!

— Ваша группа отправляется на задание в известный вам район. Дополнительные указания получите перед вылетом. В тылу будете находиться под командованием товарища П. Есть вопросы?

Мы молчим. Понимаем, насколько сложна наша задача: в тылу врага с нашим слабым знанием русского языка мы будем вызывать подозрение у населения.

— Если нет вопросов, идите получать снаряжение и оружие. Будьте готовы к ночи.

Из штаба идем на склад. Туда уже передали список нашей

группы. Сержант называет фамилии и вручает каждому из нас винтовку, патроны, ручные гранаты, мины и охотничий нож, так хорошо заточенный, что им хоть брейся. Получаем трехдневный паек и одежду, фонарики и парашюты.

— А когда эти продукты кончатся, что будем есть?

— Позаимствуем у немцев!

— Сегодня в Москве, а завтра…

— А завтра в тылу у немцев!

На грузовике добираемся до аэродрома имени Чкалова. Несколько самолетов Ли-2 выстроились в ряд. Возле одного из них выгружаемся со своим снаряжением. Два механика осматривают моторы.

Молча забираемся в самолет и располагаемся на сиденьях вдоль фюзеляжа.

Ждем, пока станет темно. В июле в Москве ночи короткие: в три часа уже начинает светать. В ожидании отлета засыпаем. Однако самолет в ту ночь так никуда и не улетел.

Спрашиваем у командиров:

— Почему?

— Там, где вы должны прыгать с парашютами, плохая погода.

Три дня подряд мы проделываем один и тот же путь: к самолету и обратно, в лагерь под Москвой.

— Надо поговорить с генералом, — не выдерживает Бланко. — Что-то наш отлет слишком задерживается!

Бланко, Паскуаль и я направляемся к генералу и коротко докладываем о себе:

— Мы из группы летчиков. Уже три дня пытаемся вылететь в тыл противника и все никак не получается… Говорят, мешает плохая погода…

— Этой ночью вылетите. Погода заметно улучшилась. Среди вас нет таких, кто боится прыгать с парашютом?

— Наоборот, все мы только этого и ждем!

После разговора с генералом наша группа успокоилась. Лагерь продолжал жить своей жизнью. О нас будто никто и не вспоминал.

Случайно мы повстречали знакомого бурята Матзу. Увидев нас, он удивился:

— А я думал, вы давно уж бьете фашистов!

— Скоро вылетаем. До скорого свидания в тех краях!

После обеда нас разыскал дежурный по лагерю:

— Где здесь летчики, которые должны сегодня вылетать?

— Мы самые, — ответил Бланко.

— Генерал просит вас к себе.

Идем с Фернандо Бланко в штаб. Дежурный по штабу вручает

нам пакет. Генерал говорит:

— В этом пакете — новое назначение для вашей группы. Вы — старший. Сдайте все снаряжение и сегодня в семнадцать ноль-ноль явитесь по указанному на конверте адресу.

— Есть!

В недоумении выходим из палатки, где помещается штаб.

Вот так удар! От неожиданности не знаем, что делать. Собираем всю группу и не можем прийти к какому-либо выводу. Сдаем снаряжение и продукты, предназначенные на три дня.

20 июля 1941 года в 17.00 прибываем в назначенное место. Оттуда в сопровождении капитана идем по новому адресу. Поднимаемся на третий этаж. Все молчат. Входим в большую комнату. В ней семнадцать одинаковых кроватей, накрытых байковыми одеялами. На столиках пачки папирос, шахматы, домино.

— Кто знает, для чего мы здесь?! — восклицает Ларио, ни к кому не обращаясь.

На его вопрос отвечает сопровождающий нас капитан:

— Товарищи, с этого момента вы будете располагаться здесь. На двери висит распорядок дня.

— А на улицу мы можем выходить? — осмеливается спросить Паскуаль: он явно хочет повидаться со своей девушкой.

— Сегодня нет. Завтра получите удостоверения, тогда будет можно. Да, совсем забыл! — вдруг говорит капитан, оборачиваясь в дверях. — На столе имеется инструкция на случай тревоги, не забудьте почитать ее. Убежище — в подвале, рядом с клубом.

Так что эту ночь мы провели не в лесах Белоруссии, где нам бы пришлось искать друг друга с фонариками в руках, а в чистых кроватях, приняв перед сном горячий душ и плотно поужинав.

— Добро пожаловать! — встречаем мы остальных испанских летчиков, прибывших на следующий день. Теперь все семнадцать кроватей заняты. Значит, те, кто нас сюда направил, заранее знали, сколько нас всего.

Бой Кремлевских курантов доносится и к нам в комнату. Кажется, будто время остановилось.

…Здесь мы уже неделю. Вдвоем с Бланко заходим в кабинет полковника.

— Может, вам что нужно? Вам здесь хорошо? — спрашивает он.

— Извините, товарищ полковник, но нам ни к чему эта спокойная жизнь, когда фронт приближается к Москве!

— Вы, наверное, думаете, мы не знаем, что делаем? — Полковник встает, кладет нам руки на плечи и провожает до двери.

— Не волнуйтесь и не торопитесь. Наберитесь терпения. Придет и ваш час.

Выходим из кабинета с унылым видом. Разговор с полковником ничего не прояснил.

И всё же на следующий день результат встречи с начальством не замедлил сказаться: нас вызвал майор Хомяков. Этот летчик воевал в Испании, в Мадриде. Валентин Иванович тепло и задушевно беседует с нами.

— Товарищ майор, какое задание мы будем выполнять?

— Всему свое время. Единственное, что я могу сказать, — вами интересуется лично товарищ Сталин. — Это он сообщает почти шепотом. Только говорю вам — все это по секрету…

На третий день получаем летное обмундирование по списку, который приносит Валентин Иванович, и покидаем дом. На крыше этого дома мы пережили первый воздушный налет немецких самолетов на Москву.

…На аэродроме имени Чкалова совершаем тренировочные полеты: сначала — на самолетах Як-1, затем — на Як-7.

Все рвутся в воздух. Каждый стремится как можно меньше быть на земле и как можно больше — в полете.

— Сколько же времени вы не летали? — интересуется Валентин Иванович.

— Больше двух лет.

— А почему?

— Сначала, после Испании, находились в лагерях во Франции, затем работали здесь, в Москве, на автозаводе. Когда началась война, нам снова захотелось в воздух, чтобы сражаться с фашистами.

На четвертый день полетов нас ожидал на аэродроме транспортный самолет. Майор Хомяков сообщил новость: будем летать да других типах самолетов.

Занимаем места пассажиров. Летим над густыми лесами. Первым нарушает молчание Ариас:

— Куда мы летим?

— Кто знает…

Приземляемся. Повсюду дымят высокие заводские трубы. Вдали синеют отроги Уральских гор. Аэродромное поле занято самолетами, которых мы не знаем.

— Это наш конечный пункт или полетим дальше? — спрашиваем мы майора Хомякова.

— Поживем здесь несколько дней.

На следующий день, ранним утром, когда солнце еще не успело разогнать туман, едем на автобусе на другой аэродром. На опушке леса замечаем силуэты знакомых нам по Испании

самолетов. В памяти всплывают яркие эпизоды войны с франкистами — воздушные бои с немцами над Мадридом, Эбро, Валенсией, Барселоной…

— Ваша задача, — объясняет майор Хомяков, — научиться летать на этих самолетах. Чем раньше вы этого добьетесь, тем скорее попадете на фронт.

— На этих самолетах полетим на фронт?

— На этих самых!

— И что там будем делать на них?

— Выполнять задачи по разведке территории, занятой врагом.

Несколько типов самолетов мы должны освоить за считанные дни: «Мессершмитт-109», «Дорнье-215» и «Юнкерс-88».

Так проходит несколько дней. Изучаем вражеские самолеты и летаем на них. В минуты отдыха пытаемся поговорить по душам с майором Хомяковым.

— По-моему, вы уже можете сказать нам что-нибудь более определенное о наших задачах, — говорит Бенито майору.

— Больше терпения! Ваши полеты в будущем — выполнение специального задания. Это личная идея товарища Сталина. Нужно хранить это в секрете. Так лучше будет для всех. Вы же видите, как к вам все здесь хорошо относятся!

Это действительно так, но мы чувствуем себя неловко: идет война, и такая забота о нас нам кажется излишней.

— В Испании вы ведь тоже заботились о нас, советских летчиках, говорит Хомяков.

— А!.. В Испании была другая война. Вы тогда приехали к нам, чтобы защищать наше дело, а здесь мы теперь являемся советскими гражданами.

В последние дни октября заканчиваем тренировки. Не обошлось и без неприятностей — в авиации это бывает.

В один из последних полетов на «юнкерсе» в кабине находились пилот Мануэль Леон, командир экипажа майор Опадчий и бортмеханик Хосе Агинага. Пилот неправильно рассчитал взлет, а летное поле было весьма ограничено по своим размерам. При взлете пилоту не хватило опыта: «юнкерс» оказался для него весьма сложной машиной. Самолет подскочил и, ударившись о землю, упал на крыло. Самолет охватило пламенем. Бортмеханику со сломанными ногами удалось выбраться. Вот из охваченной пламенем машины появился дымящийся Опадчий. Однако летчик Леон все не выходил из горящей кабины. Вот-вот взорвутся бензобаки. Федор Федорович Опадчий, несмотря на пламя и опасность взрыва, бросается в самолет и вытаскивает из кабины Леона. Оба они получили

значительные ожоги.

Едва мы успели оттащить их всех от самолета, как раздался взрыв бензобаков. Раненых увезла санитарная машина.

А фашистские орды все приближаются к Москве. Каждый день, проведенный в тылу, мы считаем потерянным. Майор Хомяков и комиссар капитан Капустин пытаются нас утихомирить: придет, мол, и наш черед.

— Что нам здесь делать? Москва в опасности! Мы тоже москвичи и должны ее защищать.

Становилось все холоднее и холоднее. Ударили настоящие морозы. Все покрылось белой пеленой. Снег в том году выпал рано, и скоро мороз нарисовал свои узоры на окнах. Ветры на Урале сильные, пронизывающие насквозь…

Помню, как мы впервые познакомились с русскими морозами. Мы только начали работать на автомобильном заводе в Москве. Мороз тогда нам показался какой-то катастрофой, которую невозможно пережить.

Это была первая зима для испанцев, приехавших в СССР. Мы вышли на улицу с завода в полном молчании. Было без пяти минут час — конец второй смены на заводе. На остановке трамвая встретили Бланча и Роденаса.

— Что случилось? Не ходят трамваи?

— Похоже, что так. У людей уже есть опыт: раз они идут пешком, значит, трамвая не будет. Посмотри, сколько снега! Все пути замело!

Снега, действительно, было на полметра, а то и больше.

— Всего десяток трамвайных остановок! — пытался успокоить нас Паскуаль, — Всего пять километров до дома!

И мы пошли, подняв воротники, засунув руки в карманы и напевая популярную в те времена песенку: «Тучи над городом встали…»

Замерзли мы так, что казалось, не отогреемся вообще. Многие потом говорили, что и одной такой зимы мы не выдержим. Выдержали, привыкли и даже полюбили русскую зиму с ее ядреными морозами и пушистым снегом…

* * *

Наконец прибыл состав, собранный из разных вагонов — товарных и пассажирских. Он шел с Дальнего Востока с частью, направлявшейся на фронт. К этому поезду прицепили и наш вагон. И вот мы едем туда, где фронт. Тепло прощаемся с майором Хомяковым. У некоторых из нас на глазах слезы. Крепко

обнимаемся, похлопываем друг друга по плечу. Нас сопровождает капитан Капустин.

В нашем вагоне сравнительно свободно, и вскоре к нам перебираются несколько солдат из других вагонов. В вагоне нестерпимая жара. Иногда мы выходим в тамбур подышать свежим воздухом.

После долгого пути наш поезд прибывает в столицу. Из репродуктора на перроне слышатся удары курантов.

— Десять часов! — говорит Ариас и смотрит на свой хронометр, который он получил, когда был командиром эскадрильи в Испании.

По радио передают речь И. В. Сталина.

— Ур-ра! Ур-ра! — несется из всех вагонов. Русские солдаты обнимаются с нами.

— Парад на Красной площади!

— Ты что плачешь? — спрашивает меня Паскуаль.

— Это слезы радости! Парад на Красной площади, и мы в Москве!

Ноябрьский холод дает о себе знать. Термометр на вокзале показывает 20 градусов ниже нуля.

— Что будем теперь делать? — спрашиваем капитана Капустина, выгрузившись из вагона.

— Подождите немного. Пойду позвоню по телефону. Ждем его на перроне. Холодно. Поднимаем воротники. Возвращается комиссар.

— Едем в Быково!

— Где это?

— Недалеко, километров тридцать. Поедем электричкой.

В Быково нас приписывают к 1-й авиабригаде Народного комиссариата обороны.

Капитан Капустин, прощаясь с нами, говорит:

— С этого аэродрома будете защищать Москву на самолетах «миг».

— Что случилось? Почему мы не будем выполнять задачу, к которой готовились?

— Положение изменилось. Враг у ворот Москвы. Задание с немецкими самолетами требует особых условий. Потерпите.

В 1-й авиабригаде нас распределяют по двум эскадрильям: Антонио Ариас, Висенте Бельтран и Гарсия Кано попали в первую эскадрилью; Хосе Паскуаль, Хуан Ларио и я — во вторую. Остальная часть нашей группы под командованием Ладислао Дуарте получила в свое распоряжение самолет И-15 («чато») «курносый», как называли мы его в Испании. Самолет был выделен для патрульных полетов. Под командованием Л. Дуарте

— летчики Франсиско Бенито, Альфредо Фернандес Вильялон, Доминго Бонилья, Фернандо Бланко, два штурмана — Хосе Макайя и Рамон Моретонес, механик Хесус Ривас Консехо и радиоспециалист Анхел Гусман.

На следующий день начались полеты. Мне повезло больше, чем другим: я получил истребитель Як-7, поврежденный при посадке, а после ремонта переданный мне. Остальные сели на самолеты «миг». Это были настоящие летающие крепости, вооруженные четырьмя пулеметами и восемью реактивными снарядами. Вот бы нам такие самолеты в Испании!

Дальность полетов у нас весьма ограничена: Центральный институт аэрогидродинамики (ЦАРИ), Кашира, Серпухов, Наро-Фоминск, Быково. Другие пилоты завидуют мне, так как «як» легко набирает высоту, хорошо маневрирует и обладает большей скоростью, чем «миг». Зато у «яка» меньше вооружения: два 12-миллиметровых пулемета и 20-миллиметровая пушка.

Вот первый боевой полет на высоте две тысячи метров. Я лечу в составе звена. Под нами Ока. Один берег наш, другой захватили немцы. Стелется дым от пожарищ. Внимательно осматриваем небо и замечаем эскадрилью Ю-88, которая только что сбросила свой бомбовый груз возле моста через Оку. Капитан Сурков до отказа нажимает рычаг газа, включает форсаж. «Миг» выбрасывает длинный черный хвост дыма и хорошо набирает высоту. Сержант Красивчиков на другом «миге» и я на своем «яке» повторяем боевой разворот командира.

Расстояние между нашими истребителями и «юнкерсами» сокращается. Вдруг самолет сержанта вздрагивает, и два длинных огненных вихря оставляют за собой черный след дыма. Впервые наблюдаю атаку реактивными снарядами. Хочется увидеть результат их действия. Два черных шара от взрывов снарядов повисают в воздухе. Враг увеличивает скорость, и мы теряем его в густой облачности. Слишком рано были выпущены снаряды! Неудачный расчет дистанции!

Возвращаемся в Быково. Над аэродромом белая пелена. Видимости никакой. Наружная температура — 30 градусов ниже нуля. Открываю фонарь кабины, выпускаю шасси и ориентируюсь по дыму фабрики, которая находится вблизи аэродрома. «На ощупь» веду свой «як» на посадку, скорость 200 км/час. Чтобы убедиться в правильности ориентировки, дважды высовываюсь из кабины.

Все идет хорошо. Вот и заснеженное поле, которое легко можно «перепутать» с небом. Когда машина остановилась, слышу встревоженный голос механика Сергея Ивановича:

— Скорее вылезай из кабины!

— Что случилось? Самолет горит?

— Лицо, ты обморозил лицо!

— Лицо? Ты шутишь! Я ничего не чувствую!

— Бельтран! Разотри ему лицо снегом!

Снимаю очки и шлем. Бельтран берет пригоршню снега и начинает тереть мне щеки. Я ничего не чувствую и ничего пока не понимаю.

Нас ждут на командном пункте, чтобы разобрать полет.

— У вас была возможность подойти к врагу ближе, — говорит капитан Сурков, — а открывать огонь или нет — это зависит от командира. Сегодняшний случай показал, что нам нужно патрулировать на большой высоте. Определить расстояние в воздухе — дело не простое, особенно когда единственный ориентир — самолеты врага, а в воздухе они всегда кажутся больше, чем на самом деле.

Сержант слушает замечания в свой адрес, опустив голову. Мое лицо начинает отходить, и теперь я чувствую; как оно быстро опухает. Взглянул в зеркало в простенке и не узнал сам себя…

После поражения врага под Москвой фашистские самолеты на нашем участке не появляются. Однако нервное напряжение первых месяцев войны еще сказывается. По ночам меня мучат кошмары. Вот вижу во сне, что фашисты сбросили десант в расположение нашего аэродрома. Немцы просочились через поселок, заполнили двор нашего дома и поднимаются по лестнице к комнате, где мы спим…

Просыпаюсь и обнаруживаю, что сижу на кровати с пистолетом в руке и вот-вот начну стрелять. При этом, оказывается, кричу: «Фашисты! Стреляйте!..»

— Где? — спрашивает Бланко, спавший на соседней койке.

Из угла, где спят Ариас и Дуарте, слышатся крепкие словечки и нелестные замечания в мой адрес. Я прихожу в себя…

* * *

Обстановка окончательно прояснилась. От Быкова война уходит все дальше. Живем почти мирной жизнью, и это нас совсем не устраивает.

— Так больше продолжаться не может, — заявил однажды Паскуаль. — На фронт, только на фронт!

— Надо идти к полковнику!

Однако проходит день за днем, а мы никак не можем договориться, кому идти к полковнику. От одного его грозного вида пропадает желание обращаться к нему с нашими просьбами.

Дело в том, что полковник почти двухметрового роста, а плечи у него шире, чем у наших двух товарищей, вместе взятых. На голове — копна огненных волос, а глаза так и мечут молнии, когда он чем-то недоволен.

Мы, видно, долго бы еще искали подходящую кандидатуру для разговора с полковником, если бы не случай, произошедший во время одного из обычных полетов. Зима уже кончилась, снег растаял, и мы уже давно не встречали в воздухе врага. Поле аэродрома покрылось зеленой травой.

На этот раз в воздухе находились капитан Сурков и Бельтран. Возвращаясь, они пронеслись над аэродромом на бреющем полете. Первым пошел на посадку капитан Сурков.

— Как хорошо его слушается «миг»! Тебе нравится? — спрашивает Ариас.

— Это капитан Сурков отлично управляет самолетом! — отвечаю.

И действительно, самолет плавно приземлялся на «три точки» у самого знака «Т».

— Превосходно! Ничего не скажешь! Вот как надо приземляться! — восклицает Ларио, которому почему-то нравится предвосхищать события.

Однако в момент, когда самолет плавно и легко касается зеленого поля аэродрома, из-под его плоскостей в направлении штабных помещений вылетают два реактивных снаряда и взрываются на середине поля. А самолет от внезапного пуска ракет переворачивается вниз кабиной и в таком виде вспахивает летное поле. Летчик забыл поставить на предохранитель гашетку реактивных снарядов. В авиации небольшие погрешности чреваты грозными последствиями…

Из-под самолета извлекают бездыханное тело капитана Суркова. На его похоронах мы, испанцы, пролили немало слез, оплакивая своего боевого товарища. И теперь мы не могли откладывать разговор с полковником. Выбор пал на Хосе Паскуаля, Антонио Кано и меня…

— Садитесь! — сказал нам полковник, указав на стулья, стоявшие вдоль стен его кабинета, — Что вас привело ко мне?

— Хотели бы действовать, товарищ полковник…

— Как действовать?! Вам не нравится летать здесь?

— Хотелось бы на фронт — воевать по-настоящему.

— Скоро придется, — говорит полковник, поднимается из-за стола и начинает ходить по комнате. Мы тоже вскакиваем со своих мест.

— Сидите! Это у меня такая привычка… Где бы вы хотели воевать?

— Куда направят. Здесь мы ничего не делаем. Поднимаемся с полным боекомплектом и садимся с полным боекомплектом. Хотелось бы в воздухе встречаться с врагом и использовать боеприпасы против него, а не так, как это случилось с капитаном Сурковым.

И хотя мы не совсем хорошо изъясняемся по-русски, полковник нас понимает.

— Хорошо, хорошо. Я знаю, что вас готовили к выполнению заданий в тылу врага, но каких именно — мне никто не говорил. Я сообщу о вашем желании командованию.

Из кабинета полковника мы вышли довольные. — Надо бы зайти к нему раньше, — сказал Кано. — Не так страшен черт, как его малюют!

— Думали, он нас «съест», а как хорошо принял!..

Проходит несколько дней. Ожидание всегда тягостно. Больше мы не летаем. Мой «як» переходит к командиру эскадрильи, а мы ждем приказа. Наконец он приходит.

Однажды после завтрака нас вызвали к дежурному офицеру.

— Сдайте книги в библиотеку и соберите вещи. Скоро придет автобус, и вы направитесь к новому месту службы.

— Можно спросить, где оно? — поинтересовался Фернандо Бланко.

— Это мне неизвестно, — ответил дежурный офицер. Быстро сдаем книги, карты, планшетки.

— Как вы думаете, куда нас?

— На какой фронт?

— А на каких самолетах будем летать?

Мы задаем вопросы друг другу, но никто из нас не может на них ответить. Полковник сдержал слово.

Вот и автобус. Прощаемся с товарищами по бригаде, с которыми вместе провели трудные дни с 7 ноября 1941 года по 25 июля 1942 года.

Прощаться с друзьями всегда тяжело, но мы успокаиваем себя мыслью о том, что впереди у нас настоящая, фронтовая жизнь.

Автобус набирает скорость. По московским улицам проезжаем молча. Улицы почти пустынны. В ответ на все наши вопросы водитель автобуса лишь пожимает плечами.

Миновав Москву, около часа едем по хорошему шоссе. Вот шофер затормозил автобус, пропуская грузовик, полный красноармейцев, и свернул на пыльную проселочную дорогу. Автобус ползет по склону холма, сворачивает направо и замирает у стены из красного, выщербленного временем и непогодой кирпича.

— Доехали! — восклицает шофер, и это единственное слово,

которое он произнес за всю дорогу.

Здесь нас ждут. Это училище командиров-пограничников. Теперь в его учебных классах разместилось другое учебное заведение — школа по подготовке партизан. Здесь несколько отрядов разных национальностей, группа испанцев под командованием Перегрина Переса. Каждый отряд имеет свою программу военной подготовки. Почти все бойцы, за редким исключением, воевали в интернациональных бригадах в Испании.

— Вы знаете, чем будете заниматься? — спрашивает нас майор Винаров.

— Пока нет, — за всех отвечает Бланко.

— Расписание занятий висит на двери каждого учебного помещения: занятия, дежурства, походы. Все это будете выполнять вместе с испанцами, которые здесь уже находятся.

— А вам известно, что мы летчики? — спрашивает Исидоро Нахера.

— Забудьте об этом!

— А кто отдал такой приказ?

— Партия.

— Какая партия?

— Какая? Естественно, ваша. Испанская коммунистическая партия.

На следующий день назначен двадцатикилометровый поход. Антонио Ариас, Хосе Паскуаль и я решили самовольно не принимать в нем участия и обратиться по «личным» вопросам к начальнику местного гарнизона Орлову.

— От кого вы получили разрешение на это посещение? — в первую очередь интересуется Орлов.

— Ни от кого. Мы пришли без разрешения, чтобы выяснить свое положение.

— Что, это так срочно?

— Для нас — да!

Кратко объясняем, что мы — военные летчики, что у нас трехлетний опыт воздушных боев в Испании и что мы тренировались летать на немецких самолетах.

Начальник гарнизона слушает нас внимательно и, кажется, благосклонно.

— Вы мне подали хорошую идею, — наконец говорит он. — Когда будете находиться в партизанских отрядах, то в случае захвата немецких самолетов сможете переправлять их на Большую землю. Как вам это нравится?

— Идея неплохая, и мы готовы немедленно приступить к ее выполнению!

Орлов пишет записку майору Винарову и провожает нас к

выходу. Винаров уже ждет нас.

— Вы что-нибудь принесли мне от Орлова?

— Да, записку, — весело говорит Ариас, уверенный, что наконец-то вопрос наш решен.

— А вы знаете, что здесь написано?

— Нет, не знаем.

— Мне делается замечание за отсутствие дисциплины в части, а на вас приказано наложить взыскание.

Три дня проводим на гауптвахте. За это время окончательно принимаем новое решение. На четвертый день самовольно покидаем училище, не имея на руках никаких документов. На этот раз нас четверо: Фернандо Бланко, Ладислао Дуарте, Антонио Кано и я.

До Москвы добираемся на электричке. Вместе с гражданской публикой выходим на Комсомольскую площадь. Однако нас сразу же замечает военный патруль — капитан и три красноармейца.

— Предъявите документы, — требует капитан.

— У нас нет с собой документов, — отвечаю я по-испански и прошу Кано: — Переведи, что мы — испанская делегация и направляемся в штаб авиации.

Кано переводит, патруль с любопытством осматривает нас с головы до ног.

— Куда вы сейчас направляетесь?

— В штаб противовоздушной обороны.

— Сначала пойдемте с нами.

Идем до Мещанской улицы, где находилась военная комендатура.

— Кто вы такие? — спрашивает майор, к которому приводит нас патруль.

— Испанцы.

— Какое у вас звание, ведь на вас форма офицеров?

— Да, мы — капитаны.

Майор записывает наши ответы.

— Какое задание вы выполняете в Москве?

— Специальное.

— Хорошо, подождите, немного.

Проходит час, другой. Кажется, будто о нас забыли. В здание комендатуры входят и выходят военные, куда-то отъезжают машины.

Наконец появляется майор. Он протягивает нам бумагу и говорит:

— Здесь адрес, который вам нужен. Вас ждет генерал. Можете идти прямо сейчас. Извините, что задержали вас столько времени.

Ошарашенные, берем бумагу с адресом и молча выходим на улицу.

— Что теперь будем делать?

— Пойдем по указанному адресу, а что же еще?

— Пошли, это недалеко!

Спускаемся к площади. Входим в здание. В проходной дежурный спрашивает:

— Вы — испанская делегация?

— Да, — отвечает Кано, продолжая игру, которая неизвестно как кончится.

— На этот раз нам тремя днями гауптвахты не отделаться, — сокрушенно констатирует Дуарте. — А мне совсем не хочется числиться в недисциплинированных.

Говорим дежурному свои фамилии. Через десять минут нас вызывают к окошечку и выдают каждому пропуск. Входим в лифт. Бланко нажимает кнопку седьмого этажа.

Незнакомый нам генерал-майор ждет нас у входа в кабинет. Через распахнутую дверь мы видим там еще двух генералов-авиаторов.

При нашем появлении разговор в кабинете обрывается. Навстречу нам из-за стола поднимается генерал-лейтенант А. С. Осипенко. Тепло, по-братски обнимает нас и сразу забрасывает вопросами. Мы не знаем, на какой ответить сначала.

— Что за форма на вас? Где вы сейчас летаете? На каких самолетах?

Садимся. Два других генерала выходят.

— Хорошо, рассказывайте по порядку… Что привело вас сюда?

Кратко излагаем свою историю, которую мы хорошо подготовили на русском языке за время наших мытарств. Генерал внимательно слушает нас, но очень скоро встает и жестом руки прерывает наше повествование.

— Для меня все ясно. Возьмите бумагу и напишите фамилии всех испанских летчиков, воинские звания, сколько налетано часов, на каких самолетах вы летали, сколько провели боев и сбили самолетов. Напишите это сейчас же, за моим столом.

Мы с энтузиазмом взялись за работу. В кабинете Осипенко ни на минуту не смолкали телефоны. Осипенко отвечал кратко и конкретно. Затем, быстро просмотрев наши записи, сказал:

— Завтра извещу вас обо всем. Получите назначение. Со слезами радости на глазах мы прощаемся с ним, благодарим за содействие.

— Спасибо не нам, а вам, — заметил генерал на прощанье.

У входа в училище нас поджидали остальные испанские

летчики. Дежурный офицер получил приказ сопроводить нас сначала к майору Винарову, а затем на гауптвахту. Рассказываем обо всем случившемся с нами майору Винарову. Он искренне радуется за нас: обнимает и похлопывает по плечу.

— От всей души рад за вас, ребята! Большой вам удачи!

Снова авиация.

Летчики-испанцы в глубоком тылу врага

В то время, когда мы собирались вновь встретиться с фашистами в воздухе, другая группа испанских летчиков уже находилась в глубоком тылу врага.

Это было после разгрома немцев под Москвой. Почти все, кто проходил подготовку в лагере для партизан под Москвой, участвовали в битве за столицу. Большинство испанцев, обучавшихся в этом лагере, также прошли суровые испытания подмосковного сражения. После разгрома немцев под Москвой испанцы, участвовавшие в этих боях, с гордостью называли себя «москвичами».

После сражения под Москвой бойцы-испанцы настойчиво заявили о своем желании продолжать борьбу с врагом.

Полковник Дмитрий Николаевич Медведев и его заместитель по политической части Сергей Трофимович Стехов были назначены руководителями смешанной партизанской бригады, которая находилась в процессе формирования. В нее вошли также и испанские бойцы.

* * *

Май 1942 года. В составе одной из партизанских групп — два испанских пилота: Альфредо Фернандес Вильялон и Хосе М. Бадия. Место выброски этой группы — Западная Украина, недалеко от города Ровно.

Накануне группа в четырнадцать человек приходит на Красную площадь. Этой первой группой командует капитан Саша Творогов. Над площадью торжественно звучат кремлевские куранты.

— Заметьте время, товарищи! — говорит Саша. — Завтра в это время мы будем далеко отсюда.

— Знаем, — отвечает Вильялон, — но наши часы всегда будут показывать московское время.

На брусчатку площади начали падать крупные капли дождя. В небе над улицей Горького ослепительно сверкнула молния.

— Чего доброго, еще не будет летной погоды…

Однако ночь выдалась на редкость удачной для полета через линию фронта, контролируемую немецкой зенитной артиллерией… Небо закрыто тучами, но много и «окон», через

которые просматривается земля. Гроза ушла на юго-запад. Горизонт время от времени освещается длинными всполохами молний, и кажется, будто они вот-вот зацепят самолет за хвост. Неожиданно по «брюху» самолета скользнул луч прожектора. Пилот быстро изменил курс, и самолет нырнул в тучу. Стало еще темнее. Огонек лампочки не рассеивает полумрака в салоне и похож на едва различимый светлячок в ночи. Кто-то пытается шутить, но шутки не получается.

Когда самолет выходит из облаков, пассажиры снова видят лучи прожектора, но на этот раз они уже не представляют опасности.

— Прошли линию фронта! — сообщил голос из динамика, висящего над входом в кабину.

Все с облегчением вздыхают. Испанцы ищут свои фляжки.

— Выпейте глоток, — предлагают они кому-то.

— У меня тоже есть.

— Какая разница? Сегодня выпьем из моей фляжки, а завтра из твоей… Теперь судьба у нас общая!

Испанцы в любом случае не подведут. Наша дружба скреплена кровью на полях сражений в Испании, а здесь станет еще крепче.

Выпили по нескольку глотков спиртного, немного закусили, а потом тихо запели русские и испанские песни. Небо стало чистым, ярко светили звезды.

Но вот раздалась сирена, и над дверью загорелась красная лампочка. Все разговоры мгновенно прекратились.

— Приехали! — сообщил Саша Творогов. — Приготовиться!

В фюзеляже открывается створка, и свежий ветер врывается внутрь. По спине побежали мурашки — то ли от холода, то ли от нервного напряжения. Однако раздумывать нет времени. Зажигается зеленая лампочка, и Саша подает команду:

— Пошел!..

Прыгает русский, испанец, украинец, снова испанец, русский…

— Пошел!.. Пошел!.. — продолжает Саша.

Высота шестьсот метров. Четырнадцать парашютов образуют как бы белые ступеньки, ведущие в небо. Земля приближается, черная, в неясных пятнах, таящая угрозу. Не слышно ни звука. Не видно ни одного ориентира. Но вот загораются звезды в больших лужах от недавнего дождя. По мере снижения парашюта кажется, будто звезды поднимаются вверх и этому их движению не будет конца. Резкий толчок — удар — земля! Какое счастье! Это же земля!

Группа собирается в тишине. Подавая знаки фонариками,

бойцы обходят лужи, осторожно перебираются через вязкие места и болотца. Ветер доносит далекий лай собак, глухой стук колес по дороге. В не видимых ночью кустах щелкает соловей. Бойцы собирают парашюты и углубляются в густой лес.

— Проверьте оружие — и в путь! Скоро начнет светать, — говорит капитан Творогов. — Предстоит большой переход. Дороги у партизан длинные и трудные.

Долго шагают по незнакомым местам. То минуют открытые поляны, то переходят небольшую речку. В лесу их атакуют полчища кровожадных комаров. Пока это их самые злейшие враги.

Небо на востоке заалело. Вот-вот взойдет солнце. Оно высушит росу, разгонит туман, но может выдать противнику отряд. Уставшие люди, крепко прижав к себе автоматы, в тяжелой дремоте привалились к деревьям.

Ворона, усевшись на вершине высокого дуба, начинает громко каркать, ей вторит другая, и вмиг вся воронья стая снимается с деревьев и второпях улетает в южном направлении.

Бойцы, разбуженные криком ворон, открывают глаза. Кое-кто делает по глотку-другому из своей фляжки. Примерно в двух километрах от местонахождения отряда виднеется печная труба, из которой вьется дымок. Дома не видно: его скрывают высокие деревья. Хосе Бадия и Сергей Волков направляются туда, чтобы точнее разведать местность.

Тянутся долгие-долгие минуты ожидания, наполненные тревогой за судьбу ушедших товарищей. Проходит час, другой. Наконец они возвращаются, но с противоположной стороны.

— Что случилось? Почему так поздно? — спрашивает их командир группы.

— Пришлось сделать большой крюк. До Ровно — двести пятьдесят километров. Недалеко отсюда находится станция железной дороги, идущей от Коростеня на Сарпы. Вся местность вокруг забита немцами и полицаями. Ищут партизан, парашютистов, выбросившихся этой ночью, короче — нас.

— Кто вам все это рассказал?

— Мы встретили пастушонка с двумя коровами. Он нам все и сообщил. Дали ему немного шоколаду и сухарей. Сказали, что идем на Киев.

— Нужно срочно уходить отсюда!

— Днем это невозможно! Местность открытая, и нас быстро обнаружат. Лучше остаться здесь до ночи…

Говоривший еще не закончил фразы, как со стороны железной дороги послышались автоматные очереди и лай собак.

— Приготовиться! — приказал капитан Творогов. —

Открывать огонь только по моей команде.

Воцаряется тишина. В кустах замелькали немецкие каски. Все ближе лай собак…

Сколько здесь немцев? Сто, двести? Трудно сказать. Они приближаются, идут открыто, не предполагая засады. За их спиной примерно в двухстах метрах начинается лес. Немцы, наверное, полагают, что партизаны находятся в глубине леса, и потому так беспечны. Яростно рыча и подвывая, собаки ведут за собой солдат.

— Сто метров! — шепчет один из бойцов рядом с Твороговым. До войны он бегал стометровку, и его наметанный глаз точно определяет расстояние, оставшееся до немцев.

Уже слышатся гортанные голоса врагов, видны глаза разъяренных овчарок.

— Огонь!

Четырнадцать автоматов делают свое дело: после первых же очередей враги падают на землю. Убитым уже не встать, остальные убегают. Лая и рычания собак больше не слышно, до партизан доносятся лишь стоны раненых.

Через некоторое время немцы начали обстрел из минометов, интенсивный и прицельный. Немцы снова пытаются атаковать группу, но получают отпор.

Наступила небольшая пауза.

— Я насчитал сорок пять убитых фрицев, — сказал Саша, — тех, которых видно из кустов. Наверняка есть и еще убитые. А сколько наших осталось в живых?

— Пятеро, — ответил Вильялон. — И те почти все раненые.

— Нужно скорее уходить отсюда, пока не началась еще одна атака!

Оставшиеся в живых быстро собрали документы, оружие, снаряжение и по лужам и рытвинам поползли к лесу. Вслед им раздались автоматные очереди.

Весь день и всю ночь шагали пятеро по лесу. На следующий день Творогов, Хосе Бадия, Вильялон и еще двое партизан вышли на край какой-то деревни. В ближайшей хате хозяев не оказалось. Двое партизан пошли в разведку, но быстро вернулись. В деревне вообще никого не было. Не осталось даже кошек и собак.

— Сделаем здесь привал! — сказал Творогов. — Попробуем найти воду и что-нибудь из еды. Да и поспать надо до ночи.

Хосе Бадия обходил дом за домом, пытаясь найти хоть что-то съестное. Он был готов в любую минуту открыть огонь. Нервы были напряжены до предела. Одолевали жажда, голод, усталость.

У полуразрушенного дома он перелез через плетень и заметил, что из окна с разбитым стеклом за ним следят чьи-то

глаза.

Хосе подошел к окошку и увидел древнюю старуху.

— В деревне есть немцы? — спросил он ее.

— Были, очистили всю деревню. Взяли с собой все: коров, коз, кур, одежду. Взрослых кого постреляли, кого увели.

— А как вы спаслись?

— Спряталась в погреб под домом.

— Нет ли у вас чего поесть?

Старуха, не говоря ни слова, пошла в чулан и вынесла кусок сала и краюху ржаного хлеба.

— Ешьте, ешьте на здоровье!

Пятеро партизан подкрепились старушкиным угощением и забрались на чердак дома, на сено. Спали весь день.

Их разбудили крики немцев и лай собак.

— Рус, сдавайтесь! Вы окружены! Бросайте оружие!

Партизаны нашли отверстие в крыше, приготовились к круговой обороне. А в это время с улицы снова донеслись крики:

— Иван, капут!.. Выходите!..

— Коммунисты не сдаются! — ответил Творогов и открыл огонь из своего автомата.

Немцы, оставив у плетня двух убитых, откатились от хаты и открыли огонь из-за ближайших домов.

— Экономить патроны, стрелять только наверняка! — приказал Творогов.

Бой у хаты затянулся. Немцы, потеряв убитыми еще нескольких человек, открыли по хате огонь из пулемета. Первой же очередью был насмерть сражен Творогов. Еще один партизан получил смертельное ранение в голову.

Загорелась соломенная крыша. Трое оставшихся в живых, воспользовавшись дымом, спрыгнули на землю. Это были Вильялон, Бадия и светловолосый голубоглазый белорус. Когда партизанам осталось добежать до леса всего несколько метров, немцы заметили их.

— Скорее в лес!.. Лес — наше спасение! — шептал на бегу Вильялон, но немецкая пуля пробила ему грудь. Белорус не дал ему упасть. Он обнял его и осторожно опустил на землю. В это мгновение пулеметная очередь прошила их обоих. Вильялон успел только сказать:

— Не оставляйте меня здесь… Не оставляйте одного!

Раздумывать было некогда. Бадия на мгновение остановился и сделал два шага вперед. Белорус был мертв, его голубые глаза не мигая смотрели в небо. В предсмертной судороге корчился Вильялон. Жизнь покидала его.

Бадия, отстреливаясь, опять повернул к лесу. У него

кончились патроны. Стало совсем темно. В нескольких шагах от дороги он увидел большую глубокую канаву, наполненную водой. Единственное спасение от собак!

Хосе Бадия, цепляясь за кусты, забрался в канаву, в самое темное место. Через несколько минут послышался лай собак. Все ближе и ближе. Немцы почти все уже проскочили мимо, но одна из собак резко повернула в сторону и, натянув поводок, рванулась к канаве. Немцы окружили канаву и завопили:

— Выходи, Иван!

— Руки вверх!

— Не дождетесь! — крикнул Хосе, вылезая из канавы. Весь в грязи, черный, страшный, только глаза горят ненавистью к врагу. Крепко сжимая в руках партизанский нож, острый, как бритва, Бадия твердым шагом направился прямо на немца с автоматом. Прозвучала сухая автоматная очередь. Птицы, устроившиеся на ночлег на деревьях, подняли отчаянный шум. Гомон птиц вместе с эхом выстрелов далеко разнеслись вокруг. Хосе Бадия поднял руку с ножом и рухнул на землю.

* * *

О судьбе этой группы мы узнали значительно позже от случайно оставшегося в живых радиста Коли. Тяжело раненный в начале боя, он отполз в высокую болотную траву и стал свидетелем гибели своих товарищей. Колю подобрали партизаны. Через несколько дней у заброшенной деревни нашли трупы и пяти бойцов-десантников. Об их последних минутах рассказала партизанам чудом уцелевшая старушка.

Прошло пятнадцать дней. К переброске готовилась новая группа. Полковник Медведев, комиссар Стехов, полковник Лукин и другие командиры с сожалением констатировали, что, видимо, ждать известий от группы Творогова больше не следует.

Москва в то время жила нормальной жизнью. Москвичи твердо верили в разгром врага и приближали день победы своим ударным трудом.

В новую группу тоже вошли испанские летчики Антонио Бланко, Антонио Бланч и Хесус Ривас, а также испанцы других военных специальностей.

Май 1942 года. Самолет Ли-2 готов к отлету. Легкий ветерок от работающих моторов гуляет по летному полю аэродрома имени Чкалова. Полковник Медведев со списком в руке делает перекличку:

— Феликс Перес!

— Есть!

— Хосе Ортуньо!

— Есть!

Те, которых вызывают, один за другим занимают места в самолете. Рядом садятся Антонио Бланко и доктор Цесарский, испанец Меса и русский Кузнецов, Картабон и комиссар Стехов, Бланко и радистка — испанка Африка Бланч, санитарка Шаталова, Корчинский, Ривас, Чернова, Струтинский, Грос, Валя Довгер. Последним поднимается в кабину полковник Медведев. Техник закрывает дверь и уходит к пилотам, а самолет словно замирает в начале взлетной полосы, готовясь взять разбег.

Инерцией при взлете тесно прижимает десантников друг к другу.

Чернова вопросительно и с возмущением смотрит на Хесуса Риваса. Тот извиняющимся тоном говорит:

— Извини, но это сила инерции так подтянула меня в твою сторону!

Грос, услышав это, громко смеется:

— И кто тебе поверит? Тоже мне, нечаянно!

Все с улыбками смотрят в их сторону. Лида и Хесус краснеют. Ривас по возрасту годится девушке в отцы, но от шутки краснеет, как юнец. Опустив глаза, он начинает рассматривать кончики своих пальцев.

Все с облегчением вздыхают, когда самолет, набрав высоту, переходит в горизонтальный полет. Десантники расслабляются, достают фляжки.

Ортуньо, сидящий рядом с полковником, спрашивает:

— Можно сделать глоток?

— Да, можно и попить и поесть. В нашем распоряжении почти три часа полета.

Все следуют примеру Ортуньо.

— Помнишь, Ривас, как мы работали на ремонте моторов? — спрашивает Грос.

Тот, к кому обращен этот вопрос, не любит много говорить и в ответ лишь молча кивает.

— Если мне не изменяет память, тебе очень нравилась работа. Ты уходил с работы всегда поздно, Тебя так и называли: мастер — золотые руки…

— Я просто не люблю торопиться…

— С немцами тебе придется поворачиваться быстрее. То ли ты будешь бежать за ними, то ли они за тобой?

— Не будет такого, чтобы я бегал от них!

— Ну, а если говорить серьезно: кто тебя направил в партизаны?

— Как кто? Партия! — с гордостью отвечает Ривас.

— И все же почему? Ведь ты со своими золотыми руками мог бы принести гораздо больше пользы, работая на заводе, чем в качестве партизана…

— Я? Ты что?! Отказаться выполнить задание партии? Ни в коем случае!

Он хотел еще что-то сказать, но в это время вокруг начали рваться немецкие зенитные снаряды, а лучи прожекторов — «лизать» брюхо самолета.

И опять воцаряется тишина. Полковник поясняет!

— Проходим линию фронта по Оке.

Девушки смотрят на мужчин широко раскрытыми глазами, будто хотят спросить: «А что же будет дальше?»

В этот момент пилот бросает самолет сначала на одно крыло, затем на другое и входит в затяжное пике, а у самой земли выводит его из-под обстрела. Все крепко держатся за сиденья. В самый критический момент Мария Шаталова неожиданно вскрикивает:

— Ой, мама!

Пилот выравнивает самолет уже вне зоны обстрела. Моторы опять ровно гудят, и машина набирает высоту над оккупированной врагом территорией. Альтиметр показывает три тысячи метров.

Ривас задумчиво отодвигает занавеску на иллюминаторе и смотрит вниз. Затем встает и вглядывается в глубину темного леса. В ответ на свои мысли кивает головой, потом опять садится. Кажется, будто он что-то потерял и никак не может найти. Он просто не может долго сидеть без дела, его руки все время должны что-то делать, а сейчас делать нечего и он задумчив больше прежнего. Из состояния задумчивости его выводит полковник Медведев, который говорит, обращаясь к бойцам отряда:

— Товарищи! До конца полета у нас остается мало времени. Я буду прыгать первым. Нужно иметь в виду, что мы находимся на оккупированной территории и каждое наше действие должно быть хорошо продумано.

Ривас, который очень плохо знает русский язык, в ответ на слова полковника шепчет: «Понимай». Хесус небольшого роста, он уже немолод, ему около сорока; у него плоскостопие, но он об этом никому не говорит. Ривас никогда громко не смеется, он не любит говорить о себе; его трудно вывести из равновесия, и при этом он сохранил способность краснеть, как юноша.

Вот мы и у цели. Голос из репродуктора разносится по всему салону:

— Приготовиться! Через несколько минут будем над местом назначения!

— Сейчас нам предстоит прогуляться по улице Горького! — шутит Антонио Бланко. Все смеются, Но девушки явно волнуются.

Экипаж подает звуковой сигнал для парашютистов: «ту-у! ту-у!» Открывается дверца для прыжка. Валя, перед тем как прыгнуть, ободряюще улыбается Ривасу и, взглянув на его снаряжение, замечает:

— Ривас, посмотри на свой карабин. Он, кажется, не пристегнут к тросу!

Сначала Ривас подумал, что девушка просто пошутила, но на всякий случай бросил взгляд на карабин. Шнур, действительно, петлял по полу и терялся под сиденьем. Девушка была права. Если бы она его не предупредила, то лететь бы Ривасу до самой земли с нераскрытым парашютом. Пока он пристегивает карабин, самолет уже пролетает солидное расстояние.

Выпрыгнув из самолета, Ривас чувствует, как его подхватил сильный порыв ветра. Вот раскрылся парашют. Вдали затихает гул моторов самолета.

Спуск идет гладко. Но где же земля? Через несколько секунд Ривас ощущает толчок и слышит треск ломающихся веток. «Где я? Уже на земле или нет?» И словно в ответ на свой вопрос он слышит кваканье лягушек в болоте.

Ривас повис на стропах парашюта, и его «живьем» поедают комары. Время тянется очень медленно, слишком медленно. Ривасу холодно. Замолкают лягушки, не слышно пения птиц. Постепенно наступает рассвет. Первые лучи солнца приоткрывают завесу таинственности над лесом: проступают очертания высоких сосен, могучих дубов, мелкого кустарника.

Ривас с беспокойством охватывает взглядом все вокруг и убеждается, что здесь он один. Он немного колеблется, затем, убедившись, что находится всего в метре от земли, отстегивает лямки парашюта.

Куда идти? Где остальные десантники?

Пролетает стайка кедровок. Из березовой чащи ветер доносит: «ку-ку! ку-ку!»

Очутиться одному в неизвестном лесу в тылу врага — перспектива не из приятных. У Риваса еды на три дня. Можно, конечно, растянуть ее и на больший срок. Во фляжке — водка. Кругом болото. Можно попробовать сделать десять шагов в одну сторону, десять — в другую. Левой рукой Ривас придерживает гранаты, висящие у пояса, и вещмешок с продуктами, правой цепляется за стволы молодых березок и, осторожно ступая по зыбкой почве, через некоторое время выбирается на сухое место.

Рядом с березовой рощей вьется тропинка. Ривас осторожно идет по ней, внимательно осматривая местность, но никого не видит: лишь утренний свежий ветерок посвистывает в ветвях, да со всех сторон щебечут птицы.

— Никого! Никого! — вполголоса говорит сам себе Ривас.

Он все идет и идет. Достал шоколад, поднес ко рту и вдруг замер: вдали ему послышался лай собак. Нет, ничего. Послышалось…

Ривас шел лесом наугад. В голове проносилось множество мыслей, вспоминались эпизоды из жизни, казалось, совсем не подходящие к данной ситуации. Ривас шел, оглядываясь по сторонам, и вспоминал.

…После перехода через Пиренеи, когда окончилась гражданская война в Испании, — пребывание в лагере во Франции… Голодные, полураздетые бойцы республиканской Испании. Со всех сторон им делают «заманчивые» предложения: предлагают стать наемниками, профессиональными убийцами. Французы предлагают им стать летчиками на Мадагаскаре, англичане — в Индии, итальянцы — в Абиссинии. Предлагают за большие деньги участвовать в подавлении национально-освободительных движений.

— Эти люди делали вид, будто забыли, за что мы воевали в Испании три года! — произносит вслух Ривас и опять оглядывается. — Да, мне сейчас остается только надеяться, что меня найдут мои товарищи, самому мне отсюда не выбраться!..

И снова воспоминания. В лагере для интернированных, где он находился, были только одни мужчины. Дети и женщины — в другом, в километре от их лагеря. С ними они не могли общаться.

Их лагерь был расположен вблизи местечка Аргелес-Сур-Мер. В нем содержались не только испанцы, но и люди других национальностей: англичане, американцы, русские, итальянцы, немцы — все, кто помогал Испании бороться с фашизмом.

Их было больше ста тысяч человек. Они страдали от голода, жажды, насекомых, болезней; наконец, о них «заботилась» и сама смерть. Не так далеко от их лагеря плескалось Средиземное море, спокойное, голубое, манящее. Однако от моря их отгораживали ряды колючей проволоки да стражники с автоматами в руках, всегда готовые открыть огонь. С другой стороны лагеря возвышались Пиренеи — высокие, зеленые, величественные горы. Там была Испания. Где-то в глубине ущелий пряталось небольшое селение. Далеко вдали маячила колокольня церкви в этом селе. Иногда до узников ветер доносил слабый перезвон колоколов; чаще всего они звонили по умершим в лагере.

И это все. Казалось, жизнь покинула эти места: к берегу

больше не приставали рыбацкие суденышки, даже чайки улетели. Осталась лишь непреклонная воля людей, томящихся за колючей проволокой.

С первыми лучами солнца узники, окоченевшие от ночного холода, выползают на песок. Каждую ночь кто-то засыпает навсегда. Их вытаскивают из-под хлама и хоронят в другом конце лагеря в таких же песчаных ямках, в каких они жили. День-два — и ветер разметает песчаные холмики над их могилами.

Через громкоговоритель узникам обычно сообщали имена тех, кого франкисты приговорили к смерти. Как-то вечером к выходу из лагеря вызвали всех, кто сражался в республиканской военной авиации: Мануэль Сарауса, Хосе Пуич, Хесус Ривас, Франсиско Мероньо… Воцарилась мертвая тишина. Никто не знал, хорошо это или плохо. По небу плыли черные тучи, и лучи солнца едва пробивались сквозь них, освещая серые тени, движущиеся по лагерю. Были названы фамилии двенадцати летчиков. Все они группой направились к выходу, где у колючей проволоки их обыскали жандармы. У авиаторов ничего с собой не было, кроме потрепанной одежды, кишащей вшами. Все, что имелось у летчиков стоящего, они отдали товарищам, оставшимся в лагере.

Ривас вспомнил: у него в руке был тогда бумажный сверток, в котором находились старая зубная щетка да небольшой обмылок с прилипшими к нему песчинками.

— Оставь свой пакет здесь, — сказал ему жандарм. — Больше у тебя ничего нет?

— Нет! А что еще может быть?

— Все что угодно! Но это тебе больше не понадобится! — с усмешкой заметил жандарм.

Авиаторов посадили в грузовик, грубо подтолкнув прикладами, и повезли в неизвестном направлении.

Дорога шла к лесу. Шофер прибавил скорость, чтобы преодолеть крутой подъем, и машина свернула к лесу. На зеленой лужайке, окруженной густыми деревьями, она остановилась.

— Прибыли! Слезайте! — раздалась команда.

Испанские летчики спрыгнули на землю. В нескольких метрах от них стоял черный лимузин. Возле него прохаживался высокий блондин в добротном черном костюме и модных полуботинках.

— Немец! — заметил Браво, взглянув в его сторону.

«Немец» сказал:

— Сбрасывайте свою одежду!

— Это конец! — прошептал Браво.

— У этих гадов нет ни грамма совести: даже наша грязная одежда им понадобилась!

— Теперь только и осталось, что переселиться в другой мир. Это последнее, что у нас было! — воскликнул Исидоро Нахера и со слезами на глазах бросил свою одежду на землю.

— Спрячь свои слезы, парень! Не будь ребенком! — остановил его Пуич. Три года ты был мужчиной, а теперь!..

— Быстрее!.. Быстрее!.. — подгонял их «немец».

— Это уже лучше, — проговорил Карбонель, увидев, что им приготовили чистую одежду. — Они хотят отправить нас на тот свет чистенькими… Вот сволочи!..

Каждому вручили пакеты с новой одеждой.

— Ого! — удивился Сарауса. — Нас хотят расстрелять чуть ли не в смокингах!

Никто не ответил на его реплику. Когда испанцы оделись, им вручили билеты и документы для проезда в Париж…

Поезд прибыл в Париж очень рано. На вокзале авиаторов встречали испанские и французские коммунисты.

Париж!

Позже Ривас узнал, что именно Советский Союз вызволил их из того ада. И сейчас, оказавшись в этом незнакомом лесу, Ривас верил, что советские товарищи не оставят его в беде.

— Нет! Ни в коем случае! — говорил сам себе Ривас, вслушиваясь в звуки собственного голоса, и продолжал шагать от дерева к дереву. Между стволами мелькнуло что-то белое. Парашют! Это же его парашют! Значит, он бродил весь день и вернулся к месту своего приземления?

Ривас стащил парашют с дерева, пошел в глубь чащи и, завернувшись в парашют, решил немного поспать. Уже засыпая, вспомнил день отплытия из французского порта Гавр. Пароход «Мария Ульянова». Красный флаг с серпом и молотом. Разве можно забыть все это?..

Ривас крепко заснул. А когда солнце поднялось над лесом, он услышал протяжный крик:

— Ривас!.. Рива-ас!

— Не может быть! — Ривас никак не мог понять, то ли ему это снится, то ли у него начались галлюцинация. Нет… Нет!

— Рива-ас!.. Ри-ивас!

Он узнал голоса Медведева и Гроса.

— Ривас! Друг!

Все трое крепко обнялись. Трудно было понять, кто из них рад больше: Ривас, что его нашли, или те двое.

— А мы уж совсем было отчаялись, — со вздохом облегчения проговорил Грос.

— Да я и сам не думал, что выберусь отсюда живым… Куда идти — не знаю. Все кругом незнакомо, спросить не у кого, —

пытался шутить Ривас, и лицо его озарила счастливая улыбка.

— Скажи спасибо полковнику Медведеву. Он столько времени потратил на твои поиски!

— Я никогда не забуду этого. Вы мне как братья. Спасибо, товарищи! — с глубокой признательностью сказал Ривас.

Партизанский лагерь разбили в чаще леса. Партизаны вели разведку, вступали в бой с врагом, в окрестностях сел вылавливали полицаев. Партизанский отряд вырос в бригаду. Укрываясь в густых лесах, партизаны уничтожали фашистов, взрывали поезда с вражеской военной техникой.

Ривасу было труднее всех. Он не мог участвовать в операциях из-за своего плоскостопия и часто вынужден был коротать время где-нибудь в сторонке, строгая ножом палочки. Движения — то нервно-быстрые, то медленные. Нож соскальзывал с палочки и замирал, затем снова начинал скользить по белой поверхности почти без усилия, как бы поглаживая ее.

Когда Риваса брали в партизанские походы, он не мог долго идти и ему приходилось ехать в повозке. И тогда он избегал смотреть на товарищей, резче становились складки вокруг его рта, он сторонился разговоров даже со своими друзьями.

Бригада росла с каждым днем: одни прибывали из окрестных деревень, приходили бойцы, оказавшиеся в тылу врага, других перебрасывали с Большой земли.

— Что будем с тобой делать? — спросил однажды Риваса товарищ Стехов. Испанец, не зная, что ответить, растерянно пожал плечами, хотя давно боялся услышать подобный вопрос.

— А что, если отправить тебя в Москву на самолете, который должен на днях прилететь?

— Ну что ж… — ответил Хесус, покраснев. — Как вы прикажете…

— Ладно, так и сделаем! Ты никому пока не говори, а сам будь готов.

Ривас никогда не думал, что его партизанская жизнь окажется такой короткой, и это обидело его до глубины души.

В один из июньских дней 1942 года Николай Иванович Кузнецов вернулся из разведки с тревожной вестью: немцы готовились нанести серьезный удар по партизанской бригаде. Только что на станцию Будки-Свидовичи прибыл состав из восьми вагонов с тремястами фрицами, которые завтра должны были напасть на партизан.

Полковник Медведев, опытный и смелый командир, сформировал отряд из тридцати человек. Тридцать против трехсот!

Бойцы отряда шли к станции всю ночь. По пути на соснах и

елях делали зарубки, иногда останавливались, прислушиваясь.

— До станции осталось два километра, — сообщил Медведев бойцам. Сейчас мы разобьемся по двое, и каждая пара бойцов займет свою позицию вдоль станции.

На схеме, сделанной от руки, были указаны места, которые следовало занять каждой паре бойцов для атаки. Поезд с немцами стоял в тупике.

Партизаны ползком подобрались к эшелону. Начинался рассвет. Уже можно было различить, как двое фашистов — часовые — с собаками на поводке прохаживались вдоль вагонов. Они шагали друг другу навстречу, а потом расходились. Партизаны ждали сигнала атаки. Томительно тянулись последние секунды. Руки крепко сжимали автоматы. Кто-то неосторожно шевельнулся в кустах, и находившаяся поблизости собака немецкого часового замерла на месте. Немец впился глазами в те кусты, откуда послышался шорох. Яростный лай собаки сливается с резким стуком двери вокзала, И в то же мгновенье партизаны открывают огонь из автоматов по эшелону. Из вагонов выскакивают фрицы с автоматами в руках, некоторые раздеты. Однако их попытка отразить атаку партизан окончилась полным провалом: партизаны перебили фашистов, выскочивших из вагонов. И только один вагон оставался закрытым. Испанский летчик Бланко, подбежав к вагону, начал стучать в дверь:

— Эй! Фрицы!.. Выходите!

Дверь вагона медленно открылась, и немцы один за другим стали спрыгивать на землю. Неожиданно из глубины вагона раздалась автоматная очередь. Пули подняли щебеночную пыль. Обеими руками цепляясь за дверь, Бланко начал сползать на землю. Кровь заливала ему лицо и руки. Партизаны поспешили исправить ошибку Антонио, но было уже поздно. Бланко был мертв.

Недалеко от станции партизаны вырыли могилу для двух погибших в бою товарищей — для русского парня Толи и испанца Антонио. Из фашистов только одному удалось скрыться в лесу.

…Антонио Бланко, как и многие испанцы, оказавшиеся в СССР после войны с франкистами, работал в Москве на автомобильном заводе, в инструментальном цехе.

Возвращаясь с работы, Антонио обычно шел к остановке трамвая. Недалеко от остановки находился приземистый, двухэтажный деревянный дом. В одном из нижних окон этого дома он каждый раз замечал светловолосую девушку. Каждый вечер, склонившись над столом, она что-то делала: то ли шила, то ли гладила. Когда лучи солнца пробивались сквозь яркие цветы герани, девушка поднимала голову, и Бланко видел большие

глаза, такие же голубые, как весеннее небо в Испании.

Пришел день, и девушка стала поднимать голову, когда мимо проходил Антонио, и даже иногда улыбалась ему.

Сначала Антонио не мог ни на что отважиться: он почти не умел говорить по-русски. Целый месяц он изучал русский язык по ускоренной программе, однако о девушке никому не говорил, тем более, что он ничего не знал о ней.

В один из вечеров Антонио не увидел в окне девушку, и его охватила тревога. Ему казалось, что даже цветы на окне отвернулись от него.

Взволнованный, он постучался в дверь, мысленно подбирая слова для вопроса. Дверь ему открыла, по-видимому, соседка. Бледный с перепуганным лицом, Бланко спросил ее:

— А где… девушка?

Старушка, осмотрев его с ног до головы, с удивлением ответила:

— Ушла в магазин.

Антонио не знал, как продолжать разговор, и, пробормотав что-то нечленораздельное, ушел.

На следующий вечер он наконец решился заговорить с девушкой и целый день на работе готовился к этой встрече. На его сбивчивый вопрос, где она была вчера, девушка спокойно, с милой улыбкой ответила:

— Ходила в магазин. Кое-что нужно было купить для дома.

— А-а!

На этом их разговор в тот вечер и окончился, так как Антонио не приготовил других фраз.

Шли дни за днями, а Антонио никак не мог найти предлога для разговора. Он заучивал множество фраз, но не решался их произнести.

Наконец он придумал. Поздоровавшись, Антонио сказал:

— Сегодня хорошая погода…

В ответ он получил мягкую, добрую улыбку, но ему больше ничего и не надо было — он уже знал, о чем спросить:

— А почему вы никогда не выходите по вечерам погулять?

Она подняла на него свои глаза, и, хотя их разделял подоконник, уставленный горшками с геранью, он хорошо видел, какие у нее красивые голубые глаза.

— Кто? Я? Я никогда поздно не выхожу из дома.

— Ждете кого-нибудь?

— Да, своего мужа.

Одно лишь мгновение звучали эти слова, а Антонио показалось, будто весь мир успел перевернуться.

Она продолжала заниматься своим делом, а он с трудом

выдавил из себя:

— Хорошо… До свидания…

— До свидания! — как всегда спокойно, ответила она.

Антонио не помнил, как добрался до дома. Закрыв окно, он одетым бросился в постель, глубоко переживая удар судьбы. Эту золотоволосую женщину с ее улыбкой, с ее большими глубокими глазами он сравнивал с небом и солнцем Испании, с лучшими женскими образами на знаменитых полотнах великих испанских живописцев Гойи и Эль Греко, которые видел в музее в Мадриде. А теперь? Нет, теперь он дает себе зарок: «Никогда и ни в кого не буду больше влюбляться!..»

Лишь спустя много месяцев Антонио рассказал своим друзьям историю своей неудачной любви…

* * *

Из авиаторов-испанцев в бригаде остался только Ривас. Еще один из испанских летчиков Антонио Бланч погиб в те же дни, подорвавшись на немецкой мине.

Этот печальный случай натолкнул Риваса на одну мысль. Среди оружия, отобранного у врага, имелось и такое, которое требовало ремонта. Вот тогда-то Ривас и оборудовал в партизанской землянке немудреную ремонтную мастерскую.

Когда несколько дней спустя прилетел из Москвы самолет, ни Стехов, ни Ривас не вспомнили о том неприятном разговоре. Мастерская Риваса приобретала популярность. Партизаны считали своим долгом, возвращаясь после операций, приносить любой инструмент, который попадался под руку.

Слава мастерской росла. Ривас стал в отряде нужным человеком. Отличный механик, «золотые руки», — говорили про него одни. «Если Ривас починит, то ни одна пуля мимо фрица не пролетит: все в цель попадут», — повторяли другие.

Однако широкую известность механику испанской республиканской авиации принес непредвиденный случай.

Было раннее утро. Туман клочьями растекался по лесу. Кругом тишина. Не шелохнется лист на деревьях. Ветер затих где-то в ложбинах.

Ривас, выйдя из землянки, с наслаждением вдыхал полной грудью свежий воздух.

Вдруг до его слуха донесся чей-то громкий рев. Послышался треск ломающихся веток, будто кто-то пробирался сквозь чащу к лагерю.

Шум услышали и другие. Партизаны с оружием в руках

поспешно выскакивали из землянок.

Все услышали голос часового, не столько встревоженный, сколько возбужденный:

— Испанцы!.. Испанцы!.. Где там испанцы?! Ривас выскочил вперед и увидел, как сквозь кусты навстречу ему продирается огромный бык.

— Давай, Хесус! Бери плащ и саблю и покажи корриду! — уже кричали ему партизаны.

— Разве так можно? — ответил Ривас. — Зачем его убивать?!

— Ладно, ты нам только покажи, как тореадоры с быками управляются!

— Пусть это лучше сделает Ортуньо. Он — мурсийский тореадор.

— Эй, Ортуньо!

Появился Ортуньо. Однако увидев огромного быка с пеной на губах и яростно роющего копытами землю, Ортуньо попятился.

— Что с ним делать? — поспешно спросил его Ривас.

— Как что? Убить его, и у нас будет мясо на несколько дней!

— Да, а кто это сделает? Стехов предложил:

— Привяжите быка и не шумите. Может, вслед за ним идут немцы!

С большим трудом удалось привязать быка к дереву, недалеко от одной из землянок.

— А как будем убивать?

— Ну, это нужно сделать бесшумно, — проговорил Ривас и принес из своей мастерской большой молоток. Подойдя к ничего не подозревавшему быку, Ривао поднял молоток. Вам! То ли удар был слабым, то ли Ривас ударил не по тому месту, но только бык даже не пошевельнулся. Все ждали затаив дыхание. Какое-то мгновенье бык тупо смотрел на Риваса, а потом дикая ярость охватила животное. Ривас и другие бойцы успели добежать до землянки. Ортуньо, ухватившись за сук и поджав ноги, повис на дереве. Он закричал: «Убегай, братцы!» Разъяренный бык кинулся вслед за убегавшими людьми, но автоматная очередь остановила его.

Когда опасность миновала, Ортуньо, висевший на дереве, и Ривас, зацепившийся за порог землянки, вызвали громкий хохот. Долго потом товарищи подтрунивали над ними и с улыбкой рассказывали о незадачливых тореадорах в партизанском лесу.

Ривас с честью выполнил свой партийный долг. Весь партизанский край знал его как лучшего оружейника. За боевые заслуги Советское правительство наградило Хесуса Риваса орденом Отечественной войны 1-й степени и медалями. После войны он поселился в Ленинграде!

В 125-й дивизии

— Где сейчас дневальный? — спрашивает подполковник Витошников капитана Фернандо Бланко, когда тот выходит из палатки. Палатки в березовой роще неподалеку от деревни Редома, в двадцати километрах от Тулы и тридцати — от фронта.

— Там! — отвечает Бланко. Мы все еще не научились вести себя, как положено по уставу: сказываются привычки, приобретенные в Испании.

— Где? — настаивает подполковник. — Не вижу!

— Почему не видите? — недоумевает Фернандо и делает несколько шагов в ту сторону, куда показывал пальцем.

— Это же не дневальный, это называется «умывальник»! — поправляет его Витошников с ноткой сомнения в голосе: не разыгрывает ли его капитан Бланко? Да нет, у него такой серьезный вид, и это их первая встреча.

Командир нашего, 960-го, истребительного авиаполка на Западном фронте подполковник Витошников — высокий, симпатичный человек с русыми густыми волосами, живыми глазами и сдержанной улыбкой.

Пока Бланко на практике изучает русский язык, докладывая подполковнику, Висенте Бельтран и я находимся в палатке и, слыша весь их разговор, едва сдерживаем смех. Каждый из нас вспоминает то время, когда мы, испанцы, прибыли в Москву и начали работать на заводе. Нам хотелось как можно скорее научиться говорить по-русски. Мы жили с Висенте в одной комнате и друг друга экзаменовали. С большим трудом я постигал слово «парикмахерская». Я делил его на пять частей и каждую из них запоминал отдельно. Я лучше других усваивал язык, и мне часто приходилось помогать товарищам во время их посещения различных учреждений…

В первый день мы ознакомились с аэродромом. Кругом — густой лес. Летное поле — роскошный луг, заросший цветами и пахучими травами. В центре поля мы увидели двух лошадей.

— Смотри-ка, — сказал Бланко, — давай попросим у командира одну из этих лошадок, чтобы покататься по полю, а?

Сказано — сделано. Мы отправились к одноэтажному домику, где находился командир БАО — батальона аэродромного обслуживания.

— Товарищ майор, разрешите нам воспользоваться одним из этих коней!

— Зачем он вам нужен?

Хотим объехать весь аэродром, — совершенно серьезно

ответил Бланко. Он был заместителем командира полка, и командир БАО это знал, — Лучше возьмите грузовик. На нем мы все втроем поместимся.

— А-а! У нас есть грузовик?

— Да, сейчас я позову шофера.

Через несколько минут мы уже объезжали аэродром на одной из тех машин, которые делали на ЗИСе.

— Вы не скажете, где находятся самолеты? — спросили мы командира БАО, когда возвращались назад.

— Самолетов пока нет ни одного, — ответил он, — если не считать «мига», он вон в том лесу. Пилот сделал здесь вынужденную посадку, и с тех пор эта машина находится там. Ее надо ремонтировать. Хотите взглянуть? Идемте!

Мы пошли по опушке и примерно через сто метров увидели прикрытый сухими ветками самолет.

— Этот?

— Да, завтра к нам переправят еще И-16. На нем можно будет делать разведывательные полеты, пока не починят этот.

— Перспектива весьма неутешительная. А немцы здесь часто летают?

— Иногда, и только разведчики. Зато шоссе и дорогу на Москву они держат под постоянным контролем.

Мы замолкаем, так как слышим шум мотора У-2. Самолет на малой высоте делает круг и приземляется неподалеку от нас. Бельтран бежит к нему и сопровождает самолет, взявшись рукой за левую плоскость. Пилот выключает мотор, и экипаж спускается на землю. Одного из вновь прибывших мы знаем. Познакомились с ним в штабе дивизии. Это генерал-лейтенант Торопчин, командир дивизии, Герой Советского Союза. Это высокое звание ему было присвоено за подвиги во время финской кампании в 1939 году: одной бомбой в 500 килограммов Торопчин сумел взорвать стратегически важный мост. Небольшого роста, энергичный, с резкими движениями и решительным взглядом, он выглядит моложе своих лет.

— Вот это и есть испанцы, о которых я тебе говорил, — показывает на нас генерал-лейтенант. — А это, — обращается он к нам, — капитан Ампилогов, командир первой эскадрильи.

Здороваемся, крепко пожимаем руку капитану. На русского он внешне не похож. Высокий, худой, черные волосы, орлиный нос. С первого взгляда сразу же располагает к себе.

— Завтра прибудут механики. Надо организовать ремонт того самолета и начинать полеты, — говорит генерал.

— Следует готовить жилье, рыть землянки.

Через несколько минут самолет поднимается в воздух.

— Прекрасный человек! — восклицает Ампилогов, когда самолет исчезает из виду.

В течение нескольких дней в формирующуюся часть прибывает личный состав. Это молодые пилоты, выпускники авиационных училищ, шоферы бензовозов, механики, оружейники. Вместе с механиками принимаем участие в ремонте самолета МиГ-1 и мы. На истребителе И-16, на нашей любимой «моске», прилетел лейтенант Воронцов. Этот самолет, однако, имеет теперь более мощный мотор и лучше вооружен, чем те, на которых мы летали в Испании. На нем теперь установлена 20-миллиметровая пушка.

— Как нам не хватало этой пушечки в Испании! — говорит Бельтран. Жаль, что этот самолет — один на весь полк!

Начинаются дни тренировочных полетов с молодыми пилотами. В свободное время отрываем землянки, ремонтируем МиГ-1 и, наконец, начинаем ежедневные полеты над аэродромом — каждый пилот по два часа. Вскоре из палаток переселяемся в землянки аэродрома Бориково, в них теплее. Ночи становятся прохладнее, хотя еще и продолжается лето.

Местность здесь очень подходит для аэродрома. С севера — излучина речушки с хорошими заливными лугами. Деревня с домами, крытыми соломой, рядом с лугом, с которым граничит аэродром. От многих домов остались лишь печи да почерневшие, обуглившиеся трубы. Совсем недавно здесь шли бои. В глубине полуразрушенного каменного дома, на стенах которого видны следы пуль и осколков, мы устроили столовую полка. На другой стороне реки большие леса. Здесь в ноябре 1941 года проходила линия фронта, а теперь она у города Мценск.

Мы, испанцы, жили на частных квартирах в деревне. Хозяйка дома, где нас поселили, относилась к нам, как к своим сыновьям, и всегда угощала всем, что у нее было.

Кормили нас хорошо. Кроме того, хозяйка по вечерам приносила парное молоко.

Помню, однажды она встретила нас с полным кувшином молока.

— Хотите парного молока?

— Сколько здесь?

— Три литра будет…

— Да мне это выпить — одним махом, не переводя дыхания!

— А вот и нет!

— Смотрите, — поспорил я, — если выпью все, не отрываясь, то бесплатно, а если нет — плачу, как за шесть литров.

— Давай!

Взял кувшин обеими руками, расставил ноги, глубоко

вздохнул и начал: «буль-буль!.. буль-буль!..» И выпил все до последней капли.

Хозяйка не ожидала этого и растерянно смотрела на меня.

Я все равно заплатил ей как за шесть литров. Она стала возражать:

— Не надо, сынок, не надо, я ведь пошутила!

— Возьмите, возьмите! Мне не нужны деньги, не на что их тратить.

Больше мы не заключали пари, но хозяйка всегда оставляла на столе специально для меня литр парного молока.

* * *

…Наконец-то МиГ-1 готов для опробования в полете. Механики работали не покладая рук, чтобы скорее поставить в строй боевую машину. Бельтран и я раньше летали на таких машинах, поэтому молодые пилоты, «пробовавшие воздух» только на истребителях И-16, смотрели на нас с уважением. На земле МиГ-1 со своими красивыми линиями похож на стремительного оленя, но в воздухе он немного тяжеловат для истребителя. Его кабина после узкой кабины И-16 кажется очень просторной. На приборной доске почти в два раза больше приборов, и к ним не сразу привыкаешь.

— Кто хочет опробовать самолет? — спрашивает товарищ Витошников.

— Кому прикажете.

— Поскольку самолет предназначен для первой эскадрильи, пусть на нем первым полетит Мероньо, — предлагает подполковник. — Затем на нем по очереди будут летать все пилоты.

Надеваю парашют, шлем, протираю стекла защитных очков и, перед тем как занять место в кабине, спрашиваю механика:

— Валентин Иванович, опробовали шасси?

— Да, да, все в норме. Мы опробовали их несколько раз. Мотор в порядке, работает как зверь, он ведь новый!

Сажусь в кабину, проверяю показания приборов после запуска мотора. Давление масла, температура воды — все в норме. До предела выжимаю газ. Прекрасно! Мотор работает как надо!

— Убрать колодки! — приказываю механикам, поднимая обе руки.

Выруливаю на самый край поля, хотя это и не нужно, но, на всякий случай, лучше иметь какой-то резерв. Вдали замечаю ориентир и плавно начинаю прибавлять обороты мотора. Этому

аппарату не нравится грубое обращение, он всегда отвечает на это одним и тем же: если резко дать газ, то самолет энергично ведет вправо, и рывок трудно сдержать. Скорость оборотов винта быстро растет, и она уже достаточна для отрыва от земли. После взлета проверяю, как слушаются рули. Убираю шасси и кладу руку на регулятор шага винта. Пытаюсь его повернуть, чтобы уменьшить обороты мотора и увеличить шаг винта, но безуспешно: ручка не поворачивается, ее заклинило. Температура масла начинает резко возрастать, мотор ревет. Задевая верхушки сосен, делаю вираж и иду в сторону, противоположную взлету, не уходя от аэродрома, чтобы иметь возможность выключить мотор и сесть. Температура достигает максимума. В этот момент мелькает мысль о том, что ведь это единственный наш боевой самолет и что немцы в любую минуту могут появиться над аэродромом.

«Надо садиться!» — решаю я.

Все показатели работы мотора достигли крайних пределов. Загорается красный сигнал опасности. Еще две-три секунды — и нужно или выключать мотор, или он заглохнет, а возможно, и взорвется. Направляю самолет на зеленое поле аэродрома, выключаю мотор, выпускаю шасси, закрылки. Пять метров высоты.

Когда самолет касается земли и посадка проходит благополучно, с облегчением вздыхаю, Опасность миновала. Когда я вошел в землянку штаба, там воцарилась полнейшая тишина. В землянке было дымно от сырых дров, Бланко удивленно взглянул на меня. Витошников глухим, напряженным голосом спросил:

— Тебе что, жить надоело?

— Нет, товарищ подполковник. Я еще хочу сбить не один фашистский самолет, а сейчас я сделал все, что мог, для спасения самолета, ведь он у нас один.

— А если б ты разбился? Ты должен был садиться по прямой, с убранными шасси. Так положено по инструкции.

— Тогда сломал бы самолет или, по крайней мере, винт.

— Самолет мы починили бы, а вот если б ты разбился… Ты сообщил механикам о неполадках?

— Да! Они уже занялись осмотром. Когда на самолете будут устранены неполадки, разрешите мне повторить пробный полет.

— Нет! Теперь я сделаю это сам! А почему ты не попробовал машину на земле, до взлета?

— Пробовал, все приборы работали хорошо!

— Когда самолет будет готов, я сам его опробую. Я не имею права рисковать вашей жизнью. Вам, испанцам, еще предстоит

освобождать Испанию от фашизма.

— А что, по-вашему, скажут другие пилоты? Мне будет очень неловко, если вместо меня полетите вы!

— Пусть говорят, что хотят. Полечу я, и все тут! Бланко молча слушал наш разговор, а когда Витошников вышел из землянки, сказал мне:

— Ты не имеешь права пререкаться с командиром полка.

— Ты разве не слышал, что он сказал? Я не хочу, чтобы меня опекали!

— И все же надо научиться выполнять приказы. Здесь мы все — военные.

— Да, но ты пойми, Витошников не летал на «миге», он летал на «харрикейнах» на севере. Ты не прав. Я должен опробовать самолет до конца, а потом пусть летит он.

Капитан Фернандо Бланко во всех своих движениях точен, как хорошо налаженный автомат. Он посмотрел на меня в упор, как бы пронизывая насквозь. У него всегда спокойное лицо, он, как никто, умеет убеждать словом. Высокий, худой. Остановившись на пороге, поднял руки и, коснувшись ими потолка, посмотрел на меня с доброй, благожелательной улыбкой. По профессии он химик, был преподавателем в Академии сельхознаук. Мы всегда прислушивались к его советам, и на этот раз он убедил меня.

Проходит час. Репродуктор постоянно сообщает данные о вражеских самолетах: «Воздух! Самолет Ю-88, квадрат тридцать три, курс триста шестьдесят градусов, высота четыре тысячи метров,» «Воздух! Самолет „Хейнкель-111“, квадрат двадцать восемь, высота пять тысяч метров», «Воздух!.. Воздух!.. Воздух!..» А мы бессильны что-либо сделать.

Звонит прямой телефон с аэродрома. Бланко поднимает трубку:

— Самолет МиГ-1 готов к полету! Бланко звонит по другому телефону:

— Подполковник Витошников? «Миг» уже готов! Полетите вы или разрешите это сделать Мероньо?

— Нет! Нет, сам полечу!

Через несколько минут появляется подполковник. Он уже в шлеме. В руках — очки.

— Пошли! — говорит он мне. — Будешь поддерживать связь со мной по радио.

— Разрешите мне полететь, товарищ подполковник, — настаиваю я.

— Не будем об этом, я же сказал!

Бланко провожает нас до порога, смотрит нам вслед. Мы

шагаем к аэродрому, а Бланко возвращается в штаб. Там на столе, сколоченном из досок, расстелены карты. Одна из них висит на стене. Эта карта усеяна различными значками, обозначающими линию фронта. Там же проставлено сегодняшнее число — 20 сентября 1942 года. На другой карте, расчерченной на множество квадратиков, девушка-оператор передвигает маленькие фигурки вражеских самолетов и хорошо отточенным карандашом наносит данные об их передвижении, высоте, курсе. Со стороны может показаться, будто она просто играет.

Подходим к машине, покрытой камуфляжной сеткой. Механик докладывает подполковнику о проделанной работе. Витошников надевает парашют, молча забирается в кабину, долго проверяет приборы и наконец запускает мотор. Дает газ один раз, другой, третий и, убедившись в хорошей работе мотора, выруливает на край поля. По радио запрашивает разрешение на взлет. Я тщательно осматриваю взлетную полосу и, убедившись, что она свободна, отвечаю:

— Все в порядке, можно взлетать!

По звуку мотора определяю, что все идет нормально. Взлет прошел хорошо. Летчик убирает шасси и набирает высоту. Две тысячи метров. Мы все внимательно следим за полетом — механик, оружейник, комиссар, солдаты охраны и я с микрофоном в руке.

— «Ласточка»! «Ласточка»! Тридцать минут в полете… Как меня слышите?

Не отвечает. Может, отказало радио?

— «Ласточка»! «Ласточка»! Горючего осталось только на пять минут!

Самолет летит на высоте четыреста метров над полем. Вираж, заход, поворот, снова вираж…

— Что-то случилось, — говорит комиссар эскадрильи.

— Почему он не отвечает?

Из гнезда выходит лишь одна «нога».

— Что-то случилось с шасси!

Когда самолет находится над посадочным знаком «Т», из гнезда выходят две «ноги». Выхлоп черного дыма — и мотор останавливается. Управление этим самолетом весьма сложно, тем более если летчик на нем впервые.

Витошникову не удается выбрать прямую и самую длинную площадку на поле. Он пытается посадить самолет на большой скорости, но когда опускает закрылки, самолет «скачет» в воздухе и снижается вне поля на полотно железной дороги. Самолет летит по рельсам, несколько раз подпрыгивает и ударяется о землю. Подполковника Витошникова с тяжелым ранением головы

отправили в госпиталь.

Так шли дни за днями. Самолет снова отремонтировали. Патрульные полеты вели: капитан Л. Г. Ампилогов, командиры второй и третьей эскадрилий лейтенант Воронцов и старший лейтенант Финогенов — на самолете И-16; Бланко, Бельтран и я — на «миге». Тренировали тех пилотов, которые еще не летали на «миге». В полк прибыл новый командир — майор Халютин. Подтянутый, серьезный. Говорит отрывисто и четко, но умеет и пошутить. Сегодня в столовой после полетов он подсел к нам. Девушка накрыла на стол, принесла обед.

— Знаешь, — сказал я Бельтрану, — я заметно поправился после того, как сюда прибыл. По-моему, это скорее санаторий, чем воинская часть.

— Почему тебе положили так мало мяса? — вдруг спросил майор.

— Почему мало?! — Я думал, он шутит. — Мне и половины этого хватило бы.

Однако майор уже спрашивал официантку:

— Где дежурный по столовой?

Подошел дежурный по столовой офицер Никулин.

— Какие нормы у испанцев в столовой?

— Как и у всех других, — ответил тот, немного удивленный вопросом.

— А у меня?

— Та же норма!

— Тогда почему такая разница в порциях? Сравни-ка сам!

— Извините, товарищ майор. Здесь, наверное, ошибка!

— Чтобы таких ошибок больше не было!

Официантка, несмотря на наши протесты, забрала тарелки и принесла другие, с новыми порциями.

После ужина мы обычно гуляем по единственной в деревне Бориково улице. Принарядившиеся девушки собираются здесь после трудового дня потанцевать и попеть под гармошку или гитару. Гитара здесь не меньше в ходу, чем в Испании. Некоторые думают, будто каждый испанец играет на гитаре, и когда мы признаемся в своем неумении, все очень удивляются. Мы поем испанские песни. Девушки танцуют русские танцы, а мы с Бельтраном показываем им румбу. Успех у зрителей превосходит все наши ожидания…

Вечером, когда есть время, мне нравится иногда побродить одному, послушать тишину… Люблю я и солнечные дни, когда взлетное поле сверкает цветами, а со стороны леса ветер доносит аромат хвои.

Вот и еще одно утро. Мы с капитаном Ампилоговым

совершаем показательные полеты: он — на «миге», я — на И-16. Теперь на И-16 установлен более мощный мотор, 20-миллиметровая пушка, два 12-миллиметровых пулемета; в Испании на нем было четыре 7,6-миллиметровых пулемета. Против немецких бронированных машин их было явно недостаточно. Помню, в Испании над городом Таррагона несколько наших истребителей настигли «Хейнкель-111». С трудом посадили его на свою территорию. На земле насчитали много попаданий в самолет, но ни одна пуля не пробила броню.

Теперь передо мною стояла другая задача: я хотел доказать капитану Ампилогову, что «миг» слишком тяжел для истребителя, что его лучше использовать как штурмовик. Договорились, что на высоте от пяти до семи тысяч метров Ампилогов нападает на меня, а я на него — на высоте от трех до четырех тысяч метров.

После полета убеждаюсь, что модернизированная «моска» хороша и на больших высотах. Моторы у обоих самолетов почти одинаковы по мощности, только «миг» намного больше.

На аэродроме Бориково после нас приземляется У-2. Генерал-лейтенант Торопчин интересуется:

— Кто летал сейчас на этих самолетах?

— На И-16 — Мероньо, на «миге» — я, — отвечает капитан Ампилогов.

— А! Ясно. И кто же выиграл бой? Капитан Ампилогов дипломатично избегает прямого ответа. Генерал все понимает и меняет тему разговора.

— Нужно организовать курсы по тактике боя и передать ваш опыт молодым пилотам. — И, повернувшись к испанцам, генерал спрашивает: — Сколько у вас было боевых встреч в воздухе с врагом — там, в Испании?

— У некоторых больше ста!

— А у Бельтрана?

— Тоже около этого.

— А сбитых самолетов?

— Около двадцати! Чего нам сейчас не хватает, так это самолетов! Немцы над нашими головами летают, а мы ничего не можем сделать!

— Скоро, скоро будут самолеты! А пока нужно учиться, и днем и ночью! Халютин, ты меня слышишь? Подготовь занятия по тактике боя. Я сообщу, когда буду свободен. Хочу сам на них присутствовать. Пусть Мероньо и Бельтран подготовятся, у них есть опыт. А Бланко? Как у него дела?

— Бланко летал в Испании штурманом на бомбардировщиках, на истребителе летает пока немного.

— Значит, договорились? Я вам позвоню, — говорит генерал,

садясь в кабину У-2.

— Слышал? — кивает мне Бельтран. — Это похуже, чем встретиться в небе с «мессерами»!

— И все-таки придется готовиться! Ведь если Торопчин сказал, — значит, так и будет… А? Доклад-то мы приготовим, а вот слов у нас не хватит, чтобы изложить его по-русски. Это тебе не слово «парикмахерская»!

— Будем считать это приказом и выполним его!

— Знаешь что?

— Что?

— Купим самогонки и перед докладом хватим для храбрости.

— Давай! Только никому об этом не говори!

В тот же день к вечеру мы с Бельтраном вылетели на патрулирование: он — на И-16, я — на «миге». Два раза поднимались в воздух по тревоге, по «юнкерсов» не обнаружили. Вероятно потому, что они летали на высоте семь тысяч метров. Кроме того, они летали, резко меняя курс и высоту, и наши посты наблюдения не успевали сообщать данные об этих изменениях. Немца ищешь в одном месте, а он уже в другом. В первом полете Бланко передал мне: «Воздух! Квадрат двадцать восемь, высота четыре тысячи метров, курс сто восемьдесят градусов!» Другими словами, немец шел от Серпухова к Туле. Я набирал высоту в пять тысяч метров и ждал врага, намереваясь столкнуться с ним нос к носу. Я так уверовал в нашу встречу, что снял пулеметы с предохранителей. Однако время шло, а кругом — лишь чистое небо. Куда же девался фашист? Наконец в направлении Калуги я заметил его почти на две тысячи метров ниже себя. Меня взяла такая злость, что я по радио начал ругать Бланко по-испански: «Не сочиняй, старик! Посмотри на небо и увидишь, на какой высоте и каким курсом идет фашист!..» Бланко мне не ответил.

После приземления ко мне подошел комиссар и очень серьезно спросил:

— Это ты говорил по-испански по радио во время полета?

— Да, — ответил я и объяснил, как все произошло.

— Правда, немцы уже знают, что в наших рядах сражаются испанские летчики… Мы как-то перехватили их разговор по радио.

— Может, и к лучшему… Завтра в полете будем называть друг друга по имени. Пусть знают, с кем они еще могут встретиться в воздухе. У нас с ними давние счеты…

Я и Бельтран сходили в деревню и купили бутылку мутной, пахнущей дымом жидкости.

— Заверни в газету, — посоветовал я Бельтрану. Он бережно, будто какую-то реликвию, завернул бутылку самогона.

— Может, попробуем по глоточку? — предложил он.

— Нет, что ты! Будем хранить как средство для поднятия духа. Оставим на крайний случай. — И, забрав бутылку у Бельтрана, я спрятал ее подальше, чтобы никто об этом не знал.

Проходили дни, а Торопчин не давал о себе знать, будто совсем забыл о занятиях. Бельтран несколько раз предлагал ликвидировать содержимое спрятанной бутылки, но я был тверд.

И вот в один из дней тренировочных полетов, когда мы меньше всего ожидали, появился У-2 с генерал-лейтенантом.

— Как, подготовились? — спросил нас Торопчин в штабной землянке.

— Да, товарищ генерал! Мы давно готовы!

— Ладно, собирайте личный состав!

Бельтран подмигнул мне, напоминая о бутылке. Для храбрости, мол…

Мы направились к выходу, но Торопчин остановил нас:

— Нет необходимости делать это вам. Пусть дежурный всех оповестит.

Ничего не оставалось делать, как повиноваться. Что ж, будем выступать без самогона… И получилось не так уж плохо: помогали себе жестами, и слушатели нас понимали.

Генерал остался доволен нашими выступлениями и, прощаясь, крикнул из кабины самолета:

— Через несколько дней опять прилечу!

— Еще на одно занятие?

— Нет! Чтобы посмотреть, как вы танцуете румбу!

— Даже это вы знаете!

Вечером мы, испанцы, все втроем направились к столовой. Уже сменили летную форму, приняли душ, и усталость после трудного дня полетов почти полностью исчезла. В конце улицы возле высоких пушистых елей мы встретили капитана Ампилогова, за ним шли командиры эскадрилий Финогенов и Воронцов.

Все уселись за один стол. Бельтран, глядя на меня, щелкнул указательным пальцем по горлу. Этот жест не остался незамеченным. Сидящие за столом оживились.

— У тебя есть? — спросил Ампилогов.

— Нет, — вместо Бельтрана ответил я. — Это он показывает, что сегодня моя очередь пить за двоих. Мы складываем свои порции по сто и через день по очереди принимаем двойную дозу. А вот, если хотите, после ужина можем немного «погреться», у нас на всякий случай припрятана бутылка самогона…

— Тогда, может, возьмем что-нибудь из столовой на закуску? — предложил Финогенов.

— Не надо. Хватит и того, что есть.

Мы пригласили всех в избу. Хозяйка принесла огурцов, нарезала сала и черного хлеба, положила капусты, поставили стаканы. Я достал из укромного местечка бутылку самогона, которую мы намеревались выпить для храбрости перед занятиями по тактике воздушного боя. Кроме того, я поставил на стол сковородку с жареными лапками лягушек. Разлили содержимое бутылки и выпили за дружбу, за победу, за жизнь. Мы шутили с девушками и утешали хозяйку, которая всплакнула, проклиная войну.

— Что это за вкуснятина такая? — спросил меня капитан Ампилогов, попробовав лягушачьи лапки.

— Тебе нравится? Ешь и молчи!

Другие последовали его примеру, и очень быстро содержимое сковородки исчезло в наших желудках.

После еды Финогенов, отозвав меня в сторонку, спросил:

— Послушай… Скажи, что это за закуску ты такую вкусную приготовил?

— Зачем тебе? Ведь все уже съели?

— Пригодится, на день рождения или праздник какой…

— Если ты так настаиваешь, скажу. Видел вчера ребят из деревни, которые что-то искали на берегу реки?

— Ну?.. Что они искали?

— Они собирали лягушек… Набрали их полное ведро, потом я их разделал, посолил, немножко прибавил уксуса, а утром попросил у Кати сковородку и зажарил. Вот и весь секрет. Надо же вас чем-нибудь нашим национальным угостить! А что? Ведь понравилось? Все съели…

Не успел я закончить фразы, как хозяйка схватила сковородку и с яростью выбросила ее на улицу. Она видела, как я жарил, но не знала что. Капитан Ампилогов побежал на двор и, засунув два пальца в рот, пытался вызвать рвоту. Финогенов и Воронцов тоже куда-то исчезли. Хозяйка с ужасом воскликнула:

— Ой, боже мой!.. Это, оказывается, были лягушки!..

Никогда не думал, что так недружелюбно будет встречено наше традиционное блюдо…

* * *

…Самолет «миг» вновь отремонтирован после серьезной поломки. Майор Халютин разрешает опробовать его мне. Перед вылетом я тщательно осматриваю самолет и проверяю работу всех механизмов. Ведет он себя безобразно: два раза уже

подводил нас. (Витошников все еще в госпитале.) Кажется, все в порядке. Пробую самолет на разных высотах и в разных режимах. Все идет отлично. У нас в полку теперь три самолета: прибыл еще один. Генерал-лейтенант Торопчин обещает наградить того, кто первым собьет фашиста. Каждому из нас хочется сбить врага. Мы несколько раз преследуем «Юнкерс-88», но каждый раз что-то случается. Каждый раз!

На участке фронта под Мценском почти ежедневно появляется «рама» «фокке-вульф», который корректирует огонь вражеской артиллерии. Кажется, его невозможно поймать: когда наши самолеты поднимаются, он уходит в сторону леса и где-то там садится.

— Надо найти его слабое место, — говорю я капитану Ампилогову. Попытаемся обмануть его. Когда сообщат, что «рама» в воздухе, ты вылетишь на И-16 на бреющем полете, а я буду лететь за тобой гораздо выше на «миге». Кто-нибудь из нас его собьет.

В ожидании проходит день-другой, но мы не теряем надежды. «Рама» находится в воздухе около получаса. Нам бы потребовалось десять пятнадцать минут, чтобы настичь ее, но мешают низкие облака. Плотные, тяжелые, они медленно ползут с юго-запада на северо-восток. Крупные капли дождя падают на землю.

Звонит телефон.

— Получено сообщение: «рама» в воздухе, — говорит Бланко. — Полетите?

— Да.

Делаем все, как условились. Сначала взлетает Ампилогов. Через минуту взлетаю я, не теряя его из виду. Винт моей машины разгоняет клочья облаков. Тупоносый И-16 идет впереди меня внизу, и поэтому враг его может не заметить, а меня, летящего выше и «открыто», враг должен увидеть. Идем по трассе Мценск — Орел. Справа начинает серебриться Ока. Вдруг в просвете между темными облаками вижу небольшой самолет с двумя длинными тонкими фюзеляжами. Беру на несколько градусов влево, но фашист, у которого, вероятно, хорошая связь с землей, уже намеревается сделать свой всегдашний маневр, не догадываясь, что ниже его ждет сюрприз. Ампилогов задирает нос своего истребителя и стремительно набирает высоту; две точные пулеметные очереди прорезают «раму». Фашистский самолет загорается. Ампилогов поднимается еще выше и идет на сближение со мной. Я посылаю несколько пулеметных очередей в зенитную батарею противника, и мы оба на крутых виражах выходим из-под вражеского обстрела. Берем курс на Бориково.

Видимость ухудшается, и я напрягаю зрение, чтобы разглядеть, что там под облаками. Еще десять минут полета, и я приземляюсь. Ампилогова пока нет.

— Где ты его потерял? — спрашивает меня майор Халютин, когда я вхожу в штаб.

Летели вместе. Я немного снизился над городом и потерял его среди облаков. Видимость там хуже, очевидно, из-за фабричного дыма.

Проходит несколько тревожных минут. Наконец слышим характерное для И-16 урчание мотора. Я вздыхаю с облегчением. Самолет Ампилогова низко проносится над нами, а затем свечой врезается в облака. Летчик начинает выделывать над аэродромом одну за другой фигуры высшего пилотажа.

— Какой прекрасный летчик Ампилогов! — говорю я майору Халютину. — А самолет?.. Отличная машина!

Майор бросает на меня негодующий взгляд. Детишки из деревни, женщины, работавшие в поле, свободные от дежурства бойцы, побросав свои занятия, смотрят в небо, любуясь мастерством летчика. Мы, испанцы, аплодируем ему. У нас в Испании была такая традиция: каждый раз после сбитого фашистского самолета пилот, радуясь своей победе, выделывал над летным полем фигуры высшего пилотажа. А сейчас майор Халютин смотрел на самолет Ампилогова с негодованием.

Только Ампилогов вылез из кабины, как приземлился У-2 генерал-лейтенанта Торопчина.

— Кто это летал на И-16? — спросил генерал командира полка.

— Капитан Ампилогов!

— Пусть сдаст командование эскадрильей и явится в штаб дивизии.

Через несколько дней прибыл новый командир эскадрильи капитан Белов. Нас, испанцев, это очень огорчило: капитан Ампилогов был отличным товарищем и превосходным пилотом…

* * *

Близилась зима 1942/43 года. Дни начали стремительно уменьшаться. Небо все время заволакивали тучи. Казалось, будто наступили постоянные сумерки. Потом начались сильные морозы. Особенно трудно переносили холода мы, испанцы. Когда майор Халютин устраивал ночные полеты, мы себя чувствовали просто мучениками, коченеющими от холода. Термометр иногда показывал 35 градусов ниже нуля, и, хотя мы были очень тепло

одеты, ноги порой не чувствовали педалей УТИ (двухместный учебный самолет). Движения наши были скованны.

…Находимся в горизонтальном полете. Небо чистое, как зеркало. Горящие звезды, кажется, можно достать рукой.

— Ты жив?! — кричит мне майор по переговорному устройству.

— Чуть живой, — отвечаю.

— Еще один полет…

Я молчу. Мы приземляемся. Уже выключили прожекторы, освещающие посадочную полосу.

Утром небо затягивают тучи, сильный буран наметает на аэродроме большие сугробы, самолеты покрыты снегом. Северный ветер крепчает, становится холоднее. Я закрываю кабину «мига» и прячу голову в теплый воротник меховой куртки. Однако, когда начинаю согреваться, меня клонит ко сну. Но вот от штабной землянки взвивается красная ракета.

Быстро запускаю мотор, пробую газ, и вот я снова в воздухе. Не прошло и трех минут, как я, почти засыпающий, опять дырявлю облака в южном направлении. Включаю радио. Слушаю! «Воздух! „Юнкерс-88“, квадрат двадцать восемь, высота четыре тысячи, курс триста шестьдесят градусов». Смотрю на карту. Маршрут верен. Иду точно, прибавляю газ. Когда же кончится облачность? Альтиметр показывает три тысячи метров, а я все еще не вышел из этой молочной мглы. В кабине вдруг запахло горящим маслом. Дым ест глаза. Ничего не вижу. Снимаю очки и, приблизив лицо к указателю давления масла, с удивлением отмечаю, что стрелка почти на нуле. Что случилось? Выключаю контакт, и громкое урчание мотора сменяется свистом ветра.

«Что делать? Прыгать с парашютом? А вдруг самолет упадет на населенный пункт? Где я сейчас? Сквозь облака ничего не видно… Какое же принять решение?..»

Пока я раздумываю, самолет снижается с выключенным мотором. Сдвигаю фонарь. Летное обмундирование сразу все покрывается ледяными брызгами. В защитных очках ничего не вижу, их залепило маслом. Снимаю очки. Масло попадает в глаза — ощущаю резкую боль. Если выпрыгнуть с парашютом, останемся без машины…

Посмотрим… Планирую. Шестьсот метров, четыреста, триста… Облака, облака, облака!

Наконец начинает светлеть. Высота двести метров. Вот проглянула земля, где белая, где темная, где изрезанная окопами, изрытая воронками, огороженная колючей проволокой. Почти у самого носа моей машины пролетает У-2. Слежу за ним. Учебный самолет садится на небольшую площадку между деревьями,

двести на триста метров. Направляю туда самолет, хотя и знаю, что для «мига» требуется в три раза большая полоса приземления. Но сейчас лучше это, чем ничего.

В полной тишине на минимальной скорости, которую позволяет машина, начинаю снижаться. Самолет катится по земле так, будто никогда не остановится. За мной с удивлением наблюдают курсанты летной школы. Зажимаю левое колесо тормозом, и нехватку расстояния самолет сокращает, вычерчивая боком кривую полосу, затем огибает часть поля и останавливается.

Ко мне спешит начальник школы.

— Какой черт приказал вам здесь садиться?

— Никто…

— Разве вы не видели, что это учебный аэродром?

— Видел, а теперь разрешите мне поговорить по телефону.

Звоню в штаб дивизии. Трубку берет генерал-лейтенант Торопчин.

— Откуда ты звонишь? — спрашивает он. — Ты же должен быть в воздухе!

— Пришлось, вынужденная посадка на аэродроме.

— Сейчас я там буду, разберемся на месте! Через несколько минут самолет Торопчина уже на аэродроме.

— Что случилось? — спрашивает генерал.

— Мотор подвел, пробило маслопровод. Видите, я ног до головы обрызган маслом.

— Как ты здесь сумел приземлиться? Вы видели это? — обращается генерал к окружившим нас курсантам.

— Нет! Мы лишь видели, когда самолет ковылял по всему полю…

— Это удается только раз в жизни… Отсюда этому самолету не взлететь, придется его демонтировать.

— Очевидно, — соглашаюсь я с ним, а мне на память приходит мой гороскоп.

Мне тогда было около четырнадцати лет. В этом возрасте все хочется знать. Помню, я обратился тогда к «известному» астрологу, французу. За двадцать пять песет он составил мой гороскоп. Основываясь на положении звезд в момент рождения человека, француз «предсказывал» будущее. Согласно гороскопу, мне следовало опасаться летать на самолетах: достаточно было одного полета, чтобы оборвалась нить моей жизни. Я прочел множество книг по астрологии, пытаясь узнать, насколько прав «знаменитый» астролог. Ничего вразумительного мне это чтение не дало, а я ведь хотел быть летчиком. Наконец я пришел к выводу, что и «знаменитости» ошибаются, тем более, что мы

никогда с астрологом не встречались, а разговор с ним вели по почте: я писал из испанского города Мурсии, а он отвечал из Парижа.

Сегодня, когда прошло столько лет и я пережил две войны против фашистов — в Испании и Советском Союзе, у меня вызывают улыбку воспоминания о том времени, когда «знаменитые» астрологи за хорошую плату подсовывали молодежи свои мистические «предсказания».

В связи с этим я вспомнил случай, когда гороскоп сослужил плохую службу одному моему коллеге. Случилось это в Испании, в один из весенних дней, когда расцветали розы и маслины. Мы шли к самолетам. Солнце уже поднялось из-за горизонта. Вдруг какой-то жук с лета ударился об нос моего товарища. Тот изменился в лице и сразу как-то сник.

— Что с тобой?

— Это ужасно!.. Сегодня я не могу лететь!.. — Почему же?

— Этот жук… Это плохой знак для меня!.. Лучше я вернусь…

— Послушай… Что будет, если каждый пилот станет верить приметам? Один будет бояться жуков, другой — одноглазого кота, третий — бесхвостой собаки… Что тогда будет? Кто станет летать? Оставь свои глупости, успокойся! Ты полетишь сегодня, и ничего не случится!

К несчастью, мои прогнозы не оправдались. Мы вылетели к фронту, и в самом начале боя с врагом мой друг был сбит. В тот момент я понял свою ошибку. Дело было, конечно, не в гороскопе, не в приметах. Просто молодой летчик вышел в бой с подавленной волей, эта подавленность и сковала его…

* * *

Везде, где нам приходилось соприкасаться с советскими людьми, мы видели огромную их волю к победе. Мы прикрывали с воздуха Тулу. Население этого города также самоотверженно трудилось во имя победы. Советские люди порой и ночевали у станков, чтобы как можно больше дать продукции, нужной фронту.

Жители Тулы на сбереженные личные средства приобрели эскадрилью боевых самолетов. Эти самолеты было решено передать нашему полку…

23 февраля 1943 года — 25-я годовщина Красной Армии. Наступает рассвет. Ясное, чистое небо. Двадцатиградусный мороз румянит щеки, но, несмотря на холодную погоду, встреча нашей части с населением проходит в сердечной, теплой обстановке.

Снег на взлетной полосе утрамбован катками. У штабной землянки развевается знамя. По заснеженному полю, по улицам деревни репродукторы разносят военные мелодии. После церемонии передачи самолетов должен выступить ансамбль Леонида Утесова.

Самолет, предназначенный мне, стоит зачехленный рядом со штабной землянкой. Это новая машина конструктора Лавочкина — Ла-5. Передача этой машины символически означает передачу всей эскадрильи.

Начинается торжественная церемония. Рядом с моим будущим самолетом выстраивается весь личный состав полка. Построением первой моей эскадрильи командует пилот Михайлов. У него мощный голос, будто специально созданный природой для подачи команд. На церемонию пришли жители Бориково и окрестных деревень. Все празднично одеты. Приехал секретарь городского комитета партии из Тулы. Прибыли артисты из Москвы, делегация от рабочих коллективов Тулы. Здесь и персонал, обслуживающий аэродром.

Звучит Гимн Советского Союза. Затем берет слово секретарь комитета комсомола Тулы товарищ Ларионов. Он кладет мне руку на плечо и говорит:

— Товарищи! Молодежь Тулы и области, рабочие и колхозники передают сегодня вам эскадрилью боевых самолетов, которая будет носить имя нашего земляка, Героя Советского Союза Александра Чекалина! — Раздаются громкие аплодисменты. Ларионов, обращаясь ко мне, продолжает: — Прими нашу боевую машину, построенную на средства туляков, в подарок ко Дню Красной Армии. Береги ее. Когда пойдешь в бой на этом самолете, помни наш наказ: «Будь беспощадным к врагу! Отомсти фашистам за пролитую кровь наших отцов, матерей, братьев и сестер! Обрушь на головы проклятых извергов рода человеческого всю силу огня боевой машины. Истребляй их на земле и в воздухе. Не дай ни одному фашисту уйти живым с нашей земли!..» Пусть нашу эскадрилью овеет слава боевых побед! Пусть наши быстрокрылые птицы станут грозой для немецких оккупантов! Всеми своими делами и помыслами мы всегда с вами. Наш лозунг: «Все для фронта, все для победы над врагом!»

Звучит музыка. Раздаются громкие аплодисменты, слышатся возгласы: «Смерть немецким оккупантам!», «Да здравствует наша победа!».

В горле у меня першит. Чувствую, как учащенно бьется сердце. Крепко сжимаю челюсти. Влажная пелена застилает мне глаза. Никогда еще я так не волновался и не был таким

счастливым. Огромное доверие советских людей, оказанное мне в то суровое военное время, сделало меня самым счастливым человеком на земле.

Не в силах сдержать нахлынувшие на меня чувства, я повернулся к Ларионову, и мы крепко, по-братски обнялись с ним. Аплодисменты загремели с новой силой.

Стараюсь взять себя в руки. Смотрю на небо: два белых голубя то взлетают, то опускаются, то скрываются за маковкой полуразрушенной деревенской церкви. Жители деревни смотрят на меня полными слез глазами и радостно улыбаются. Их взгляды напоминают мне о том, с какой теплотой относятся они к нам, испанцам. Все взоры обращены на меня… Фернандо Бланко делает мне знаки рукой, как бы говоря: «Ну, давай же!.. Соберись с мыслями!.. Говори!»

Прерывающимся от волнения голосом я начинаю ответную речь.

— Товарищи!.. Путь, пройденный Красной Армией — тяжелый, трудный, но славный путь. На этом пути советский народ совершил и продолжает совершать беспримерные в истории подвиги… — Сначала голос мой дрожит, но постепенно я обретаю уверенность. — Перед нами жестокий враг, сильный и опытный. Фашисты — это фанатики, варвары, палачи мирного населения. И все равно этот враг будет разбит! Бои предстоят жестокие, но в этих сражениях победят советские люди, советский патриотизм, пролетарский интернационализм, братство свободолюбивых народов!

По мере того как я говорю, мне хочется сказать все больше, хочется поделиться самыми сокровенными мыслями с присутствующими.

— Самолет, который вы мне сегодня передали в составе эскадрильи имени Героя Советского Союза Александра Чекалина, — это не только выражение воли к победе населения Тулы. Этот самолет для нас, испанцев, — символ нерушимой испано-советской дружбы, яркий факел которой был зажжен в небе Испании славными советскими летчиками, сражавшимися вместе с нами против фашистов. Эстафета этих славных дел не закончена. Сегодня мне оказана высокая честь. Даю вам слово испанского коммуниста, что я до конца исполню свой долг сражаясь на фронтах Великой Отечественной войны а если понадобится, отдам и свою жизнь во имя победы над ненавистным врагом, во имя укрепления нашей дружбы во имя великого дела советского народа, борющегося за социализм! На долю советского народа выпали тяжелые испытания, в пламени войны гибнут его лучшие сыновья и мы испанцы, сумеем внести

свою долю в дело победы над врагом! Да здравствует Коммунистическая партия!

Да здравствует Советский Союз! Да здравствует дружба между нашими народами! Фашизм будет разбит!

Когда я закончил говорить, в глазах у меня стояли слезы. Меня обнимали, пожимали руки, желали успехов в ратном деле. Подошел и генерал-лейтенант Торопчин. Крепко обнял меня:

— Молодцы испанцы! Будем сегодня вечером танцевать румбу?

— Для этого надо быть в форме! — шутливо ответил я.

— Форма будет организована… Не беспокойся!

Во время ужина по приказу Торопчина личный состав эскадрильи имени Александра Чекалина получил двойную норму «спецрациона». Леонид Утесов со своим оркестром дал великолепный, незабываемый концерт. Мы с Бельтраном до упаду танцевали румбу. Встреча, такая дружеская и теплая, закончилась поздно. И в этот вечер советские и испанские летчики сдружились еще больше.

В те дни вновь ударил мороз. Сильный ветер намел новые сугробы снега. Все кругом было бело. Во время полета не за что было «зацепиться» глазом, чтобы сориентироваться на местности. Не то что в Испании, где всегда сохранялись в памяти приметный горный пик или русло реки, по которым можно было установить, где ты находишься. Летать же над этими огромными, почти безлесными просторами было гораздо труднее: ни общей, ни частной ориентировки, лишь тоненькая двухпутная нить занесенной снегом железной дороги помогала выбрать правильное направление. Полк продолжал патрулирование в воздухе, охранял порученные ему объекты. Жизнь полка с получением прекрасных самолетов Ла-5 закипела с новой силой. А оба ветерана — МиГ-1 и И-16 были поставлены в капониры.

Однажды мы сидели в штабной землянке и курили махорку. Зазвонил телефон. В последние дни телефоны звонили часто, и связь шла из штаба дивизии. Скоро стало известно, что мы перебазируемся под Курск.

Несостоявшаяся встреча

В свое время в летной школе в Кировабаде инструкторы тщательно изучали характеры и наклонности пилотов, чтобы как можно точнее определить нашу авиационную профессию — истребитель или бомбардировщик.

Дамьян Макайя и Рамон Моретонес, по мнению инструкторов, не подходили ни для истребителя, ни для бомбардировщика.

— Что нам делать с вами? — спросил их начальник школы, когда стало совершенно ясно, что их дальнейшая учеба не принесет успеха.

В ответ они только пожали плечами.

— Будете учиться на наблюдателей?

Оба курсанта согласились и на этот раз успешно овладели новой специальностью.

Окончив курсы, они не вернулись в Испанию: там уже хозяйничали франкисты. Когда началась Великая Отечественная война, оба работали в Москве на автозаводе имени Сталина и работали хорошо. Дамьян был чертежником, и его знания пригодились в конструкторском бюро, а Рамон, как механик, успешно трудился вместе с другими испанскими летчиками в моторном цехе.

Оставшись в СССР, испанцы постоянно чувствовали дружеское, братское отношение советских людей. Работая бок о бок, они крепко с ними сдружились, многому у них научились.

Дамьян был среднего роста, со светлыми мягкими волосами, белесыми бровями и худым, бледным лицом. Красавцем назвать его было нельзя, однако он одним из первых женился в Советском Союзе.

Это произошло за несколько недель до начала войны. Было воскресное утро. Воздух, нагретый солнцем, теплой волной проникал через открытые окна в комнаты общежития, где жили испанцы. Трамваи сегодня ходили реже, чем в рабочие дни. Сегодня их дребезжанье почти не нарушало утреннюю тишину, и поэтому можно было подольше поспать. Однако настойчивый звонок в дверь прервал сладкий сон.

— Кто там звонит? — ворчливым, недовольным топом спросил Паскуаль, как следует еще не проснувшись.

— Это я, Ольга! — Из-за закрытой двери до него донесся мелодичный женский голос. — Дамьян здесь?

— Нет, он в другой комнате. Подождите немного!

Паскуаль поспешно оделся, вышел в коридор и постучался в

соседнюю дверь, где жили Дамьян Макайя и Бельтран.

— Макайя!.. Вставай! К тебе пришли!

— Что?..

— Быстрей вставай! Ольга здесь!

Когда Дамьян вышел в коридор, то увидел неожиданную для него картину, которая привела его в замешательство. Он не сразу нашел что сказать: Ольга, чуть откинув голову, сидела на двух чемоданах и своими большими зеленоватыми глазами вопросительно, с тревогой смотрела на Дамьяна. Ее мать, энергичная приземистая женщина, в одной руке держала узел с одеждой, в другой — корзину с кухонными принадлежностями. Толкнув дверь комнаты, она спросила:

— Это его комната?

— Но…

— А где находится кухня?

— А что случилось, Ольга?..

— Разве ты все еще не догадываешься? — ответила та, занося чемоданы в комнату. — Мы с тобой поженимся. Так решили мы с мамой. Ты, конечно, не возражаешь?

— Да, конечно… Но… Ты знаешь, мы живем здесь одни… Только молодые парни, женатых здесь нет…

— Пусть тебя это не волнует, — ответила за Ольгу ее мать. — Понемногу все уладится, образуется.

Через несколько дней мы отпраздновали свадьбу, а дирекция завода изыскала возможность и предоставила молодоженам комнату.

Ольгу все уважали и любили за ее мягкий, обходительный характер. Она как бы олицетворяла собой всех советских людей, солидарных с испанским народом в его борьбе против фашизма. Ольга хорошо понимала нас, сочувствовала нам, искренне переживала вместе с нами наши горести, радовалась нашим успехам. И хотя ей было всего восемнадцать лет, она умела с достоинством и мужественно держаться в самых сложных ситуациях.

Война нарушила жизнь миллионов и миллионов людей. Ворвалась она и в жизнь молодой четы — Ольги и Дамьяна, но не смогла разрушить их любви. Когда мы, испанские авиаторы, обучались в лагере под Москвой, Ольга с матерью поселилась неподалеку от нашего лагеря, чтобы иметь возможность видеться с Дамьяном.

Потом, когда нас перевели на Урал, где мы учились летать на немецких самолетах, дежурный по части офицер однажды сообщил:

— Макайю возле проходной ждут две женщины. Услышав эти

слова, Дамьян обрадовался:

— Это Ольга и ее мама!

Мы гурьбой поспешили к проходной. Там стояла Ольга с чемоданом в руках, а рядом с ней — ее мать с каким-то пакетом.

— Смотри, Дамьян, твоя жена!

— Ольга!..

— Дамьян!..

— Как тебе удалось найти меня? — спросил Дамьян, нежно обнимая Ольгу.

— О-о!.. И не говори! Долго все рассказывать… Я дошла до маршала Ворошилова. Знаешь, я беременна, и мне разрешили поэтому поехать к тебе…

— Превосходно! У нас будет ребенок! Это здорово! Я поговорю с комиссаром части капитаном Капустиным. Думаю, все уладится… У нас здесь живут военнослужащие с семьями.

— Знаешь, Дамьян, я не могла больше жить без тебя!

— К сожалению, скоро нам придется расстаться. Идет война, и в ближайшее время мы отправляемся на фронт.

Майор Хомяков и капитан Капустин сумели найти жилище для семьи Дамьяна Макайи. А через несколько дней мы заканчивали тренировки. Приближалась годовщина Великого Октября. Мы рвались на фронт: враг стоял у ворот Москвы.

Вот мы и прощаемся с Уралом. На перроне железнодорожной станции у состава, в котором часть отправляется на фронт, небольшая группа испанских летчиков прощается с двумя женщинами — Ольгой и ее матерью. Обе плачут.

— Дамьян, береги себя!..

— Хорошо, Ольга… Не плачь! Живи пока здесь… В твоем положении долгие путешествия противопоказаны… Фронт сейчас проходит у самой Москвы. Там воздушные тревоги, бомбардировки. Наберись терпения, Ольга, прошу тебя!

— Да, я попытаюсь… Буду ждать тебя! — отвечает она, всхлипывая. Буду ждать… А ты пиши, слышишь!

— Кончится война, и мы опять будем вместе, мы будем счастливы!..

— Знаю… Знаю…

— Не беспокойся, все будет хорошо!

Паровоз дает протяжный, берущий за душу гудок. Эшелон судорожно дергается. К поезду со всех сторон по перрону бегут солдаты. Несколько мгновений мы еще видим, как две женщины машут нам руками.

— Дамьян, прощай!..

— Ольга-а-а!..

В Москве Дамьян и Рамон были направлены в

бомбардировочную авиацию для ночных полетов. Каждую ночь их самолеты совершали по три-четыре вылета с целью бомбардировки коммуникаций врага, непосредственно ведущих к фронту, а также его тыловых частей. Положение оставалось сложным — враг продолжал рваться к Москве. Полеты и снова полеты.

Однажды в перерыве между полетами, когда Дамьян шел в столовую выпить чашку чая, он столкнулся в дверях с Рамоном.

— Видел Ольгу? — спросил его Рамон.

— Нет… А где?!

— Они в штабе — Ольга и ее мать, обе.

— Мадре миа! — воскликнул оторопевший Макайя.

— Не беспокойся. Уже дали распоряжение их устроить.

Однако на этот раз увидеться им не пришлось. Экипаж самолета, на котором летал Макайя, был занят срочной подготовкой данных для налета на Кенигсберг. Метеорологическая обстановка складывалась сносная: большая часть маршрута до побережья Балтийского моря была прикрыта низкой облачностью, в районах Смоленска и Вильнюса находился снежный фронт, а мощный антициклон шел со стороны Скандинавии на юго-восток. Ко времени полета в район Кенигсберга там предполагалась ясная погода. Ветер, с учетом высоты, должен был благоприятствовать полету. Все, казалось, готово. Дамьян, беспокоясь за Ольгу, рассказал об этом Морозову, командиру экипажа.

— Напрасно волнуешься, — ответил тот, — вернешься и увидишься с женой.

Они взлетели, приземлились еще раз на своей территории, чтобы дозаправиться, и опять взлетели. На высоте пять тысяч метров взяли курс на северо-запад. Ничто не мешало полету: казалось, нет никакой войны. Все было скрыто черным покрывалом ночи. Самолет шел в облаках по приборам. Летчик включил автопилот. Летели долго, по радио слушали радостные вести с фронта из-под Москвы: советские войска наступали, было освобождено более ста населенных пунктов, вперед продвинулись еще на тридцать километров.

Внизу, под крылом, сверкнул в разрыве облаков отсвет от воды.

— Где мы находимся? — спросил Морозов.

— Мы немного уклонились вправо. Сейчас летим над городом Мемель. Через двадцать минут будем над целью.

Морозов отключил автопилот, наклонил самолет на левое крыло и продолжал полет, набирая высоту. Шесть тысяч метров. Макайя сделал расчеты и сказал:

— Пять градусов вправо!

И вдруг воздух наполнился разрывами зенитных снарядов. Прожекторы из городских кварталов и с кораблей ощупывали небо в поисках бомбардировщика, но экипаж, казалось, не обращал на это внимания. Самолет вышел на последнюю прямую, и Макайя положил руку на бомбосбрасыватель.

— Два градуса влево!.. Хорошо, так держать!

Они летели уже прямо над целью, и Дамьян сбросил бомбы. Освободившись от груза, машина как бы в знак благодарности подняла нос к небу. Веселее загудели моторы. Пилот направил самолет на восток. Чтобы скорее выйти из опасной зоны, летчик спикировал, но в самый решающий момент, когда все почувствовали удовлетворение от выполнения задачи и испытывали желание поскорее избежать близкой опасности, прожектор захватил правую плоскость. Другие прожекторы тут же осветили самолет, и он, как звезда, загорелся на ночном небосводе.

Сильный тупой удар вывел из строя левый мотор, и в то же мгновенье всю левую плоскость и часть фюзеляжа охватило пламя. Самолет превратился в горящий факел. Морозов убрал газ, выключил моторы и, маневрируя, пытался сбить пламя, но это не дало результатов. Самолет начал разваливаться в воздухе.

— Прыгать, прыгать с парашютом! — отдал последний приказ командир.

Три парашюта раскрылись в темном небе над территорией врага…

Фашисты долго допрашивали Макайю о его национальности, но ничего не добились. Он молчал. И все же, видимо догадавшись, гитлеровцы через несколько месяцев передали его Франко, и Дамьян Макайя был расстрелян в тюрьме города Барселоны. Об этом стало известно только после войны.

Ольга родила девочку. Долго ждала она весточку от своего Дамьяна, не раз делала запросы и лишь много лет спустя после войны узнала о судьбе своего мужа Дамьяна Макайи.

Рамон Моретонес, друг Дамьяна, летал на ночных бомбардировщиках до самого конца войны и был награжден орденом Красной Звезды и медалями. Рамон отомстил фашистам за смерть своего друга и земляка.

Бои на У-2

Война в Испании все еще продолжалась. Каталонию уже захватили фашисты. В руках республиканцев оставалась еще центральная часть страны, однако в летной школе в Кировабаде, где обучали летному делу испанских юношей, были прекращены все полеты. Когда прибыл приказ о прекращении полетов, курсанты четвертого выпуска научились летать лишь на У-2.

— Что нас ждет? — спрашивал старший группы испанских курсантов лейтенант Хуан Капдевилья комиссара школы полковника Мирова.

— Мы занимаемся этим вопросом, и на днях он, вероятно, будет решен.

— Пожалуйста, полковник, — попросил Доминго Бонилья, заместитель Капдевильи, — решите его поскорее! Наши ребята очень волнуются, поползли различные слухи, а это хуже всего.

В один из весенних дней, когда тяжелые облака ушли за горизонт, комиссар собрал во дворе школы двести курсантов. Туман рассеялся. Пригревало солнце.

— Товарищи! — начал свое выступление полковник Миров, обращаясь к курсантам, которые смотрели на него с тревогой. Голос их комиссара сегодня звучал гораздо строже, чем обычно. Все напряженно ждали, что он скажет о положении в Испании. — Война в Испании, — продолжал Миров, — закончилась поражением республиканцев, но это временное поражение, потому что нельзя окончательно победить народ, который три года мужественно боролся с фашизмом. Придет день, и народ Испании порвет цепи и снова обретет свободу! Вы, товарищи, не должны падать духом. Получен приказ прекратить занятия в школе. Вы молоды, и вам предоставляется свобода выбора: вы можете остаться жить и работать в Советском Союзе, где вы будете полноправными гражданами, однако тот, кто хочет вернуться в Испанию, может это сделать, препятствий этому не будет. И хотя у нас с Испанией нет теперь дипломатических отношений, возвращение можно осуществить через третьи страны…

За несколько минут все было сказано. Полковник Миров медленно сошел с трибуны. Курсанты молча проводили его взглядами. Для него эта речь была тяжким испытанием. И сам он как-то сразу постарел и грузной походкой отошел от трибуны. Таким раньше комиссара не видели.

То, что курсанты услышали от Мирова, их глубоко потрясло. Все молчали, пытаясь осмыслить свое новое положение. Это было

крушением их надежд. А ведь они мечтали стать пилотами, чтобы, вернувшись в Испанию, сражаться с фашизмом. После митинга все ходили растерянные; разговоры и споры обрывались на полуслове…

Большинство курсантов сразу же решили остаться в Советском Союзе — на своей второй родине. Вскоре их разбили на группы, чтобы направить на работу или учебу. Глубоко переживая поражение республики, испанские юноши часто подходили к карте Испании в большой аудитории и подолгу стояли возле нее, всматриваясь в обозначения городов, путей сообщения и рельефа местности.

Разговоры… Много было разговоров накануне отъезда. Они возникали то в классных комнатах, где курсанты усаживались за парты, выкрашенные в зеленый цвет, то прямо во дворе школы. Как-то вечером возле большого, раскидистого дерева во дворе школы собрались Хосе Креспильо, Франсиско Гальярдо, Франсиско Бенито, Бланко и Гонсало. Они тихо разговаривали между собой. Никому не хотелось идти спать, хотя и поздно было.

— Я еду в Москву, — сказал Капдевилья, обращаясь к Бланко.

Тот в свою очередь спросил его!

— Где ты будешь работать?

— На московском автозаводе, а вы?

— Мы с Гонсало тоже направляемся в Москву, в Сельскохозяйственную академию имени Тимирязева. Мы ведь по специальности химики.

— Там увидимся.

— Думаю, что да…

Хосе Креспильо, Франсиско Гаспар, Франсиско Гальярдо и еще группа курсантов отправились в Горький — работать на автомобильном заводе. Вскоре все двести курсантов разъехались по городам Советского Союза, чтобы учиться и работать. Таким образом, последний курс поехал не в Испанию, а почти весь остался в стране, где у него были самые надежные друзья — советские люди.

Быстро бежало время. Испанским юношам пришлось привыкать к сильным морозам и снегу. Первая их зима в СССР 1939/40 года выдалась, как известно, очень морозной: температура в центральной полосе опускалась почти до 40 градусов ниже нуля. Конечно, они думали об Испания, о своих близких, оставшихся там, однако работа и учеба поглощали почти все их свободное время, не позволяя впадать в хандру. Конечно, привыкшие к солнцу испанцы скучали по нему в долгие зимние вечера.

— А бывает здесь солнце зимой? — спрашивали они.

— Бывает, — отвечали им, — только, когда зимой у нас светит солнце, мороз от этого не становится слабее.

Но вот и миновали холода. Ночи стали короче. На деревьях появились зеленые листочки. Начало пригревать солнце, за окном весело защебетали птицы. И в это весеннее время все шире стал разгораться пожар войны в Европе. Военная машина фашизма, ускоряя свой ход, порабощала страны и народы Европы. И, наконец, 22 июня 1941 года фашистская Германия напала на Советский Союз.

В июле 1941 года группа испанцев, недавних курсантов, предстала перед районным военкомом Пензы полковником Артемовым.

— Садитесь! — пригласил их полковник, жестом показывая на деревянные табуретки, стоявшие вокруг его стола.

— На каких самолетах вы летали?

— Мы окончили курс полетов на самолетах У-2 в летной школе Кировабада, — ответил Креспильо.

— Это, конечно, немного. Ну ладно, мы проверим вас здесь на контрольных полетах и по мере поступления запросов будем направлять в качестве связных для штабов. Сейчас потребность в У-2 очень большая, они летают даже в качестве ночных бомбардировщиков.

— Мы хотим как можно скорее попасть на фронт, — за всех сказал Бенито.

— Не беспокойтесь. Эта возможность быстро представится.

Испанские летчики ненавидели фашизм, его звериный оскал они воочию видели в Испании. Полковник Артемов понимал это и сделал все возможное, чтобы удовлетворить их просьбу.

Через несколько дней он вызвал испанцев к себе. Встретил их стоя, молча, только по чуть заметной улыбке испанцы догадались, что он намерен сообщить им добрую весть.

— Знаете, зачем я вас вызвал?

— Конкретно нет, но догадываемся, — ответил Хосе Креспильо.

— Здесь у меня приказ: вы все отправляетесь на фронт в разные части. Надеюсь, вы будете достойными бойцами!

— Вам не придется краснеть за нас!

Из Пензы они разъехались по разным направлениям. Полковник каждого напутствовал добрым словом. Они вместе выкурили по сигарете и, взволнованные, возбужденные, вышли на улицу. Стоял летний июльский день 1941 года.

Хосе Креспильо был направлен в танковую часть, действовавшую под Москвой, Карлос попал в штаб армии, действовавшей на юго-западном направлении, Франсиско Бенито

— на западный фронт, другие курсанты оказались в самых различных частях и соединениях. Все они летали на самолетах У-2 — «кукурузниках», имевших скорость 120–130 километров в час, если не было встречного ветра.

Эти, на вид беспомощные, машины выполняли многие важные задания, так что немцы вскоре стали обещать награду своим пилотам за каждый сбитый самолет У-2.

…Керосиновая лампа, подвешенная к потолку землянки, освещала только центр штабного помещения. Вошедший Хосе Креспильо едва различал лица людей, сидевших у стены.

— Где приземлились? — после приветствия спросил его командир полка, майор Колотухин.

— Там, недалеко от реки, между лесом и правым берегом.

— Имейте в виду, что здесь мы — почти на переднем крае. Самолет следует хорошо замаскировать, и в то же время он должен быть готов к полету. Где ваш механик?

— На месте. Он не новичок. Мы с ним спрятали машину среди деревьев и прикрыли ее ветками. Сейчас бы нам самим где-нибудь вздремнуть…

— Эту ночь вам придется расположиться под открытым небом, завтра устроимся получше.

Когда Хосе вышел из штаба, звезды еще не высыпали на чистом небе, зато хорошо были видны вспышки орудийных выстрелов и отблески пожаров.

Утром на небе не было ни облачка. Свежий воздух был напоен ароматом хвои.

Отсюда начинались брянские леса. Танкисты осматривали свои боевые машины, проверяли моторы и оружие. Вчера в бою они потеряли два танка вместе с экипажами. Враг окружил две наши поредевшие и измотавшиеся в боях стрелковые дивизии. Танковая дивизия получила задачу — прорвать окружение, но для этого требовались данные о противнике, а также необходимо было наладить связь с окруженными частями. Радио у них вышло из строя, телефонная связь была прервана. Оставалась одна надежда на У-2. Вот почему начальник штаба вместе с Креспильо обсуждал план предстоящего полета.

— Высота полета над безлесными участками — не больше ста метров. Над лесом — на бреющем полете. Пакет следует вручить только кому-нибудь из старших командиров окруженных частей. Получите письменный ответ. Все ясно?

— Так точно, товарищ майор!..

— Документ ни в коем случае не должен попасть в руки врага.

— Так точно! — ответил Хосе и, расстегнув кожаную куртку,

положил конверт во внутренний карман. — Разрешите выполнять?

— Да, идите!

Хосе Креспильо направился к опушке леса, где среди деревьев, в двухстах метрах от штаба, был спрятан У-2.

Самолет находился рядом с танками, тоже замаскированными в лесу. Среди стальных громадин он казался хрупким и невзрачным. Механик сбросил с него ветки, заправил горючим и снарядил боеприпасами пулемет, установленный на турели во второй кабине, где раньше помещался курсант. Увидев пилота, шагавшего к самолету, механик Кирилл Иванов закончил подготовку самолета и, спрыгнув на землю, доложил:

— Товарищ лейтенант! Самолет к полету готов!

— Хорошо, через пять минут вылетаем. Они привели в порядок одежду. Креспильо влез в переднюю кабину, застегнул ремни и спросил Иванова:

— Как самочувствие?

— Хорошее!

Механик несколько раз провернул деревянный винт. Сейчас он механик, а в полете будет и стрелком, и наблюдателем, будет выполнять и еще ряд обязанностей.

— Внимание!

— От винта!

Мотор выпустил клубы белого дыма и заглох. Всю процедуру повторили, и на этот раз мотор заработал ровно.

Иванов быстро занял свое место, проверил переговорную систему. Иванов обычно больше слушает. Хосе говорит, а Иванов предпочитает отвечать знаками, чтобы не отвлекаться от наблюдения. Вот и сейчас на вопрос Креспильо: «Ты готов?» — Иванов слегка кивает и поднимает вверх большой палец руки в кожаной перчатке, что означает: «Все в порядке».

Пилот увеличил обороты мотора, и самолет начал медленно, вразвалку выбираться на поляну между рекой и лесом. Летчик поставил самолет против ветра, еще раз бросил взгляд на карту, чтобы лучше запомнить наиболее заметные ориентиры, и дал полный газ. После разворота, почти касаясь верхушек сосен, взял курс 270 градусов.

— Через пять минут будем над позициями фашистов. Не прекращай наблюдения. «Мессеры» здесь преследуют всех, кто появляется в воздухе…

Не успел Хосе договорить, как на шоссе, справа от себя, они увидели движущуюся фашистскую часть.

— Справа!.. Стреляй! — крикнул Хосе.

Иванов уже поливал фашистов пулеметным огнем. Фашисты

разбегались в разные стороны, несколько человек упали на дороге. Опомнившись, противник начал отвечать сильным огнем.

Хосе прижал самолет как можно ниже к земле. У него не было времени взглянуть назад и увидеть результаты обстрела. Все его внимание было направлено на то, чтобы, умело используя складки местности, уйти из-под обстрела. Через минуту стрельба прекратилась. Шум мотора стал глуше сказывалось приближение к земле. В фюзеляже, сразу же за кабиной, оказались три пробоины от попаданий фашистов.

Иванов показал рукой, что следует взять немного левее — на три-четыре градуса, чтобы выйти к другому лесному массиву. И действительно, через пять минут они заметили внизу фигурки людей, которые поднимали оружие и размахивали им в воздухе.

— Это наши, — сказал Иванов.

— Да, пятнадцать минут полета.

Хосе вспомнил напутствие командира танковой дивизии:

— Задача ваша трудная, но ее нужно выполнить, несмотря ни на что! Нам надлежит вывести из окружения бойцов и боевую технику. Сейчас это в значительной мере зависит от вас, ясно?

— Так точно, товарищ генерал!

— Желаю вам успеха. Я уверен: вы выполните приказ!

Минуты полета над территорией, занятой врагом, конечно, были нелегкими, но летчиков выручила внезапность. Противник их не ожидал. Он знал, что у окруженной группировки имелся связной самолет, но не знал, что он сломан, и поэтому зенитчики ждали его вылета из кольца окружения и готовились любой ценой сбить.

Хосе на небольшой высоте сделал круг, внимательно исследуя каждый метр земли, но безрезультатно: везде деревья и густой кустарник. Он увеличил круг полета. Вдруг поблизости, сотрясая воздух, разорвался вражеский снаряд. Легкий самолет подбросило, как падающий с дерева осенний лист. Снаряд разорвался в стороне, мимо самолета пронеслись осколки.

— Ты жив? — спросил Хосе своего механика.

— Да, но ты скорей приземляйся, а то нас прихлопнут в воздухе. Смотри, там, справа, виднеется свободная полянка среди берез, видишь ее?

Хосе направил самолет к месту, указанному Ивановым, сбросил газ, и уже через мгновенье послышалось царапанье кустов о нижнюю плоскость. Сотня метров пробега — и самолет окружили бойцы Красной Армии. На лицах у всех радость. Даже раненые спешили поприветствовать прилетевших пилотов. Уже несколько дней солдаты находились на занятой врагом территории, видели, как лютуют и зверствуют фашисты.

Посуровели лица солдат, и в их глазах Хосе и Иванов читали непреклонную волю и решимость выстоять в борьбе с врагом.

Видя, как Хосе вылезает из кабины, кто-то из встречающих солдат радостно воскликнул:

— Вот и подмога нам, братцы, будет!

— Не забыли, — поддержал его другой.

— Теперь пробьемся!

Хосе видел обращенные к нему улыбки. Все протягивали к нему руки, стремясь помочь вылезти из самолета, и сердце его наполнилось гордостью. Он смущенно сказал:

— Я сам…

Однако его подняли чьи-то руки и поставили на землю. Хосе похлопывали по плечу, предлагали самокрутку:

— Кури, браток!

Хосе казалось, что ему нужно произнести какие-то важные слова. Он совсем растерялся от такого внимания и только проговорил:

— Самолет нужно замаскировать!

Несколько бойцов вместе с механиком быстро взялись за дело, а другие проводили пилота к командиру.

Присматриваясь к бойцам, Хосе понимал, что они пережили многое: тяжелые бои, голод, гибель товарищей. Когда они надеялись выйти из окружения, противник подтянул свежие силы и перерезал им путь. И сейчас в их глазах светилась надежда услышать новости, которые привез экипаж «кукурузника».

Хосе встретил широкоплечий генерал среднего роста. В его густых черных волосах отчетливо проступали седые пряди. Увидев, что бойцы сопровождают к нему летчика только что приземлившегося самолета, генерал поднялся им навстречу.

Хосе расстегнул летную куртку, достал конверт и, встав по стойке «смирно», доложил:

— Товарищ генерал, разрешите вручить вам пакет!

— Хорошо, хорошо! Как прошел полет? Судя по стрельбе, противник встретил вас огоньком?

— Все обошлось. Несколько попаданий в самолет, но не опасных. Командование считает этот полет очень важным. Мы выполнили лишь половину задания. Теперь остается главное — возвращение.

— А если погода ухудшится?

— Так это только к лучшему! Меньше видимость — меньше у врага возможностей сбить нас при возвращении.

— Сколько времени вы летели сюда?

— Над занятой врагом территорией не больше пятнадцати минут. От основных сил сейчас нас отделяет расстояние не

больше двадцати пяти километров…

В это мгновение неподалеку разорвался снаряд, заглушив слова Хосе. Послышались стоны раненых. Генерал, Хосе и механик продолжали разговаривать, лишь повернулись в ту сторону, где разорвался снаряд.

— Что ж, на войне это обычное явление, — заметил Креспильо.

— А вы давно на фронте? — спросил его генерал.

— Около трех лет.

— Что, три месяца войны вам кажутся тремя годами? — весьма строго поинтересовался генерал.

— Я почти три года сражался с фашистами у себя на родине, в Испании.

— А!.. Так вы испанец?! А я сразу не понял это. Подумал, что…

— Да, я испанец!

— Ну что ж, будем считать, нашего полку прибыло, а сейчас — за дело. Нам надо приготовить ответ, а вы пока посидите в щели. Рисковать будете в полете…

Пока генерал с офицерами готовили ответ, Креспильо и Иванов сидели на дне сырого окопа и курили, отгоняя дымом комаров. Они разделили с бойцами свой паек, рассчитанный на три дня. Погода не ухудшалась. Правда, к вечеру на небе появились большие белые облака. Они повисли над лесом, но потом понемногу рассеялись. Две эскадрильи «юнкерсов» в сопровождении нескольких «мессеров» на большой высоте прошли над их месторасположением в восточном направлении.

— Боюсь, что нам придется возвращаться завтра на рассвете. Сейчас самый раз сделать бы это, так как солнце светило бы нам в спину, — сказал Иванов. — А ты как думаешь?

— Все равно. Возвращаться надо как можно скорее, откуда бы ни светило солнце.

Вскоре золотой диск солнца начал скрываться за высокими вершинами берез. Вот его лучи в последний раз скользнули по всему зеленому лесному массиву, где расположились наши части и где время от времени громыхали взрывы снарядов, и наступили сумерки. Закуковала кукушка. И, забывшись на несколько минут, Хосе начал спрашивать ее, как бывало в детстве, сколько лет ему осталось жить. Однако в это время появился генерал в сопровождении офицеров. Хосе, механик и солдаты поспешно вскочили.

— Здесь, в этом документе, — сказал генерал, протягивая Хосе пакет, наша судьба. Я доверяю его вам, как самому себе. Теперь от вас зависит: выйдем мы из окружения или нет. Сам я не

летчик и не знаю, на что вы способны, но могу сказать только одно: с этого момента наше положение с каждой минутой осложняется. Немцы подтягивают войска для решающего наступления.

— Тогда, — ответил Хосе, пряча пакет в карман своей куртки, — с вашего разрешения мы вылетаем сейчас же. Полет будет рискованным, но этот риск необходим в силу создавшегося положения.

— Я думаю так же, — ответил генерал, и по его тону и выражению лица было видно, что он одобряет решение Хосе. Генерал заметно повеселел.

Обменявшись крепкими рукопожатиями с провожающими, Хосе направился к самолету, где уже хлопотал механик. Вместе с бойцами Иванов срубил несколько кустов на поляне, откуда им предстояло взлетать.

— Что, полетим?

— Да, и как можно скорее, — ответил Креспильо. — Видимость уменьшается с каждой минутой, и нам придется лететь, как говорится, «на ощупь». Давай сначала быстренько изучим маршрут.

На одной из плоскостей самолета они расстелили карту, определяя курс предстоящего полета.

— Фашисты ждут нашего возвращения. Они нас ждут примерно в этом месте, поэтому мы лучше сделаем небольшой крюк. Горючего у нас много. Сначала мы полетим на юг — вот до этой деревеньки. Это займет не больше десяти минут. Затем выйдем к шоссе на Брянск, как раз где оно пересекается с железной дорогой. Отсюда изменим курс на сорок пять градусов и через несколько минут полета будем над нашими позициями.

— Ты прокладываешь курс, будто на школьных занятиях. А ты принимаешь в расчет противника?

— В крайнем случае, возьмем прямо на восток и приземлимся через двадцать — двадцать пять минут полета в любом месте нашей территории.

— Тогда нужно спешить, вот-вот на небе покажется луна.

— А высота? Сейчас, в темноте, рельеф местности чувствуется не так, как днем. Кроме того, снова появились облака…

— Да, ты прав, придется лететь выше, смотря по обстоятельствам.

Хосе влез в кабину и завел мотор. Лес огласился звуками, похожими на жужжание огромной пчелы. Немцы, очевидно, тоже услышали эти звуки, так как начали беспорядочный интенсивный обстрел. Однако У-2 успел подняться в воздух. Во время взлета

летчик почувствовал сильный толчок в заднюю часть фюзеляжа. Взглянув, увидел, что с левой стороны повисли обрывки перкаля.

— Что это там? — спросил Хосе механика.

— Ничего особенного, — спокойно ответил Иванов, — Разорвавшийся снаряд слегка потрепал наш стабилизатор, но существенного вреда не нанес. Как самолет, управляем?

— Самолет немного заносит влево, но он хорошо слушается руля.

— Тогда вперед! Курс — сто восемьдесят градусов.

Самолет летел зигзагообразно, избегая длинных теней на земле. Он то набирал высоту, то вновь терял ее. Летчик на полной скорости направлял самолет к земле, чтобы не попасть в перекрестие длинных лучей немецких прожекторов, ощупывавших темное небо в поисках летящего самолета. Лучи прожекторов суматошно метались по вершинам деревьев, взмывали вверх и несколько раз рассекали тьму у самого самолета.

Хосе, повернувшись к Иванову, крикнул по переговорному устройству:

— Не стреляй! Будешь стрелять, только когда нас засекут! Постараемся выбраться и обмануть немцев!

Иванов неподвижно сидел на своем месте. Руки его застыли у гашетки пулемета, а взгляд «ощупывал» прожектор, где суетливо копошились фашисты.

— Ты меня слышишь?

— Да, да! Я понял!

Наконец прожекторы остались позади. Теперь то здесь то там, как яркие бенгальские огни, в небо взлетали разноцветные ракеты. К самолету тянулись трассирующие нити пуль, совсем рядом рвались снаряды. По железной дороге от Сельца к Жуковскому шел состав. Паровоз пускал клубы белого дыма, из трубы его вылетали снопы золотистых искр. Иванов не мог больше сдерживать себя и с силой нажал на гашетку пулемета. Свинцовый ливень обрушился на немецкий эшелон. Хосе, услышав выстрелы, резко повернул на восток и до отказа выжал газ, чтобы как можно скорее достичь леса. Это было сделано как нельзя вовремя. Еще немного, и было бы поздно: туда, где они только что находились, с земли в ночное небо устремился шквал огня. Снова заплясали прожекторы, в разных направлениях полосуя лучами ночное небо.

Большие черные тени внизу кончились: самолет миновал массивы брянских лесов, и внизу раскинулись открытые поля. Лес здесь попадался все реже, как острова в открытом море.

— Сколько времени мы летим? — спросил Хосе, позабыв в

нервном напряжении взглянуть на фосфоресцирующий циферблат часов в своей кабине.

— Двадцать пять минут, — ответил Иванов.

— Значит, мы над своей территорией.

— Похоже, что да. Обстрел с земли прекратился.

Вскоре они пересекли железнодорожное полотно у Любохны и увидели сверкающее отражение луны в реке Болва.

— Прибываем, — заметил Иванов.

Вдали вспыхнули две красные ракеты. Это был условный сигнал, Хосе направил в ту сторону «кукурузник» и вскоре увидел площадку для приземления, которую освещали фарами два грузовика.

* * *

…Едва забрезжил рассвет, как заговорили танковые моторы. Летчики так и не успели заснуть. Они вышли из землянки на свежий воздух и увидели, как стальная армада снялась с места и поспешила на выручку находившимся в окружении частям.

* * *

В Великой Отечественной войне участвовало более 70 испанских летчиков. Те, кто погиб, и те, кто остался в живых, совершили немало подвигов, сражаясь вместе с советскими людьми против фашистских орд. Все они были награждены орденами и медалями. На страницах одной небольшой книги трудно рассказать обо всех испанских летчиках, которые в составе отдельных авиачастей сражались с врагом от Москвы до Берлина. Все, кто летал на У-2, проявили немало героизма. У-2 оказался незаменимым самолетом в различных условиях боевых действий: в разведке, на связи, при вывозе раненых и подвозе боеприпасов, в ночных бомбардировках и других видах боевого использования.

Вот лишь некоторые из имен испанских летчиков, отличившихся в полетах на У-2. Хосе Креспильо начал летать на У-2, затем воевал на истребителе, был награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды и многими медалями. Он погиб в 1943 году над украинской землей в неравном бою с восемью вражескими самолетами. Франсиско Гальярдо из 887-го полка 208-й воздушной дивизии 2-го армейского корпуса летал на У-2, затем к концу войны — на истребителе. Летчик Франсиско Гаспар

командовал группой партизан. В первые три месяца войны они подорвали три паровоза, 50 вагонов с боевой техникой, три вагона с живой силой противника. Хоакин Карильо. Франсиско Бенито, Антонио Пейнадо погибли, выполняя боевые задания на У-2. Альфонсо Гарсия летал не только на У-2, но и на знаменитых штурмовиках Ил-2. Он был награжден семью орденами, в том числе орденом Александра Невского, и четырнадцатью медалями. Орденами и медалями за боевые заслуги награждены Марсиано Диес и Леонисио Веласко. На У-2 летали также Франсиско Гарриедо и Карлос Гарсия Аюсо. Аюсо на своем «кукурузнике» прошел весь путь от Москвы до Берлина и окончил войну в Праге. Он совершил более ста боевых вылетов в условиях, полных смертельной опасности; был награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны 1-й степени и двенадцатью медалями.

Баку — Тегеран

Небольшой аэродром. Пилоты находятся в кабинах. Застегнуты шлемы, надеты парашюты. Очки подняты на лоб. Готовность номер один. Как и в предыдущие дни, первая эскадрилья заступила на дежурство после второй, и все вроде спокойно. Однако полковник Евдокименко, командир 481-го полка 8-го корпуса, озабочен больше, чем обычно. Это сразу бросается в глаза, так как походка у него сегодня нервная и беспокойная. Только что он прибыл с другого аэродрома. Командиру хотелось бы быть одновременно и там и здесь, а поскольку это невозможно, он волнуется.

Пилоты в кабинах застыли в ожидании. Возбуждение командиров передалось подчиненным. Командир эскадрильи Браво поспешил в штаб узнать, что происходит. Однако там все, как всегда. На длинном столе из нестроганых досок — глиняный кувшин со свежей водой, рядом две алюминиевые кружки, тут же шлемы, перчатки, планшетки, несколько красных карандашей, две банки из-под сгущенного молока, приспособленные под пепельницы, и большая карта района. Дымя сигаретами, за столом сидят полковник Евдокименко, капитан Шкирко и начальник штаба майор Шмелев. Вошедший Браво тоже усаживается за стол. На карте масштабом 1:1 000 000 обозначена граница с соседними государствами на юге Советского Союза.

«Что-нибудь готовится со стороны этих стран?» — думает про себя Браво, но вслух ничего не говорит. Вскоре он выходит из штаба, чтобы взглянуть на своих пилотов. День только что начался. Над полем носятся ласточки. Браво Фернандес любуется их полетом, а затем продолжает обход эскадрильи. В строгом порядке выстроились истребители И-16. Он подходит к самолету сержанта Писаревского. «Отличный пилот, — думает про себя Браво, — но его нужно вовремя сдерживать: он молод и излишне горяч». Немного дальше находится самолет лейтенанта Хоакина Диаса Сантоса. Этот защищал в Испании Валенсию и Аликанте, а в промежутках между боями испытывал самолеты после ремонта. А вот другие пилоты — сержанты Рядисов и Фроликов. Сидящие в кабинах пилоты докладывают командиру:

— Все в порядке, товарищ капитан!

— По-прежнему готовность номер одни, внимание к сигналам ракетой, говорит им Браво, чтобы что-то сказать. Он хорошо видит, что они предельно собраны.

Каждый из пилотов так ненавидел фашизм, что стремился лишь к одному, как бы нанести гитлеровцам возможно больший

урон.

Другое звено эскадрильи под командованием старшего лейтенанта Хуранова с пилотами Бородайчуком и Петриченковым находится на другом конце взлетного поля. Туда идти порядочно, и, боясь потерять время, Браво направляется к штабу. Навстречу ему спешит ординарец.

— Капитан Браво, вас вызывают в штаб. Полковник Евдокименко только что спрашивал о вас. Браво ускоряет шаг.

— Вы меня вызывали, товарищ полковник?

— Да, через полчаса твоя эскадрилья поднимется в воздух и сменит вторую эскадрилью, которая летит из Баку. Вы будете прикрывать самолет Ли-2. Сейчас его охраняет первая эскадрилья.

— Есть!

— Имей в виду: за этот самолет отвечаешь головой. Понял? Потом получишь более конкретные письменные указания. Как твои пилоты?

— В норме.

— А самолеты?

— В полном порядке.

— В первой эскадрилье находятся твои земляки Пальярес и Карбонель. Они приземлятся у нас, После выполнения полета по эскортированию ты еще их здесь застанешь и сможешь поговорить с ними.

— А на сколько дней мы вылетаем?

— Твоя задача — сопровождать Ли-2 туда и обратно. Время пребывания в полете и задержка там, куда вы летите, зависят только от этого самолета.

Узнав причину озабоченности полковника, Браво немного успокаивается. Сопровождение пассажирского самолета — дело нехитрое. Браво, размышляя, идет к своей машине. Ему вручили карту, которая охватывает часть Турции и Ирана. «Кого же мы все-таки будем охранять в воздухе?»

В то время, когда эскадрилья капитана Браво готовилась принять в небе эстафету охраны, на соседнем аэродроме происходило примерно то же. Капитан Махарадзе, боевой летчик, ас, никогда не думал раньше, что полеты по охране пассажирского самолета требуют такой ответственности, о которой толковал командир. Когда его ознакомили с предстоящей задачей, все его радостно-приподнятое настроение сразу улетучилось, и он молча выслушал приказ.

— Махарадзе! Ты меня слушаешь? Тремя звеньями будешь охранять самолет сверху. Ты летишь в среднем звене, другие — по краям. Оставишь прикрытие, лишь когда сверху появится

новая эскадрилья. Все несут одинаковую ответственность, но ты, как командир эскадрильи, отвечаешь первым.

— Да, все ясно. Взлет по сигналу тревоги?

— Будет дана особая команда красной ракетой.

— Каким полетим курсом?

— Пилот Ли-2 хорошо знает курс. Ваша задача — следовать за ним и охранять его до аэродрома Шихе-Кай, а там — ждать его возвращения.

Пилоты быстро приготовились к полету. Через двадцать минут с севера появился Ли-2, сопровождаемый истребителями. Красная ракета прочертила дугу, и эскадрилья поднялась в воздух.

На небе — легкая облачность. Солнце поэтому слегка затуманено, однако видимость хорошая. Махарадзе тоже думает об этом таинственном самолете: «Кто же в нем летит?»

Задача по сопровождению была выполнена. С 28 ноября но 1 декабря 1943 года две эскадрильи выполняли эту задачу. Затем по приказу полковника они вернулись на свои базы. Никто больше не интересовался таинственным самолетом. Теперь они охраняли Баку, тренировали молодых пилотов и осваивали новые типы самолетов.

В один из таких дней полковник сказал капитану Браво:

— Собери летный состав для зачтения приказа.

— Что за приказ?

— Он касается того транспортного самолета. Все пилоты, участвовавшие в его охране, награждаются орденами Отечественной войны второй степени. На том Ли-2 летал в Тегеран на конференцию великих держав Сталин.

— А почему мы не охраняли его на обратном пути?

— Сталин вернулся поездом. Об этом мы узнали позже.

— Как был бы рад Мануэль Сарауса, наш испанский ас, выполнить подобное задание! — воскликнул Пальярес и тяжело вздохнул: совсем недавно Сарауса был с ними.

— Не только Сарауса, но и недавно погибший Исидоро Шхера…

Мануэль Сарауса и его друзья

Это случилось недалеко от Баку. Тогда в часть только что прибыла группа молодых пилотов. Сарауса, который командовал в то время эскадрильей, начал с ними тренировочные полеты. Весь свой огромный опыт полетов и воздушных боев он с увлечением стал передавать молодым летчикам. Все шло нормально. Полет за полетом с каждым из молодых пилотов, проведение учебного боя. Мануэль Сарауса к этому времени сбил в Испании и в боях против фашистов в СССР более тридцати вражеских самолетов; и провел больше ста воздушных боев. Теперь он делал все возможное, чтобы поскорее передать свой опыт летчикам эскадрильи. Сарауса питал огромную любовь к Советской стране, своей второй родине, и считал своим священным долгом воспитывать в подчиненных патриотизм и пролетарский интернационализм.

Тот день выдался на редкость хорошим. Замерли листья на деревьях, спокоен Каспий. Отличный летный день.

— Высота — три тысячи метров! — объявил задачу Сарауса молодому пилоту. — В зоне мы расходимся, делаем противоположные виражи, через четыре-пять секунд поворачиваем на сто восемьдесят градусов и начинаем бой. Сначала на горизонтальных виражах, затем постепенно переходим к боевым и вертикальным. Все ясно?

— Так точно!

— Тогда в воздух.

Оба летчика запускают моторы, и самолеты И-16 взлетают, поднимая облака пыли. На море — солнечные блики. Внизу уже пожелтевшие под горячими лучами солнца поля. И только несколько легких облаков цепляется за вершины гор. Оба самолета входят в зону «боя».

Моторы работают все сильнее. Вот Сарауса легким покачиванием плоскостей своего самолета дает знак сержанту-пилоту Саше Ряпишеву и делает полубочку, падая на крыло.

Саша все повторяет, но в другую сторону. Они отдаляются друг от друга, но через мгновенье на высоких скоростях идут на сближение. Затем расходятся в разные стороны, оставляя за собой белые шлейфы выхлопных газов. Сарауса увеличивает радиус виража, и Саша начинает заходить ему в хвост. Наступает момент, когда «враг» может открыть огонь, но Сарауса мгновенно бросает самолет к земле. Саша его преследует, но Сарауса на большой скорости почти вертикально взлетает и, сделав на высшей точке прекрасный переворот, падает сверху на самолет

сержанта. Саша, пытаясь уйти от встречи, до предела выжимает газ, но теряет скорость и несколько секунд беспомощно зависает в воздухе. Затем его самолет делает одну, две, три петли и выходит из виража, пикируя с ревущим мотором в сторону моря, а оттуда самолет взмывает в небо.

Сарауса наблюдает за полетом сверху, готовясь показать Саше еще один маневр в «бою», но тот допускает небольшую неточность, и в одно мгновенье оба самолета, столкнувшись, образуют в воздухе вихрь обломков…

Их похоронили вместе, в одной могиле. Во всей эскадрилье это был день траура. Как печальное совпадение, в день похорон на имя Сараусы пришла телеграмма: в Ташкенте умер его сын, которому только исполнился год.

Мануэль Сарауса жил и учился в Харькове. Когда фашистские орды стали подходить к городу, по радио передали приказ об эвакуации. Но испанцы не захотели эвакуироваться. Воспитанные своей коммунистической партией в духе братства и дружбы с советским народом, они выразили желание плечом к плечу с советскими товарищами бороться с фашизмом. Испанцы пришли в военкомат своего района.

— Что вы хотите? — спросил их дежурный офицер.

— Мы — испанские коммунисты. Мы хотим сражаться, а не эвакуироваться. В эти трудные минуты мы хотим быть вместе с советскими людьми.

В этот момент появился комиссар, полковник Илья Григорьевич Старинов. Увидев иностранцев, он остановился и спросил:

— Что делают здесь эти товарищи?

— Это испанцы, они просят направить их сражаться, — ответил капитан.

— Хорошо. Тех, кто работает на заводах, мы принять не можем, они должны эвакуироваться вместе со своими предприятиями, а тех, кто учится, тех можно…

Таким образом, работавшим на заводах Антонио Ариасу, Мануэлю Сараусе, Хосе Карбонелю, Хоакину Диасу пришлось покинуть Харьков.

Комиссар спросил тех, кто оставался:

— Есть среди вас умеющие обращаться с подрывной техникой?

— Да.

— Придется взрывать мосты, железнодорожные линии, электростанции, заводы… Чтобы ничего не досталось врагу.

— Хорошо, а где взять тол и все прочее?

— ВВ, бикфордов шнур и детонаторы вы получите, сейчас.

Оружия у нас нет, все уже роздано населению. Мало осталось и мин. Капитан! Передай испанцам оставшуюся взрывчатку!

На территории, занятой врагом

Испанцы пробираются к окраине города. Дома еще дымят после недавней вражеской бомбежки, кругом много убитых. Всюду руины. Испанцы шагают осторожно, с опаской. Сильно припекает полуденное солнце. Они идут по склону небольшого холма, затянутого дымом от пожарищ. Здесь Хосе Мария Браво, Мариано Чико, Анхель Альберкас, Бенито Устаррос, Рафаэль Эстрела, Эрминио; Кано, Хуан Отеро, Андрео Фьерро, Бельда и капитан Фролов, которого испанцы подобрали в кустах на берегу реки. Его ранило в ногу, и капитан не может идти сам. Сейчас он опирается на плечо Мариано. Они уходят из города в числе последних воинов, выполнивших задание по разрушению военных объектов, могущих представлять ценность для захватчиков.

Они уже два дня в пути, очень устали. Мариано приходится труднее всех. Спустились с холма, вошли в густой, прохладный лес. Запыленные, голодные, с запекшимися от жажды губами.

— Давайте отдохнем, — чуть слышно попросил капитан Фролов.

Они осторожно усадили раненого на ствол сосны, с корнем вырванной из земли взрывом снаряда, и, окружив Фролова, осмотрели рану. У капитана была раздроблена кость выше колена, штанина пропиталась кровью.

— Терпи, друг, — заметил Браво, поправляя на голове раненого русые пряди волос.

— Отдохнем немного и дальше… Попытаемся этой ночью перейти реку. Надо найти наиболее удачные места для постановки мин… А теперь давайте посмотрим, что можно сделать с раной, — сказал Хуан Отеро. Как-то так само собой получилось, что он с молчаливого согласия всех с самого начала взял на себя командование группой.

Широким ножом, который достал Эрминио, разрезали штанину. Небритое несколько дней лицо раненого покрылось испариной и скривилось от боли.

— Ты, Рафаэль, держи с той стороны, я промою рану, а ты держи капитана. Только тихо, неподалеку могут оказаться немцы…

— Мы недалеко от реки. Подростком я здесь косил траву, — проговорил Фролов.

— Самое худшее уже позади. Теперь все зависит от нас. Только бы избежать прямого столкновения с противником!.. Если мы не попадемся ему на глаза, то сможем выполнить задачу и пробиться к нашим.

Сильно распухшую ногу перебинтовали лоскутами из рубашек, которые достали из своих вещмешков Эрминио Кано и Мариано Чико. Между лоскутами Отеро закрепил несколько жестких веточек, чтобы раненому было легче передвигаться вместе с группой. Пришлось разрезать сапог: так распухла нога.

— Теперь будет легче! — заметил Анхель Альберкас, глядя себе под ноги.

— Ты говоришь это, чтобы успокоить меня. Я знаю, все для меня кончено, — ответил раненый.

— Не паникуй! Доберешься с нами до Москвы. Одного мы тебя не бросим. Поместим в госпиталь — и вылечишься. Мы ведь братья!

— Все это не так легко… В случае чего, отомстите за меня фашистам!

Браво отделился от группы и ушел на разведку. Подойдя к реке, залюбовался заходом солнца. Со стороны дороги доносился гул фашистской военной техники. На небе ни облачка. На противоположном берегу реки рос высокий старый дуб, часть его кроны обрезало взрывом снаряда.

— Никого поблизости нет, — доложил Браво, вернувшись.

— Сейчас никого, а через минуту может появиться враг. Надо все время быть начеку, — ответил Отеро.

— По-моему, нам удастся обойти немцев.

— Как сказать… С теми средствами, которыми располагает группа, фашистов трудно обогнать, — возразил кто-то.

— Средства мы найдем, — вмешался Отеро. — Сейчас перейдем реку и там примем решение. Поставим несколько мин, а если удастся, взорвем мост.

Свежий ветер зашумел над лесом. Когда зашло солнце, группа вновь отправилась в путь. Из толстых палок сделали подобие носилок для раненого. Прошло два дня и две ночи, как они покинули город, а казалось, что это было очень давно. Перешли реку вброд в том месте, где на берегу рос старый дуб. На одной из полян, возле небольшого стога сена, опустили раненого.

— Мне не выжить, — произнес капитан.

— Все бывает не так, как думаешь, а наоборот, — успокоил его Хуан.

Ночь для капитана была тяжелой. Утром все тело его стало пепельного цвета. Закинув голову, он смотрел в начинающее светлеть небо, потом тыльной стороной ладони провел по выросшей бороде и смахнул непрошеную слезу. Нога у него распухла еще сильнее и вокруг раны покрылась фиолетовыми пятнами.

К раненому подошел Фьерро и ласково проговорил:

— Дружок, поднаберись немного сил… Мы тебя сейчас посадим и опять понесем…

— Давайте! Давайте! Нога уже почти не болит!

В это время появился Бельда. В руках у него был щербатый кувшин, полный молока. Его дала ему старушка из крайней хаты находившейся поблизости деревни.

— А что, если я останусь в этой деревне? — спросил Фролов.

— Это самоубийство. Немцы тебя найдут и расстреляют. Этого нельзя делать, — ответил Отеро.

Как и раньше, Браво шел впереди, и по его сигналу группа или задерживалась, или продвигалась вперед. Вдруг где-то вдали послышались выстрелы. Группа остановилась. Фролов тихо сказал:

— Я больше не могу, Меня очень сильно знобит…

Раненого опустили на землю. Только что перешли еще одну небольшую речку с холодной прозрачной водой. Недалеко отсюда, на перекрестке двух дорог, Чико и Эстрела поставили и замаскировали две мины.

Рана уже не болела, но капитана всего лихорадило, и он дрожал всем телом. Фролов попросил положить его на мягкую траву у берега реки. Он уставился в небо, где плыли белые облака, а затем перевел взгляд на высокие кроны сосен, позолоченные лучами солнца…

— Нет! Не может быть… — с тревогой произнес Мариано.

Остальные наклонились над Фроловым.

— Не ожидал, что это случится так скоро! — сказал Отеро.

В этот момент раздались сильные взрывы.

— Мины сделали свое дело, — заметил Фьерро, Все уселись вокруг тела Фролова и долго сидели молча.

— Эрминио, опусти ему веки и раскрой ладони. Он умер, проклиная фашистов. Две взорвавшиеся мины открывают счет нашей мести…

В воздухе послышался рокот моторов. Это летели фашистские бомбардировщики, летели с грузом.

— Идут на восток, — отметил Фьерро, бросив мимолетный взгляд на компас.

— Твой народ никогда не будет побежден, капитан Фролов, — произнес наконец Браво, прощаясь с умершим товарищем. — Спи спокойно, дорогой друг. Ты погиб от вражеской пули, но твоя кровь, как и кровь многих других бойцов, пролитая в эти черные дни, не будет пролита даром. Мы отомстим за тебя. Фашисты будут разбиты, а дружба между нашими народами станет еще крепче! Клянемся тебе в этом!

— Клянемся!

Капитана похоронили возле березы, на стволе которой вырезали его фамилию и дату смерти. Затем группа стала совещаться, что делать дальше.

— У нас есть нож и пистолет с двумя обоймами, оставшийся от капитана, — подвел итог Бенито Устаррос. Из еды — ничего.

— Ничего, — сказал Бельда. — Знаешь, Отеро, пойдем со мной. Возьми на всякий случай пистолет, а я возму нож. Стрелять только в крайнем случае. Все надо делать без шума.

Бельда и Отеро, прячась за деревьями, выбрались на опушку леса. Отсюда было рукой подать до крайней хаты небольшой деревеньки. Отеро спрятался в канаву, а Бельда затаился за углом хаты. Прошел почти час, как они ушли из лесу. Наконец в двери хаты появился немец, солдат. Он явно собирался помыться, так как в руках нес небольшое ведерко с водой, и напевал песенку.

Немец плеснул себе в лицо водой, и в этот момент сильный удар ножом в спину свалил его с ног. Не произнеся ни звука, он уткнулся лицом в землю.

«Даже не пикнул», — отметил Отеро, лежа в канаве и держа наготове пистолет.

Бельда, увидев у себя в руках окровавленный нож, поначалу оцепенел, но сразу же пришел в себя, заметив другого фашиста в хате. Бельда прислушался, но никто не выходил. Бельда слегка надавил на дверь. С сильным скрипом она подалась.

В тот же момент на пороге хаты появился другой немецкий солдат высокий рыжий детина с жирным гривком. Он хотел было что-то сказать, но от удивления слова застряли у него в горле. Раскрыв рот, он застыл на пороге. Немец и Бельда какое-то мгновение смотрел друг на друга. Их разделял всего один шаг. Первым вышел из оцепенения Бельда.

— Каналья! — неистово завопил он и молниеносно вонзил нож прямо в сердце фашисту. Немец, так и не сказав ни слова, ничком упал на землю.

А в это время Отеро ставил мину на мосту через реку. Вот эти немецкие солдаты как раз и охраняли мост. Бельда, сияя, как ребенок, подсчитывал трофеи: два автомата, боеприпасы, консервы с португальскими сардинами, фляжки с испанским коньяком, голландский шоколад, две буханки украинского хлеба, французский одеколон, сигареты с турецким табаком. Нагрузившись всем этим, Отеро и Бельда вернулись к березе, на которой были вырезаны слова: «Фролов. 30.VII.1941».

Быстрые сборы — и снова в путь. Надо отомстить за смерть капитана!

Перед уходом все выстроились возле могилы и в молчании

сняли головные уборы. Издалека донеслись пистолетные выстрелы.

— Нужно быстрее уходить отсюда! — заметил Фьерро. — На дорогах стало оживленнее, а у нас всего только три мины.

— Да, надо торопиться.

Сначала они шли вдоль русла реки, которая поворачивала на север. Чико и Эрминио разведали путь. До шоссе осталось два километра. Вот и оно. По другую сторону шоссе увидели в кювете трупы двух солдат и дохлую лошадь.

Отойдя подальше от этого места, спрятались в небольшом овраге, густо поросшем кустарником. Решили здесь дождаться ночи, чтобы поставить на шоссе последние мины. Распределили оружие. Один автомат достался Хуану Отеро, другой — Бельде: он его «заработал». Свой нож Бельда передал Альберкасу, но предупредил:

— Отдаю тебе его на время, до тех пор пока ты сам не раздобудешь себе оружие.

— Теперь у нас есть чем защищаться, — сказал Браво.

— Имей в виду: мы будем не только защищаться, но и нападать, если представится случай, — ответил ему Фьерро.

— По-моему, ситуация ясна каждому, — вступил в разговор Рафаэль. Немцы нас жалеть не будут, если схватят. Расстреляют всех… Или передадут Франко, а тот тоже прикажет нас повесить…

— Это уж точно! — засмеялся Чико, очищая пыль со своей одежды, как будто собирался на танцы.

— Живыми мы им в руки не дадимся, правда? — уточнил Эрминио Кано.

Остальные лишь одобрительно кивнули. Несколько минут все молчали. Они уже знали, что такое война с фашистами. Они испытали ее в Испании, и им было о чем подумать сейчас.

Погасли последние лучи заходящего солнца. Один за другим испанцы докинули укрытие. Взглянув, как солнце окрасило в рыжие тона вершины деревьев, тронулись в путь. Шли быстро, насколько им позволяли силы. Они уже немало прошагали по этой разоренной и выжженной земле. Им не приходилось особенно полагаться на местное население: плохое произношение не раз вызывало подозрение, поэтому они старались не приближаться к населенным пунктам.

Поставили три последние мины: одну — на мосту через реку, две другие на полотне железной дороги. Тщательно их замаскировали. И снова в путь…

Испанцы все же решили зайти в деревню: из продуктов у них ничего не было. В деревню пошли двое — Андрее Фьерро и

Эрминио Кано.

Из жителей остались лишь старики, женщины и дети. Все, кто мог держать в руках оружие, ушли в Красную Армию. Жители сначала с недоверием встретили пришельцев: испанцы оборваны, лица заросли бородами. На ломаном русском языке с трудом объяснили, что они испанцы и что они воюют против немцев. Лица жителей сразу светлеют. Испанцам несут воду, делятся с ними последним куском хлеба. И все это от чистого сердца!

Покидая гостеприимную деревню, они увидели шедших им навстречу по дороге немецких солдат. Немцев было около дюжины. Испанцы попрыгали в кювет.

— Прижимайтесь к земле! — крикнул Фьерро, Бельда и Отеро приготовили свои трофейные автоматы. Браво дослал патрон в патронник пистолета. Альберкас, Эстрела и Кано вынули ножи.

Фашисты приближались, уже доносились отдельные слова из их разговора.

— О чем они говорят? — шепотом спросил Бельда у Браво, который немного знал немецкий язык.

— Рассказывают анекдоты! Тсс!

— Сейчас мы им расскажем анекдотец!

Вот до врага осталось сто метров, пятьдесят, двадцать. Отеро перестал грызть пуговицу на воротнике своей рубашки и открыл огонь — две длинные очереди из автомата. Несколько убитых фашистов упали на дорогу, остальные, выпустив с испугу несколько очередей в воздух, начали стремительно удирать в обратную сторону. Однако очереди из автоматов Бельды и Отеро уложили всех фашистов — никому из них не удалось уйти.

— Послушай, начальник, мне кажется, это был настоящий бой? — обратился Бельда к Отеро. Бельда отличался оригинальной манерой разговаривать: не сразу поймешь, шутит он или говорит всерьез.

— Думаю, что да, — сухо ответил Хуан и слегка похлопал его по плечу. Лицо Хуана побледнело, и он поморщился от боли.

— Ты ранен? — спросил Бельда и увидел, что на левом плече Хуана расплылось красное пятно.

— По-моему, слегка. Когда пуля меня задела, показалось, будто что-то сильно ударило. Сейчас плечо горит.

Прислушались к далекому шуму боя, выпили по глотку трофейного коньяка. Рана у Отеро оказалась пустячная. Среди трофеев нашли две винтовки с оптическим прицелом. Бельда взял одну из них себе и стал внимательно ее рассматривать. Что он думал в этот момент, трудно было понять.

— Отсюда надо немедленно убираться! — предложил Фьерро

— В любую минуту могут прибыть немцы.

— Куда пойдем дальше?

— Параллельно дороге. Разве не видишь — указатель! До Москвы — семьсот километров!

— Тогда пошли!

Все теперь были хорошо вооружены. Захватив с собой как можно больше патронов и гранат, они снова пустились в путь по украинской земле, используя любые складки местности для скрытного передвижения.

Утренний туман стал рассеиваться. Путники нашли глубокую яму подальше от дороги и, наскоро закусив, завалились спать в обнимку с оружием. Через мгновение все уже храпели. Эрминио Кано и Мариано Чико остались на посту. Они выкурили по сигарете из тех трофеев, что захватили у немцев. Через два часа их сменили.

К вечеру они снова собрались в путь. Бельда горел желанием испробовать немецкую винтовку с оптическим прицелом. Прижимаясь к земле, Бельда и Отеро подползли ближе к шоссе.

По шоссе в обоих направлениях сновали машины. Бельда стал наблюдать. Вот он выбрал место, откуда удобнее стрелять, и тщательно замаскировался. Затем взял на прицел водителя огромного бензовоза. Звук выстрела смешался с шумом идущих по шоссе машин. Грузовик метнулся в сторону, врезался в идущую навстречу машину и завалился на обочину. Раздался сильный взрыв. Со всех сторон к бензовозу бежали немцы, выпрыгнувшие из других машин. Бельда и Отеро сияли от счастья. Однако надо было поскорее уходить, пока немцы не опомнились. Шоссе находилось слишком близко!

Так маленькая группа испанцев-антифашистов продолжала шагать по оккупированной немецкими захватчиками территории. Сколько людей, столько и характеров. Браво всегда нравилось быть впереди, быть первым, а вот Эрминио отличался предельной скромностью. Альберкас любил говорить обо всем и когда угодно, а из Устарроса, бывало, не вытянешь и слова. Эстрела любил посмеяться, а Чико был молчалив. Фьерро нравилось командовать, отдавать приказы. Не в пример ему Бельда был образцовым подчиненным: выполнял приказы без единой жалобы, и все, что говорил ему командир, было для него законом. Отеро был уравновешен и спокоен, умел и посмеяться, и быть серьезным.

Несмотря на такую несхожесть характеров, все они были коммунистами и вели себя как коммунисты: упорно пробивались к своим, не раз вступали в схватки с врагом, подчас сталкиваясь с фашистами лицом к лицу. Сражаясь с фашистами, испанцы

считали, что выполняют свой интернациональный долг перед советским народом, который оказал огромную помощь испанским республиканцам в борьбе против франкистов в Испании, и свято верили в победу ленинских идей пролетарского интернационализма, в победу советского народа над фашизмом.

Однажды недалеко от дороги они увидели небольшой обгоревший дом. Стены обуглились, окна были выбиты, дверь сорвана. Рядом с домом, на сосне, висели трупы: старик, молодая женщина и мальчик лет десяти. На груди у повешенных были дощечки с надписями «Партизанен»…

Прошло еще немало дней, когда они наконец пересекли линию фронта и на небольшой железнодорожной станции вместе с толпой беженцев сели в товарный поезд, состоявший из полуразбитых вагонов и открытых платформ, на которых вывозилось какое-то оборудование. Так в конце ноября 1941 года группа испанских летчиков после многих дней блужданий по вражескому тылу прибыли в город Энгельс, расположенный на Волге недалеко от Саратова.

Там в военкомате; куда они зашли в первую очередь, неожиданно встретились со своим старым знакомым.

— А!.. Вы те самые испанцы, которые еще в Харькове обращались ко мне с просьбой направить на фронт? — спросил их полковник Старинов, с удивлением рассматривая оборванных, изможденных, почерневших от солнца людей, крепко сжимавших в руках немецкие автоматы.

— Да, товарищ полковник! Они самые!

— И как же вы выполнили поставленную перед вами задачу?

— Мы сделали все возможное. Сделали бы и больше, но не хватило взрывчатки и мин.

— Объяснять долго не нужно. Один ваш вид говорит сам за себя… И это трофейное оружие. Вы зачислены в 5-ю инженерную бригаду. Там получите новое задание.

По льду залива

Стояли холодные дни. Над заснеженными полями дули сильные ветры. Никогда раньше в этих местах не было такого холодного ноября. Это подтверждали и местные жители. Немцы и итальянцы находились уже по ту сторону Таганрогского залива и продвигались к Ростову-на-Дону. Советские войска расположились по другую сторону залива, в Ейске и Азове. Берега и сам залив были покрыты снегом. Замерзли пресные воды залива; как камень, застыли песчаные пляжи. Мороз до 35 градусов ниже нуля и холодные ветры сковали землю, и на этом белом фоне выделялись лишь участки леса, издали похожие на острова в снежном океане.

Испанские летчики теперь находились в 5-й инженерной бригаде, которой командовал полковник И. Г. Старинов. Это были Хосе Мария Браво, Андрео Фьерро, Эрминио Кано, Хуан Отеро, Мариано Чико, Рафаэль Эстрела, Анхель Альберкас, Бенито Устаррос, Бельда. Раньше они были авиаторами, теперь же им предстояло на санях совершить бросок в тыл врага.

Сильные кони быстро помчали сани по заснеженному льду. Определяя путь по компасу, испанцы устремились к противоположному берегу бухты. Бешеный ветер бросает в лицо пригоршни колючего снега. То на несколько секунд вдруг наступает затишье, то вдруг снова налетает сильный порыв ветра со снегом. Ночь накрыла все вокруг черным покрывалом, и лишь смутно темнеют на снегу летящие вперед сани.

— В такие ночи даже волки, наверное, не выходят на охоту, — поеживаясь от холода, говорит Бельда.

Ему никто не отвечает. Отеро высовывает голову из воротника полушубка, окидывает взглядом клубящиеся вихри снега и вновь кутается.

Лошади легко везут сани. Полозья оставляют неглубокую колею в снегу.

— Кажется, будто едем назад! — восклицает Рафаэль и смахивает с лица слезинки, выкатившиеся из глаз от сильного ветра.

— Мы уже на месте, — сообщает капитан Игнатюк и начинает ругать лошадь, которая, поскользнувшись, упала на передние ноги и теперь то ли не хочет, то ли не может подняться.

— Рафаэль, Мариано! — подзывает товарищей Хуан Отеро.

Все собираются вместе. В кромешной тьме трудно узнать друг друга. Лишь сверкают глаза из-под шапок, обсыпанных снегом.

— Подготовить оружие и взрывчатку! — приказывает

капитан.

Бойцы выполняют приказ быстро, сосредоточенно и молча. Двое из них остаются с лошадьми. Все остальные уходят в ночную темноту. Дозорные из группы осторожно пробираются к берегу и там по характерным расщелинам в скалах узнают место прежних вылазок.

— Это здесь, — шепчет Браво.

— Мадре миа, как холодно! — тихо отзывается Бельда.

Трудно взбираться по скользким скалам. Снег с них сдуло ветром, и они стали гладкими как лед. Случается, что не можешь двинуться ни назад, ни вперед. Наконец все наверху.

— Внимание! — говорит капитан Игнатюк. — Повторяю задачи. Шоссе — для Эрминио. Тебе, Фьерро, — мост. Петренко, Отеро, Альберкас — штаб. Остальные будут прикрывать отход. Итальянцы этой ночью не высунут и носа на улицу! Бельда и Рафаэль пойдут со мной. Будем минировать все что можно: вагоны на станции, цистерны с горючим, паровозы. Ровно в пять сбор здесь: будем возвращаться.

22 человека приступают к выполнению задания. Ямы в снегу роют кто черенком ножа, кто лопаткой, а кто просто руками, затем устанавливают мины. Ветер свистит в ушах, унося прямо из-под рук частицы льдистого снега.

Время тянется медленно — минуты кажутся часами. Один за другим возвращаются бойцы. Глоток чистого спирта немного согревает. Наконец вернулись все.

— Пошли, ребята! Итальянцам, которые подорвутся на минах, придется позавтракать у святого Петра!

Так в течение нескольких месяцев группы подрывников наносили ощутимые удары по тылам итальянской дивизии, которая пыталась прорваться к Ростову-на-Дону.

Последнюю такую вылазку они осуществили, когда уже начал таять снег и по-весеннему стало пригревать солнце. В ту ночь Бельда шел впереди группы и пробовал лед штыком, чтобы не провалиться в прорубь. Неожиданно раздался треск ломающегося льда и всплеск воды. Мгновенно Бельда оказался в воде и теперь барахтался, пытаясь выбраться. Однако лед ломался, и полынья затягивала его все глубже и глубже.

— Андре!.. Эрминио!..

— Ты где?

— Здесь! Здесь!

Когда наконец его обнаружили в ночной темноте, над прорубью уже торчали только руки с ружьем. Двое вытащили товарища из проруби и положили его на снег. Одни быстро стащили с него мокрую одежду, другие разделись, чтобы своей

одеждой согреть спасенного из ледяной купели. В рот ему влили несколько глотков спирта. Бельда поперхнулся, но открыл глаза. Зубы его застучали от холода.

— Вставай! Нужно двигаться!

Бельду подхватили под руки и стали водить, подталкивая сзади.

Противник с берега, услышав шум на льду, открыл огонь из минометов и орудий. Неприцельный огонь не причинил группе никакого вреда, однако от взрывов снарядов стал лопаться лед, заплескалась вокруг вода, по льду поползли длинные, коварные трещины.

Противник вел беглый огонь, но спускаться с берега не решался. Одна из лошадей испуганно шарахнулась в сторону. Хуан Отеро схватил вожжи, пытаясь сдержать лошадь, но та встала на дыбы и упала на колени. Под ней проломился лед. Мгновенно и сани и лошадь провалились в образовавшуюся трещину, послышался треск ломающихся оглобель. Подрывники бросились спасать лошадь. Полынья увеличивалась. В это время противник усилил артобстрел. Возня на льду в темноте явно вызывала у него беспокойство.

Когда лошадь перестала биться в ледяной воде и присмирела, ее удалось опутать веревками и дружными усилиями вытащить на лед. Тело ее била дрожь, а глаза, устремленные на людей, сверкали, как два фонарика. Ее подняли на ноги и привязали к другим саням. Копыта лошадей дружно застучали по льду: скорее прочь от этого проклятого места! Отряд все дальше удалялся от вражеского берега. Выстрелы итальянцев стихали. Оказавшись на своей стороне, все облегченно вздохнули и на радостях обнялись: уже никто из них не думал выйти «сухим из воды».

И только теперь заметили, что снег вокруг Анхеля Альберкаса порозовел, окрасившись кровью, которая текла из разорванного рукава полушубка.

— Ты ранен? Что с тобой?

— Ничего страшного, пустяк! Царапнуло осколком снаряда…

В небе Сталинграда

Хосе Паскуаль Сантамария

Только что прошел дождь. Тяжелые капли еще гулко барабанили по железным крышам, когда мы оказались на одной из известных в Москве улиц Сретенке. Мы пришли сюда, чтобы купить знаки различия для своей военной формы. Не выходя из магазина, прикрепили «кубики» и «шпалы» к воротникам гимнастерок. Вошли в магазин в форме солдат, а вышли офицерами: Хосе Паскуаль и Висенте Бельтран — лейтенантами, Фернандо Бланко — капитаном, а я — старшим лейтенантом.

На улице уже начало темнеть: лишь изредка отражались в лужах тоненькие лучики от затемненных фар автомобилей. Идем к станции метро «Кировская». Оттуда каждый из нас направится на указанные в предписаниях железнодорожные станции. Хосе Паскуаль договорился встретиться на перроне с Доминго Бонильей: они вместе уезжают в Воронеж. Паскуаль немного нервничает.

На улицах все меньше прохожих. Ускоряем шаг. У входа в метро останавливаемся и, не говоря ни слова, все четверо крепко обнимаемся. Паскуаль уходит один. Он делает несколько неуверенных шагов, будто на его плечи навалилась невероятная тяжесть. У самого входа в метро он останавливается, оборачивается и кричит:

— Пако!.. Пако!

Это он обращается ко мне: по-испански уменьшительное от Франсиско Пако.

Мы смотрим в его сторону. Паскуаль уже стоит у входа. Еще один шаг и…

«До свидания, а может быть, прощай, дорогой друг!..» Наверное, он думает то же самое.

— Когда мы еще увидимся?

— Кто знает? Война! Ты что-нибудь забыл?..

— Ничего. Хотел только тебе сказать… Если мы вернемся в Мадрид, запомни мой адрес: Франко-Родригес 47, район Колония Виста 37, Мадрид. Конечно, вернемся после победы над фашизмом!

— Этот путь и долог и труден! — кричит ему Бельтран. — Но не будем терять надежды!

— И не забывайте об этом, — говорит Паскуаль, прикладывая руку к груди.

Сжав кулак, поднимаем руку в приветствии, и Паскуаль уходит, теряясь в толпе людей, входящих в метро.

Мы шагаем по Сретенке, выходим на Садовое кольцо и направляемся к Курскому вокзалу. На одной из улиц бойцы ПВО поднимают в воздух «колбасы» воздушное заграждение, на другой — снимают чехлы с зенитных орудий. На небе загораются звезды.

— Не нравятся мне расставания, — нарушает молчание Бланко.

Я тоже подумал об этом, а потом в голову пришла мысль: «Почему нас, испанских летчиков, распределяют по двое, по трое в разные части? Почему бы не образовать из нас одну часть, например, полк испанских республиканских летчиков? Трудно сказать, почему… Много есть тому причин, и не последняя из них — международное положение. Это тоже нужно учитывать…»

Приходим на Курский вокзал. Смотрю на часы над Центральным входом: уже два часа ночи. Последняя ночь в Москве. Легкий ветерок играет зеленой листвой деревьев на привокзальной площади. С трудом нашел свой поезд на затемненном перроне. Большинство пассажиров — военные.

Свисток паровоза, длинный и пронзительный, нарушает ночную тишину. Поезд трогается. Завернувшись плащ-палатки, устраиваемся спать на лавках вагона.

Долго не могу уснуть, вспоминаю Хосе Паскуаль. Среднего роста, плотный, крутоголовый, светлый шатен небольшой шевелюрой, энергичный, решительный. Хороший друг, он всегда первым приходил на помощь. Вспоминаю, как мы прощались у метро, как вместе работали; на заводе. Вспоминаю тот день, когда мы снова надели форму летчиков, — на этот раз летчиков славной Красной Армии.

Вспоминаю и другие дни. Кажется, будто в руках у меня свежая пунцовая роза и каждый ее лепесток — еще одно воспоминание о прежней жизни. Напрягаю память, перед мысленным взором возникают другие картины — моя роза становится пышнее, к ней прибавляются все новые и новые лепестки.

От толчка открываю глаза. Поезд резко сбавил ход.

В это время Хосе Паскуаль тоже качается в вагоне! Рядом с ним спит Доминго Бонилья. Они едут с ним в одну часть. Хосе Паскуалю тоже не спится. Он вспоминает свое детство. Сколько ему тогда было, когда он принес домой первые заработанные гроши? Семь или восемь лет? Не больше. Учение? В Испании в те времена школы в основном были частными, а плата за обучение высокая. Бесплатные государственные школы принимал ограниченное число учеников, и не все туда попадали, а кому это

удавалось, едва доучивались до шестого класса! Бедным родителям приходилось идти на всевозможные жертвы. К несчастью, Хосе остался без отца с раннего детства. Это было огромным бедствием для любой трудовой испанской семьи. Хосе всегда ясно понимал, за что борется и почему так ненавидит фашизм.

Хосе Паскуаль и Доминго Бонилья прибывают в Воронеж в штаб 788-го полка 102-й дивизии истребительной авиации.

— Испанцы?

— Да, испанцы!

— Но пасаран! — восклицает командир эскадрильи капитан Козлов, поднимая сжатый кулак.

— Этот призыв будет грозным предупреждением до тех пор, пока существует фашизм, — отвечает Бонилья, — Если там, у нас, им удалось пройти, то здесь им этого не добиться!

— Вы прибыли вовремя, в самое трудное время, — поясняет им обстановку комиссар эскадрильи Вячеслав Башкиров. — Завтра включим вас в работу. Не хватает самолетов, но скоро получим новые, Каждый из вас должен драться за десятерых. Знаете Як-1?

— Летали на нем.

Положение на фронте, действительно, чрезвычайно сложное. Враг пытается перейти Волгу, преодолеть последнюю естественную преграду. На том берегу Волги — бескрайние степи, и фашисты рассчитывают развернуть там свои танковые и моторизованные части. У фашистов численное превосходство, но у них нет такой моральной силы, какой располагает Красная Армия. Ее части упорно контратакуют наседающего врага, нанося ему ощутимые потери на земле и в воздухе. Гитлеровские армии у ворот Сталинграда. На своих оперативных картах фашистские генералы уже перечеркнули этот легендарный город. Они мысленно уже торжествовали победу.

Вот в такое тревожное время и прибыли два испанца в эскадрилью капитана Козлова. В ее состав входили летчики: Гуляев, Смирнов, Паскуаль, Столяров, Бонилья, Башкиров, Иванов. У каждого пилота этой эскадрильи на счету было по нескольку сбитых самолетов противника. Были и потери. Каждый глубоко в сердце хранил память о тех, кто героически погиб в борьбе за справедливое дело, за Родину.

И снова в бой

— Сегодня вечером у нас митинг на тракторном заводе. Там теперь ремонтируют танки. Кто из вас сможет там выступить? — обратился к летчикам эскадрильи капитан Башкиров.

— Мы с большим удовольствием выступили бы, но нас плохо поймут, ответил Бонилья. — По-русски мы говорим еще не очень хорошо.

— Почему не поймут?.. Там, где не хватит слов, поможешь жестами… Вспомни Испанию. Ты ведь сам рассказывал, что с нашими летчиками вы частенько объяснялись жестами… Переводчиков на каждого не было.

— Да… С летчиками мы еще сможем потолковать, с населением… Там будут рабочие…

— Ладно, Паскуаль! Выступишь, только подготовься? Скоро мы выезжаем на митинг, а пока идите все в столовую и подкрепитесь. Уверен, вы давно ничего не ели.

Услышав про еду, Паскуаль и Бонилья переглянулись и улыбнулись. Вот уже три дня, как они выехали из Москвы и за это время действительно почти ничего не ели. Вместе с другими документами им выдали аттестат на довольствие, но они не знали, как им воспользоваться. Денег у них почти не было: десять рублей — у Паскуаля и пять — у Бонильи. Когда они с поезда пересаживались на пароход, чтобы добраться до Сталинграда, то увидели на пристани старушку, торгующую жареными семечками. За их рубли она отсыпала им в карманы несколько стаканов семечек, которыми они и питались всю дорогу.

Придя в столовую, они буквально с волчьим аппетитом набросилась на борщ и жареную картошку с мясом.

Шел август 1942 года. Враг находился в тридцати — сорока километрах от города, и его авиация, используя свое превосходство в воздухе, преследовала все, что летало в воздухе, двигалось по земле или плыло по воде. «Юнкерсы» то и дело атаковали советские наземные части, которые отважно отстаивали каждую пядь земли. «Хейнкели» бомбили все пути, ведущие к Сталинграду: железную дорогу и сообщение по воде, а «мессершмитты» преследовали наши немногочисленные самолеты, появлявшиеся в воздухе. Повсюду — разрушенные здания, пожары, много убитых и раненых, а также оставшихся без крова людей.

Паскуаль и Бонилья вместе с майором Капустиным и капитанами Козловым и Башкировым отправились в город, чтобы принять участие в митинге на тракторном заводе. Вдруг они

увидели на дороге грузовик. Неподалеку еще дымились воронки от бомб. В одной воронке плакали дети. Паскуаль, стиснув зубы, тихо проговорил: «Сволочи фашисты!»

— И куда же вы направлялись? — громко спросил он детей.

— Мы не знаем… Выехали из детского дома на машине, нас разбомбили немцы, и нашего воспитателя убило, — Кто был у вас воспитателем?

— Феликс Альенде…[1] Там он лежит, мертвый…

— А вы что, испанцы?!

— Да, да, мы испанцы!

У Паскуаля и Доминго от волнения перехватило дыхание. Ведь сначала они подумали, что перед ними грузинские дети: черноволосые, черноглазые и хорошо говорят по-русски. Узнав, что эти ребятишки испанцы, Паскуаль и Доминго обратились к ним на родном языке.

— Как случилось, что его убили?

Дети заговорили все сразу, дополняя и перебивая друг друга. Вот что они рассказали:

— Он увидел… он увидел, что… фашистские самолеты близко, и начал всех нас прятать в эту воронку… На грузовике оставалось только двое ребят… Да, да!.. Карменсита и Пепито!.. Когда фашисты сбросили первые бомбы… Феликс Альенде побежал туда… к грузовику, но в этот момент недалеко от него разорвалась бомба и грузовик перевернулся… Карменсита и Пепито до сих пор не могут говорить от страха… Их только немного поцарапало, а бедный Альенде заплатил своей жизнью, чтобы спасти их…

Машина не получила существенных повреждений. Ее лишь опрокинуло взрывной волной.

С большим трудом удалось перевернуть грузовик. Пришел в себя чудом оставшийся в живых водитель. Дети, прощаясь, бросились на шею взрослым испанцам, плакали, крепко прижимались к ним. Многие из них были сиротами, а если у кого и остались родители, то сейчас их разделяли тысячи и тысячи километров.

До самого поворота дороги сквозь облака пыли и дыма Паскуаль и Доминго видели, как малыши, усевшись в грузовик, все махали и махали им вслед своими ручонками.

Послышались взрывы.

— Похоже, что бомбят наш аэродром, — проговорил капитан Башкиров, тревожно вглядываясь в небо.

— Надо торопиться, — заметил майор Капустин. — Мы потеряли много времени и можем опоздать на митинг.

Когда они подъехали к проходной завода, их остановил

рабочий с винтовкой в руках.

— Кто вы такие?

— Летчики из семьсот восемьдесят восьмого полка.

— У вас есть пропуск для входа на завод?

— Только устное приглашение секретаря партийного комитета.

— Подождите здесь.

Дежурный снял трубку одного из телефонных аппаратов, висевших на стене, набрал номер из трех цифр, и слушал, набрал номер еще раз, но никто не отвечал.

— Наверняка опять повредили провод… Только что бомбили, — сказал дежурный, ни к кому не обращаясь.

— Попробуйте позвонить по другому, — посоветовал Башкиров.

— Ничего не выйдет. Эти не работают со вчерашнего дня. Сейчас налаживаем аварийную связь, но она еще не готова.

В это время мимо проходил какой-то рабочий.

— Послушай, Антонов!.. Проводи этих товарищей в клуб к секретарю партийного комитета.

Рабочий вел их молча. Он хорошо ориентировался в лабиринте из обрушившихся от бомбежки стен и среди куч искореженного железа. Только иногда он предупреждал:

— Осторожно, здесь яма!.. Нагните голову. Это — труба с горячей водой.

У сопровождавшего летчиков рабочего был очень усталый вид, изможденное лицо, запавшие щеки, но взгляд оставался уверенным. По его виду трудно было определить, сколько ему лет. Скорее всего, это был человек пожилого возраста. Сказывалась также работа и днем и ночью под непрерывной бомбежкой. На нем были промасленный до блеска ватник, черная рубашка и запыленные темные брюки, когда-то защитного цвета, заправленные в стоптанные сапоги. На ватнике — большое, затертое пятно крови: видимо, он вынимал из-под развалин цеха раненого товарища…

Вдруг он остановился и прислушался. Митинг уже начался, и все услышали слова оратора, приглушенные расстоянием:

— …Сейчас мы не можем, несмотря на огромное желание всех собравшихся, пойти на передовую… Наш передний край сегодня, да, именно сегодня и завтра, — это наши рабочие места. Если кто из нас будет убит или ранен, его место должен занять другой. Каждый отремонтированный нами танк это наш вклад в победу над заклятым врагом, который стоит у ворот нашего города…

Когда летчики дошли наконец до того места, где проходил

митинг, раздались аплодисменты. Это очередной оратор закончил выступление. Летчиков встретил человек в военной гимнастерке и галифе, без знаков различия, но с орденом Красного Знамени на груди. Небольшой фонарь освещал лица людей, сидевших в президиуме митинга. Лица остальных были скрыты полутьмой, но по едва уловимым признакам и негромкому покашливанию чувствовалось присутствие многих людей. Речь очередного оратора заглушили близкие разрывы бомб и снарядов: враг нащупывал завод. Прожекторы освещали небо, пытаясь в темноте найти фашистский самолет. Когда луч прожектора скользнул совсем близко, то за какую-то долю секунды летчики увидели, что митинг проходил в здании с сорванной крышей, а его участники кто сидел на полу, а кто стоял у стены, устало привалившись к ней.

— Товарищ секретарь парткома, — сказал майор Капустин, комиссар полка. — Здесь с нами испанские летчики — Паскуаль и Доминго…

— А-а, антифашисты!.. — заметил тот и обменялся с прибывшими крепкими рукопожатиями. Над головой послышались завывания фашистского самолета. От близкого взрыва вздрогнули стены здания, а взрывной волной, проникшей сквозь бреши в стенах, взметнуло вверх вихрь пыли и клочья бумаг.

— Уже несколько дней мы это переживаем, — сказал секретарь парткома. Прошлой ночью проклятые фашисты бомбили без передышки… У нас тоже были потери, но никто не покинул своих рабочих мест: одни работали при свете пожарищ, другие тушили огонь. Вместо мужчин, ушедших на передовую, на завод пришли женщины и подростки… А кто из вас будет выступать?

— Сначала наш комиссар — капитан Башкиров, — ответил майор Капустин.

— Дай я скажу несколько слов, а затем выступит Хосе Паскуаль. Он испанец, коммунист, боролся с фашистами еще у себя на родине.

На трибуну поднялся Вячеслав Филиппович. Его слушают, затаив дыхание. Тишину нарушает лишь артиллерийская канонада. Башкиров говорит о том, как важно задержать врага, не пустить его на тот берег Волги, напоминает о героической защите города в гражданскую войну.

Паскуаль и Бонилья, пристально вглядываясь в лица участников митинга, видят в них непоколебимую решимость бороться до конца. Раздаются аплодисменты. Паскуаль знает, что сейчас предоставят слово ему. В помещении опять все затихают.

Сердце Паскуаля готово выпрыгнуть из груди. Заметно волнуясь, он обводит взглядом полутемный зал, смотрит на стол президиума, за которым сидят четверо мужчин и одна женщина, и слышит слова председательствующего:

— А теперь имеет слово испанский летчик-истребитель, коммунист Хосе Паскуаль!

Снова аплодисменты, и опять тишина. Паскуаль, как всегда решительный в ответственный момент, быстро поднимается на трибуну, вытирает холодный пот со лба и начинает говорить:

— Товарищи!.. — Он набирает побольше воздуха в легкие и продолжает: Все мы хорошо знаем, что борьба против фашизма началась в Испании. Мы, испанцы, и советские добровольцы вместе несколько лет шли дорогами войны… Там, на нашей испанской земле, навечно остались замечательные советские люди. Вместе с нами они защищали испанскую землю и небо. Сегодня нам, испанским коммунистам, выпала судьба вместе с вами защищать Сталинград в эти тяжелые дни. Положение здесь тяжелое, но не безнадежное. Мы все верим, что победа будет за вами… Мы не сомневаемся, что ваша героическая борьба станет примером для всех и этот участок советской земли никогда не достанется врагу… Нас, испанцев, здесь немного, — продолжал Паскуаль, сделав небольшую паузу, — но мы сумеем зажигачь (здесь Паскуаль делает ошибку и неправильно произносит слово) Сталинград с воздуха…

Бонилья, находившийся недалеко от трибуны, складывает рупором ладони у рта и по-испански шепчет Паскуалю:

— Мучачо, парень! Кто же говорит «зажигачь», если Сталинград и так горит со всех сторон?!

Паскуаль несколько мгновений молчит, вспоминая нужное слово, а потом говорит:

— Извините, товарищи, нужно сказать не «зажигачь», а «защищачъ» Сталинград!..

Громкие аплодисменты и добрые улыбки вознаграждают Паскуаля.

— Отлично, Паскуаль, — похвалил смущенного и взволнованного летчика капитан Башкиров.

Территорию завода они покидали, когда совсем стемнело. Трассирующие пули зенитных пулеметов и сигнальные ракеты освещали ночное небо. Великая русская река отражала в своих водах огни великой битвы, развернувшейся на ее берегу.

Прошло несколько дней. Паскуаль и Бонилья совершали тренировочные полеты на Як-1 и с нетерпением ждали, когда им предоставят возможность участвовать в боевых действиях.

Враг все приближался, охватывая город огненными клещами.

Это стоило ему немалых усилий и огромных жертв. На юге немцы вышли к реке, перерезали дорогу между Сталинградом и Красноармейском.

Майор Капустин собрал летный состав.

— Сколько сегодня можно поднять в воздух самолетов? — спросил он капитана Башкирова.

— Шесть, товарищ майор! Командир эскадрильи только что доложил об этом.

— Есть приказ штаба фронта произвести воздушную разведку у Сталинграда. Необходимо уточнить некоторые детали расположения вражеской группировки.

Майор разложил карту и показал летчикам направление и районы предстоящего полета.

— Через полчаса вылетаем четырьмя машинами, — сказал Капустин. Пойдем на небольшой высоте, не более двух тысяч метров. Необходимо все время маневрировать, чтобы не попасть под зенитный огонь противника.

— Кто полетит? — спросил капитан Козлов.

— Образуем три пары. Согласно плану полета, Паскуаль полетит со мной. Башкиров и Бонилья будут прикрывать нас в воздухе, Козлов и Федоров останутся на земле, чтобы прикрыть посадку при возвращении. Они поднимутся в воздух, когда я отдам им приказ по радио. Надо быть внимательными: фашисты всегда атакуют наши истребители в момент посадки.

День выдался пасмурным. Земля была напоена влагой после сильной грозы, которая прошла с севера на юг, сливаясь своими раскатами грома с грохотом войны. Пилоты в расстегнутых летных куртках и шлемах, прикрепленных к планшетам, направились к самолетам. Видимость по вертикали была хорошей, а вот по горизонтали видимость ухудшалась из-за огромной завесы дыма, пыли и тумана, окутавшей город.

— Как отдыхалось этой ночью? — спросил комиссар Башкиров у Бонильи, перед тем как разойтись по машинам.

— Хорошо, хорошо!.. За меня не беспокойтесь, товарищ капитан. Я не подведу!

— В этом я не сомневаюсь. Следи внимательно за воздухом.

— Все будет в порядке!..

Взлет производят в сторону фронта. По летному полю гуляет ветер, неся с собой едкий дым от тысяч пожаров, больших и малых. От этого дыма першит в горле и на глаза навертываются слезы.

Поднимаются в воздух парами. Сначала Капустин — Паскуаль, а затем, с минутным интервалом, Башкиров — а Бонилья. Два других самолета остаются на земле. Сидящие в их

кабинах пилоты пристально следят за изменениями в обстановке.

Курс — на юго-запад. Четыре «яка» быстро теряются в дымной завесе. Вскоре оттуда слышится характерное «лаяние» зениток.

— Тридцать пятый!.. Тридцать пятый!.. Воздух! — предупреждает Паскуаль.

— Их вижу! — отвечает Башкиров и направляет свой истребитель в сторону противника, но тот поспешно уходит на северо-запад.

Первая пара наших истребителей понемногу делает поворот левым крылом. Стрелка компаса указывает прямо на юг и замирает. Самолеты продолжают полет по прямой. Фашистские зенитки не заставляют себя долго ждать — неподалеку от «яков» взрываются четыре снаряда. Сверху особенно хорошо видно, какие идут интенсивные бои. Майор Капустин красным карандашом наносит на карту позиции противника возле Самофаловки, Калача, на пересечении дороги, у излучины реки, отмечает танковые колонны на марше.

— Воздух! Воздух! — то и дело раздается в наушниках. Это передают наземные наблюдательные пункты: — Высота тысяча пятьсот, двадцать «юнкерсов», шесть «мессершмиттов», курсом на северо-восток.

Два «мессера», покинув места прикрытия бомбардировщиков, направляют свои тонкие длинные носы в сторону машин Капустина и Паскуаля. Увеличивая скорость и быстро сокращая расстояние, они нападают сверху. В этот момент Башкиров и Бонилья бросают в их сторону свои «яки» и выпускают несколько очередей. Пули прошивают зеленоватые фюзеляжи, и через несколько минут свастику на их хвостах окутывает густой дым. От одного из «мессеров» отделяется крупная черная точка, которая вскоре безжизненно повисает в воздухе на парашюте.

— Так держать! — слышит голос Башкирова его напарник.

После нескольких минут полета курсом на юг истребители выходят к Волге, поворачивают на северо-запад, и летчики вдруг видят, как «юнкерсы», заваливаясь на левое крыло, пикируют на пригород Сталинграда, превращая небольшой участок земли в пылающий костер.

«Задача по разведке выполнена, — решает майор Капустин, — теперь можно принять бой». И он направляет свой легкий самолет в сторону врага.

— Атакуем вражеские бомбардировщики! Следить за истребителями фашистов!

Четыре самолета почти вертикально взмывают ввысь, занимая выгодные позиции для атаки. Секунды кажутся часами. Слишком велико желание наказать врага! Пальцы рук будто

застыли на рулях управления и гашетках оружия, с которого сняты предохранители. «Яки» спускаются ниже, где «юнкерсы» готовятся продолжить свою «карусель» для бомбежки. Первые же очереди вызывают панику. Бомбардировщики нарушают строй и беспорядочно сбрасывают бомбы. На землю падают и две вражеские машины.

Сверху — четыре немецких истребителя. Капустин и Паскуаль спешат «поднять» свои самолеты в высоту, и как можно скорее. Перекрещиваются очереди трассирующих пуль, и со встречного курса два самолета (один — наш, другой — противника) резко расходятся. «Мессер» увеличивает угол пикирования до 90 градусов и врезается в землю. «Як» майора Капустина планирует к Волге, перелетает ее, проходит над дорогой в нескольких километрах от города Вольска и летит над степью. Паскуаль прикрывает его. Самолеты Башкирова и Бонильи продолжают схватку с врагом. Козлов и Федоров взлетают им на помощь. Приближается время, когда показатели горючего застынут на нуле. «Як» майора уже планирует, как смертельно раненная птица, жить которой осталось считанные минуты. Самолет преодолевает небольшую возвышенность, похожую на горб верблюда, и по другую ее сторону, когда скорость полета недостаточна, чтобы держаться в воздухе, тяжело падает на землю, поднимая большое облако пыли. Паскуаль делает круг над этим местом. Командир 788-го полка майор Капустин из кабины не показывается…

Вскоре наши ребята добрались до места вынужденной посадки самолета. Вернулись с картой, где красным карандашом были помечены позиции противника… Единственная пуля, попавшая в самолет, смертельно ранила любимого командира. Умирая, он пытался посадить свою машину, спасти ее…

Задача по разведке позиций противника была выполнена, но ценой тяжелой утраты.

Майор Капустин был старым боевым другом испанских летчиков. Они знали его еще в те времена, когда он вместе с ними защищал от фашистов испанскую землю. На следующее утро разгорелся жестокий бой. Самолеты противника непрерывно пытались атаковать позиции наших войск, но каждый раз группа «яков» под командованием капитана Башкирова отражала атаки, бросаясь в неравную схватку с врагом и нанося ему тяжелые потери.

В сталинградском небе атаки шли при предельных нагрузках как для самолетов, так и для летчиков. В одном из таких вылетов капитан Башкиров, вогнав в землю очередного «юнкерса», израсходовал все боеприпасы. Эту, как и другие атаки, прикрывал

Хосе Паскуаль.

— У меня кончились боеприпасы, — передал капитан своему ведомому. Атакуй ты, я прикрою…

Паскуаль понял командира, дал газ и стремительно пошел вперёд. Догнав самолет Башкирова, Хосе поприветствовал капитана, подняв сжатый кулак. Их самолеты теперь шли на одной высоте с врагом — девятью «юнкерсами». Вдруг Хосе Паскуаль бросил свой самолет в крутое пике и через несколько секунд, когда резко возросла скорость, взял ручку управления на себя. «Як» свечой взмыл вверх, прямо под брюхо ведущего «юнкерса». Меткая очередь — и самолет противника превратился в пылающий факел. Другие стервятники, сбросив куда попало бомбы, начали удирать. Так было выполнено еще одно задание.

Когда подлетали к аэродрому, капитан Башкиров показал Паскуалю большой палец: «Отлично, друг!» Хосе поднял сжатый кулак над головой.

Кровопролитные бои велись на всех участках Сталинградского фронта. Повсюду — на земле, в воздухе и на воде — грохотали взрывы, свистели пули. Сверху казалось, будто на земле все перемешалось: и фронт, и тыл превратились в один гигантский костер, извергающий высоко в небо клубы черного дыма.

Капитан Козлов держал связь по радио с летчиками, находившимися в воздухе:

— Внимание!.. Внимание!.. Федоров! Справа — самолеты врага. Атакуй!

Старший лейтенант Федоров направил свой истребитель в сторону «мессеров». Паскуаль и Смирнов повторили его маневр. Командир дал в сторону противника длинную очередь. Немцы не приняли боя и, увеличив скорость, скрылись в дыму в западном направлении. Федоров опять занял свое место в строю прикрытия Пе-2. Когда самолеты оказались над целью, остервенело «залаяли» вражеские зенитки. Но уже туда, где затаился враг, полетели бомбы с пикирующих бомбардировщиков. В это время с южного направления вновь появились истребители противника. На этот раз их было гораздо больше. Соотношение сил оказалось примерно один к десяти в пользу врага.

«Мессеры» нарушили строй, и началась тяжелая, упорная схватка в воздухе. В первый же заход два фашистских самолета не вышли из пике и разбились о высокий берег Волги. Три вражеских истребителя с близкого расстояния атаковали Пе-2, выходивший из пике после бомбометания. Времени для обдумывания маневра не было, и Паскуаль бросил свой самолет наперерез. Быстро возрастала скорость. От перепада давления вот-вот могли

лопнуть барабанные перепонки. И все же нужно было успеть!

Один из «мессеров», получив разящую очередь, выбросил хвост огня. Однако два других фашиста продолжали преследовать наш бомбардировщик. Тот пытался отогнать фашистов огнем своего пулемета. Паскуаль поймал в прицел ближайший «мессер» и нажал гашетки. Длинный язык пламени охватил фашистский самолет от кабины до хвоста. Паскуаль резко взял на себя ручку управления, и самолет вышел из пике и низко пронесся над разрушенными зданиями. Пилот довел скорость до нормальной. В разрывах черного дыма было видно, что делалось на земле: везде валялись трупы и покореженное от огня железо, а между ними ползали стальные громады танков, изрыгая огонь из стволов своих длинных пушек.

Один Пе-2 горел на земле рядом с «мессерами». Еще одного фашиста сбил Смирнов. Паскуаль в тот момент еще не знал, что на сбитом Пе-2 погиб пилот — испанец Ансельмо Серульведа, тот самый, который в Испании летал на бомбардировщиках советского производства СБ — на «катюшках», как их ласково звали испанские республиканские летчики. Это был прекрасный пилот, скромный и в то же время очень храбрый человек. Три года он воевал в Испании, сражаясь за Мадрид, Теруэль, Левант и Пальма-де-Майорку. Ансельмо одним из первых закончил летную школу в Кировабаде. Он был влюблен в Клариту переводчицу испанского языка, но у него так и не хватило смелости объясниться…

В этом бою противник потерял пять самолетов. Посла боя «яки» приземлились на поле, изрытом воронками от взрывов. Пилотам пришлось проявить максимум мастерства, чтобы посадить на такое поле самолеты: горючее было на исходе. Все самолеты получили множество повреждений. Эти машины теперь передадут в руки механикам, и те начнут их «штопать».

— Отлично, Паскуаль! Вот так и нужно драться в воздухе! — сказал комиссар Башкиров, положив ему руку на плечо.

— Мы, испанцы, хотим всегда так биться и всегда быть там, где кипит настоящий бой!

— По-моему, на этот раз так оно и было!

В течение нескольких дней на этом участке фронта сложилась тяжелая, тревожная обстановка, Противник безуспешно пытался сломить сопротивление соединений Красной Армии. Бои в воздухе отличались тоже небывалым напряжением. Хосе Паскуаль Сантамария и Доминго Бонилья, крыло к крылу со своими советскими друзьями, продолжали сражаться в сталинградском небе. С каждым разом противник бросал в бой все большее число своих самолетов, и наши потери росли. В эти

дни нам пришлось пережить одну из самых тяжелых утрат…

Для пилотов день начался еще задолго до рассвета. Когда над горизонтом появился красный диск солнца, пилоты уже сидели в своих кабинах, подняв очки на лоб. В эскадрилье осталось только пятеро летчиков, и им приходилось сражаться с врагом, во много раз превосходившим их в численности.

— Серов! Посмотри, какое сегодня красивое солнце! — сказал капитан Козлов, обращаясь к Хосе Паскуалю. Серовым он звал его в память советского летчика, защищавшего Мадрид в те трудные ноябрьские дни 1936 года, когда Франко любой ценой хотел взять испанскую столицу. А вот сегодня Хосе Паскуаль вносил свой вклад в защиту Сталинграда.

— Это хороший признак, — ответил Хосе. — Даже солнце с нами. Оно красное, как наше знамя!

Весь этот день пять самолетов почти непрерывно были в воздухе. Приземлялись лишь для того, чтобы заправиться горючим и пополнить боеприпасы. И опять в воздух! И снова тяжелый бой то с истребителями, то с бомбардировщиками противника. Не было времени даже для того, чтобы спокойно поесть.

…Дежурный, внимательно осмотревшись, энергично взмахнул белым флажком, указывая направление взлета. Пилоты подняли руки вверх, докладывая командиру о готовности.

Сегодня в воздухе командовал комиссар Башкиров. В полете были Козлов, Паскуаль, Федоров, Бонилья. Поднялись в воздух в сторону Волги, а затем, набрав высоту две тысячи метров, пошли к цели. На этот раз они прикрывали пехоту. Навстречу самолетам с севера ползли серые низкие облака. Ночью прошел дождь, и теперь над Волгой поднимался легкий туман, будто белым шелком прикрывая воды реки.

Пилоты начали поиск противника. Набрав высоту, капитан Башкиров изменил курс на 180 градусов. Пролетая над вражескими окопами, пилоты заметили, что с земли их начали обстреливать. Изменили курс на 10 градусов к северу, и тут же Федоров начал легонько раскачивать свой самолет. Капитан Башкиров тоже заметил противника и приказал:

— С запада, на той же высоте, идут три эскадрильи «юнкерсов», а выше них — «мессеры». Атакуем бомбардировщики!

Пилоты знали: необходимо избежать того, чтобы бомбы упали на наши позиции. Задача была предельно ясной — атаковать бомбардировщики и самим избежать атаки вражеских истребителей. Оставались считанные секунды. Сорок фашистских самолетов не ожидали такой дерзости, такой отваги от пяти «яков». Однако послышались первые очереди, и трассирующие

пули настигли первое звено вражеских машин.

Два «юнкерса» протянули огромные черные хвосты до самого берега Волги. Сверху казалось, что пылают не только самолеты, упавшие на землю, но и вода вокруг них. Остальные фашистские бомбардировщики, сломав строй, начали неприцельно сбрасывать свой груз. Бонилья и Федоров завязали бой с вражескими истребителями, не давая им прийти на помощь своим. Башкиров, Паскуаль и Козлов продолжали отважно атаковать «юнкерсы», преследуя их до самой земли. В небе замелькали раскрытые парашюты, на земле загорелись огромные дымные костры из сбитых самолетов.

Капитан Башкиров сделал глубокий вираж. «Як» послушно выполнил задуманный маневр, но на выходе из него два «мессера» подожгли самолет комиссара. Несколько пуль из перекрестных очередей попало в кабину Башкирова. «Як» Башкирова заметался из стороны в сторону, потерял управление, и через несколько мгновений капитан Башкиров выпрыгнул из самолета с парашютом. Недалеко от земли парашют раскрылся. Хосе с облегчением вздохнул и сделал два виража вокруг парашюта комиссара, отгоняя от него «мессеров», пытавшихся расстрелять спускавшегося на парашюте летчика.

— Канальи! Варвары! — кричал Хосе, ударяя кулаком по борту своего самолета. Увидев, что комиссар благополучно приземлился, Хосе резко набрал высоту, решив отомстить за сбитый самолет комиссара.

На высоте три тысячи метров довольно беспечно летели пять «мессеров». Отважный и дерзкий Паскуаль стал преследовать врага. Немцы сначала не верили, что один «як» попытается атаковать их, пятерых. Однако вскоре им пришлось в этом убедиться, так как первой же очередью Паскуаль послал одного из фашистов на землю. «Двенадцатый на моем счету! — подумал Паскуаль. — Еще одним фашистом стало меньше!»

Теперь было четверо против одного. Паскуаль снова ринулся в атаку и, прежде чем фашисты успели опомниться, сбил еще один самолет противника. Тринадцать на счету!

Оставшиеся трое, намереваясь уйти на свою территорию, построились «каруселью». Окрыленный успехом, Паскуаль принял вызов и включился в горизонтальную «карусель». Паскуалю удалось поразить очередью третий «мессер», и тот в смертельном пике падает к земле. И в этот момент пули настигают «як». Из горящего самолета весь в пламени вываливается Хосе Паскуаль. Его парашют так и не раскрылся.

Невозможно забыть его героизм, невозможно подумать, что Хосе Паскуаль погиб. Трудно поверить в смерть товарища,

друга…

Работая на автозаводе в Москве, Хосе Паскуаль был образцовым в труде. Один из первых летчиков в Испании, он погиб героем, сражаясь за Сталинград. И кровь его пролита не даром, она еще больше скрепила узы священной дружбы между нашими народами!

Хосе Паскуаль Сантамария был посмертно награжден орденом Ленина. Свою молодость, свою жизнь, свои высокие чувства патриота и интернационалиста он без колебаний отдал святому делу борьбы с ненавистным фашизмом, за свободу и счастье людей. Он был коммунистом.

К концу дня, когда погиб Хосе, на счету у эскадрильи было 30 сбитых в небе Сталинграда фашистских самолетов!

* * *

Паскуаль давно мечтал приехать в СССР. Он был счастлив, когда нас вызволили из лагеря во Франции и направили в СССР.

Из Франции плыли на советском пароходе «Мария Ульянова». За период плавания немного отдохнули, далеко позади остались все ужасы лагеря для интернированных испанских республиканцев во Франции.

В Советском Союзе нас поместили в санаторий. Проходили дни за днями, постепенно отодвигая на второй план войну, воздушные тревоги, голод, болезни и ранения, которые мы получали в воздушных сражениях. Мы начинали новую жизнь среди друзей — советских людей.

Помню, мы, как всегда, вместе вышли из кино, Большинство из нас были авиаторы.

Шедший впереди нас Исидоро повернулся к нам и сказал:

— Слышали, к нам должны приехать представители советских профсоюзов?

— Да, а зачем?

— Кто-то мне говорил, что они привезут списки, в которых указано, где кто из нас будет работать.

— Вот и хорошо! Куда направят, там и будем работать! — заметил Браво.

После месячного прекрасного отдыха в санатории под Харьковом нас группами направляли на работу на различные предприятия Москвы и Харькова, Одессы и Тбилиси.

Через два дня после встречи с представителями профсоюзов мы выехали по месту назначения. Ранним июньским утром 1939 года мы покинули гостеприимный санаторий. Ветерок играл в

густой листве белоствольных берез, росших по обе стороны дороги.

Через несколько дней после прибытия нашей группы в Москву начались занятия по русскому языку. Пока на занятиях присутствовали не все. Некоторые надеялись научиться говорить по-русски на практике — на работе, на улице, в магазинах. Однако они глубоко заблуждались. Необходимы были регулярные занятия. Многие звуки в русском языке, например «ж» и «з», нам, особенно андалузцам, давались с большим трудом.

Наша учительница Мария Ивановна стремилась к тому, чтобы мы не просто заучивали слова, а понимали правила спряжения и склонения, больше запоминали синонимов, так как без их знания мы в разговоре часто попадали впросак.

Сначала мы, «москвичи», работали на конвейере автомобильного завода имени Сталина, затем в цехе по ремонту бракованных моторов.

— Послушай, Ривас! У тебя ведь золотые руки авиамеханика! Изобрети что-нибудь для быстрого извлечения этой проклятой шестеренки из коробки передач! — сказали мы как-то своему земляку-рационализатору.

Через неделю Ривас и в самом деле принес свой «извлекатель» шестеренок. С его помощью мы стали ремонтировать в три раза больше моторов, чем раньше.

На четвертый день нашей работы по-новому в цехе появилась делегация: начальник цеха товарищ Твердохлебов, главный механик товарищ Мамедов, представитель местного комитета профсоюза, фотограф, инженер-экономист и девушка из отдела технического контроля.

Товарищ Твердохлебов сказал:

— Поздравляем вас с успехом! — И крепко пожал всем руки.

— Большое спасибо! Большое спасибо!

— Встаньте, пожалуйста, вот сюда, чтобы в глубине были видны моторы…

Нас сфотографировали: несколько раз всю группу и отдельно Риваса с его «извлекателем».

В обеденный перерыв мы гурьбой направились в столовую, довольные своими трудовыми успехами.

— Что будем сегодня есть? Надо же отметить наш успех!

— Возьмем все самое лучшее.

Пока другие готовили столовые приборы, я просмотрел меню. И вот оно наказание за плохую учебу на курсах русского языка!

— Знаете, — сказал я остальным, — что сегодня будем есть? «Голубцы»! Видите? Жареные «голубцы» с подливкой и рисом.

— Давай, иди заказывай жареных голубей по две порции на

каждого и пиво.

— В столовой не продают пиво, здесь есть квас.

— А что это?

— Что-то похожее на кока-колу, немного ударяет в голову, если голова, конечно, слабая.

— Давай квас!

Через несколько минут девушка-официантка поставила вам на стол наши голубцы.

— Послушай, девушка, я заказывал в соусе «голубцы» жареные!

— Да, это и есть то самое!

Вся наша компания с удивлением и возмущением взглянула на меня.

— Братцы! Вы уж меня извините! Я ведь не знал, что «голубцы» — это не жареные голуби, а листья капусты с начинкой. Может, внутри там кусочки жареных голубей, а? Давайте попробуем, а?

И все с удовольствием съели по две порции «голубцов». Затем мы вернулись в цех.

Настроение у нас еще больше поднялось, когда мы узнали, что Ривас за свое изобретение получит премию, а фотографии остальных, как передовиков труда, будут вывешены на Доске почета. Работая вместе с советскими людьми, мы старались внести и свой посильный вклад в их созидательный труд и в эти дни почувствовали себя по-настоящему счастливыми.

Вместе с нами в то время работал и Хосе Паскуаль Сантамария.

На Курской дуге

Под лучами апрельского солнца снег стал рыхлым. Подтаивая на крышах землянок, оставленных немцами у границ аэродрома, он превращается в крупные капли. Чистые, прозрачные, как слезы, они стекают на землю, образуя маленькие лужи, и отсюда тысячами ручейков теряются под снегом.

Этих землянок около двадцати, но они пока не могут служить жильем. Ко многим из них опасно даже приближаться — почти на каждой двери висит лаконичная, но грозная табличка: «Заминировано».

Эскадрилья имени Александра Чекалина во главе со своим командиром капитаном Беловым поздно вечером приземлилась на этом аэродроме. Взошедшая луна призрачным светом озаряла местность. На холодное небо временами наплывали тяжелые тучи, и тогда нам за воротники попадали крупные холодные капли дождя, заставляя нас ежиться.

Идем друг за другом, все десять пилотов. Наши самолеты стоят на краю поля под охраной часовых. Пока еще нет горючего. Ночью должны прибыть цистерны, механики, оружейники и повара.

— Осторожнее! Куда буду ставить ноги я, туда ставьте и вы, — говорит нам капитан Белов, — На этом поле могут быть и сюрпризы.

— Да, у немцев много всяких мин, — продолжает комиссар эскадрильи Михайлов. — Например, мины «лягушки». Когда до них дотрагиваешься, они подпрыгивают и взрываются. Любая проволока, торчащая из снега, может вести к взрывному устройству.

И действительно, на поле валяются обрывки колючей проволоки, железные каски и подбитые, опаленные огнем пушки, разбросаны снаряды разных калибров. И множество трупов: одни совсем присыпаны снегом, другие торчат из него в самых невероятных позах.

— Вот, посмотрите на этого фрица, — говорит Михайлов. — Похоже, он хотел что-то схватить руками, когда его настигла смерть.

— А тот, смотри, который рядом с тобой!

— Никто их не звал сюда. Каждый получил по заслугам!

Немного дальше видим немецкий самолет «Хейнкель-111». Он как бы приготовился к взлету. Рядом с ним — целый штабель из авиационных бомб. Неподалеку пятиэтажный дом с той же предупреждающей надписью на двери.

Идем дальше, след в след. Подходим к одной из землянок. Здесь взорвана дверь.

— Кто-то, возможно, пожертвовал своей жизнью, чтобы мы могли здесь укрыться, — говорит капитан Белов. — Здесь и переночуем.

— Вот и хорошо, — пытается пошутить Бельтран, — по крайней мере, не нужно заводить будильник.

Влезаем в землянку, как в нору. В тот же момент начинается снег с дождем, и крыша нас не спасает. Едим сухари, потом собираем свои кожанки и укрываемся ими. Засыпаем быстро — усталость берет свое.

Просыпаемся рано утром. Нас приветствуют золотые лучи солнца. Утренняя прохлада пробирает нас до костей. Мы идем к машинам — длинные тени сопровождают нас.

Сразу же начинаются патрульные полеты. Одни самолеты находятся на земле, другие в воздухе — парами. Двое поднимаются в воздух, двое приземляются, остальные летчики дежурят в кабинах. Приземляясь, приходится быть очень внимательным, чтобы не отклониться от проверенной полосы, иначе можно наскочить на мину.

Саперы весь день обезвреживают мины. Летчики, свободные от полетов, направляются осматривать «Хейнкель-111». В его кабине ничего не повреждено, даже часы на приборной доске. Мы беззаботно взбираемся на крыло, осматривая «неуязвимые» места самолета, и вдруг замечаем, что на одном из пропеллеров висит бумажка с надписью: «Заминирован». Мгновенно спрыгиваем на землю и, затаив дыхание, идем подальше от самолета. Примерно через час раздался сильный взрыв. Взбудораженные птицы поднялись в небо. Волна горячего воздуха ударила нам в лица. Смотрим в сторону взрыва и видим, как на землю падают обломки самолета, который мы только недавно осматривали.

Все пилоты горят желанием поскорее встретиться в воздухе с врагом, особенно теперь, когда в наше распоряжение поступили такие превосходные самолеты. Противник совсем близко. Артиллерийская канонада слышна совершенно отчетливо, хотя на фронте сравнительное затишье. Бои идут под Курском.

Ранним утром, когда мы только заняли места в кабинах самолетов, над высокими соснами, растущими на западном берегу Сейма, появляются четыре «мессершмитта». Утреннее солнце играет лучами на их белых алюминиевых боках.

— Дежурной паре на взлет, — передают по телефону из штаба полка. Тотчас же загудели запущенные моторы двух Ла-5. В их кабинах — лейтенант Висенте Бельтран и сержант Михаил Михайлов. Самолеты взмывают вверх и быстро набирают высоту.

Другие летчики остаются на земле в готовности: они ждут сигнала ракеты. При встрече с парой наших истребителей «мессеры» не принимают бой и берут курс на Орел.

— Вот как! — говорю капитану. Белову. Его машина находится рядом с моей. На фюзеляжах наших машин красными буквами написано: «Александр Чекалин». — Смотри, какими осторожными стали фашисты!

— Да, поджали хвост… — отвечает тот. — Они ведь привыкли быть в большинстве: пятеро против одного. А здесь наших — пара. Вот их четверка и сдрейфила — не захотели принять бой.

— Может быть, они ищут более подходящий момент?

— Нет, не похоже. Они уже знакомы с «лавочкиными».

— Неплохо было бы иметь тогда, в Испании, хоть один такой самолет!

Не успеваю докончить фразу, как над летным полем описывает дымную параболу ракета. Взлетаем парами, набираем высоту. Две эскадрильи «юнкерсов» проходят выше нас и сбрасывают бомбы на аэродром. Мы идем за ними в сторону железнодорожной станции Щигры. Противник, обнаружив нас в воздухе, увеличивает скорость.

Мы уже почти набрали высоту и подходили к вражеским бомбардировщикам, когда капитан Белов вдруг передал по радио:

— Восемьдесят восьмой! Слева — пять «мессеров». Задержи их, а мы атакуем «юнкерсы»!

Повинуясь моим действиям, Ла-5 легко взмывает вверх, не теряя при этом скорости. Смотрю назад: идет ли за мной Васин? Да, он повторяет маневр. Для него это первая встреча с врагом в воздухе. Снимаю с 20-миллиметровой пушки и двух 12-миллиметровых пулеметов предохранители. «Мессеры» все еще далеко и выше нас, но вижу, что мы уже обнаружены и что гитлеровцы намереваются зайти со стороны солнца для атаки нашей пары.

«На этот раз просчитаетесь, фашистская сволочь! — мысленно говорю я. Мне ваша тактика давно знакома».

Главное теперь, чтобы Васин не отстал при маневре. Нужно все рассчитать точно и дать ему возможность сохранить нужную дистанцию. У меня нет времени, чтобы подать Васину команду по радио, а впрочем, он может и не услышать меня. Лучше воспользоваться «сигнальной азбукой» летчиков. Делаю ему знак покачиванием крыла! «Внимание, подойди». Даю полный газ и в глубоком вираже иду под «мессера». Ла-5 будто ждал этого. Он быстро и легко повинуется моим приказам. На половине виража с трудом поворачиваю голову. Великолепно! Васин висит у меня на

хвосте. Знаю, что он сейчас ничего не видит, даже меня, поэтому жду момента, когда он снова сможет меня видеть, чтобы изменить направление. Начинаю это делать, и «86-й» повторяет мой маневр. Превосходно, Васин! Выходим на расстояние 500–600 метров от фашистов. Пока еще рано вести пулеметный огонь по врагу. Мне нравится открывать огонь, когда уже начинаешь различать голову противника за откидным колпаком. Васин находится рядом со мной и повторяет мои движения. Расстояние до «мессеров» быстро сокращается. Впереди идущий «мессер», кажемся, потерял нас из виду и вертится из стороны в сторону, пытаясь обнаружить «лавочкина» внизу. И тут в нашу сторону несутся трассирующие очереди, но они проходят высоко над нами. Слежу за ними, готовясь к боевому виражу, но вражеские летчики один за другим пикируют вниз, оставляя за собой белый инверсионный след, и пропадают на фоне разноцветных полей. Еще несколько секунд — и преследовать их уже будет поздно. Если же броситься за ними вслед, не исключено, что кто-то из фашистов остался наверху и обрушится на нас, как снег на голову. Этот прием нам тоже знаком. Я резко поворачиваю голову на случай, если Васин тоже пикировал. Но нет, Васин рядом со мной. Он смеется. Как же: пятеро убежали от двоих!

Идем в направлении станции Щигры. Уже все кончено: бомбы немцы сбросили далеко от станции, в цель они не попали. Наша эскадрилья открыла счет: сбит первый «юнкерс». Приземлившись, слушаем Белова и Бельтрана. Они возбужденно рассказывают о том, как сбили вражеский бомбардировщик. Мы с Васиным жалеем, что так и не открыли огонь, но утешаем себя тем, что свою задачу выполнили.

Узнаем печальную весть: одна из бомб, сброшенных с вражеского самолета, попала в грузовик, который водила наша знакомая девушка Катя. Она хотела отогнать машину в более безопасное место и погибла за рулем.

— Бедная девушка! Вот не судьба!..

Наш аэродром понемногу обживается. Снег сошел. Повсеместно уже сняли угрожающие надписи: «Заминировано». Правда, однажды взорвался штабель из немецких бомб, но жертв не было. По шоссейным и особенно железным дорогам учащаются переброски войск и техники к фронту. Мы знаем, что готовятся решающие бои под Курском.

На аэродроме базируются теперь еще три эскадрильи истребителей и одна пикирующих бомбардировщиков Пе-2. Всего около 50 машин. Здесь на одном аэродроме находится столько самолетов, сколько было всего к концу войны на стороне республиканской Испании. Испытываешь огромную радость при

виде такого количества самолетов на поле.

Продолжаем патрульные полеты. Пока — небольшие стычки с врагом, серьезных встреч еще нет. Вчера вечером, когда солнце только что скрылось за горизонтом и на небе начали загораться первые звезды, был сбит еще один «Юнкерс-88».

А все было так. В небе послышалось характерное звучание мотора фашистского самолета. С нашего аэродрома сразу же поднялись два самолета. В полете командир эскадрильи и я. Вражеский самолет низко идет в разведывательном полете и, заметив нас, издалека посылает в нашу сторону пулеметную очередь из задней турели. Ясно — чтобы запугать нас.

Фашист забыл, что мы давно излечились от страха.

Мы даем ему понять, что не хотим вступать в бой и, выпустив очередь перед носом самолета противника, покачиваем крыльями, предлагая ему сесть на наш аэродром. Однако фашист не хочет воспользоваться нашим предложением и начинает отстреливаться. «Что за идиот?! Придется отправить его к праотцам!..»

Фашистский самолет прорывается на запад, почти касаясь вершин высоких сосен. Берем его на прицел и посылаем две длинные очереди: самолет повернул нос к земле и рухнул на невспаханное поле.

Приземляемся почти в сумерках. За ужином получаем по двести граммов водки.

— Ты, кажется, испанец? — спрашивает меня командир эскадрильи «яков» капитан Гурбапов.

— Да, друг, испанец!

— Я раньше думал, что ты грузин. Похож на них. В моей эскадрилье тоже есть испанец, но он по-русски говорит лучше меня.

— Как! Испанец? — вскакивает с моста Бельтран. Он все еще надеется встретить своего друга Бласа Паредеса, который тоже летает где-то на этом участке фронта. — А как его зовут?

— Да я вам его сейчас покажу. Он должен быть где-то в столовой… Антонио! Антонио! Иди сюда, здесь тоже испанские летчики!

— Урибе! — говорит подошедший к нам летчик и протягивает руку.

— Подожди, подожди! Ты не брат Висенте Урибе, министра в республиканском правительстве?

— Да, брат.

— А когда же ты стал пилотом? Мы три года воевали в Испании и каждого пилота знаем, как родного брата. Впрочем, сколько тебе лет?

— Девятнадцать!

— А!.. Ты, наверное, из тех ребятишек, которых вывезли из Испании в СССР?

— Да. Я приехал в Ленинград в 1937 году, потом был в детском доме в Ростове, а потом учился на летчика…

— Да? И много среди вас было таких, кто захотел стать летчиком?

— На курсах нас училось девять человек, и среди них был Рубен Руис Ибаррури…

— Разве сын Долорес был летчиком?

— Нет, медицинская комиссия его забраковала, и он стал артиллеристом. Может, слышали, он погиб под Сталинградом?

— Да, читали в газетах.

— А кто были остальные?

— Игнасио Агиррегоикоа, Хосе Луис Ларраньяга, Эухенио Прието, Луис Лавин, Рамон Сианка, Томас Суарес, Антонио Лекумберри и я.

— А где вы учились на курсах?

— Сначала в Москве. Все лето 1940-го и зиму 1941-го учились в аэроклубе Пролетарского района. Там мы изучали У-2, а затем по приказу Ворошилова были направлены в летное училище в Борисоглебск…

— А на каких самолетах летали потом?

— До начала войны летали на У-2, затем нас готовили к полетам на И-15. Когда приблизился фронт — это было в августе, — мы на И-16 совершали боевые вылеты. Затем школу эвакуировали в Троицк, около Челябинска. В ноябре, когда окончили курсы, мы уже летали на «яках» и Ла-5, и нас группами по два-три человека распределили по частям. В этом полку вместе со мной летает Эухенио Прието. Мы входили в состав 36-й авиационно-истребительной дивизии.

Мы с Висенте Бельтраном хотели еще о многом поговорить с Антонио Урибе, но время уже было позднее.

— Ну что ж, друг, удачи тебе в бою! — сказал ему на прощанье Бельтран.

На следующее утро небо затянули плотные серые тучи. Дул порывистый ветер. Временами налетал дождь. Крупные тяжелые капли громко барабанили по плоскостям самолета, взлетной полосе и крышам землянок. Кусты по краям взлетного поля за одну ночь из темных стали светло-зелеными.

На этот раз мы сверху прикрываем «летающие танки» — штурмовики Ил-2. Затем сопровождаем экипаж Пе-2, который летит на разведку в оперативный тыл противника. Вечером патрулируем над железнодорожными переездами.

Вражеская авиация действует все активнее и с каждым днем наглеет. Над нами все время летают «мессеры», и, кажется, одни и те же. Однако, когда дежурная пара самолетов устремляется в их сторону, они исчезают в западном направлении. Видимо, хотят держать нас в постоянном напряжении. И эти пятьдесят минут дежурства на земле кажутся самыми худшими. Ты сидишь в кабине с надетым парашютом, рука лежит на секторе газа, а нервы натянуты как струны. Все время ждешь, не вспыхнет ли сигнальная ракета, не послышится ли гул моторов вражеских самолетов или свист бомб…

— Дай мне твой самолет. Я слетаю в Воронеж за резиной, — сказал мне капитан Белов, когда мы приземлились после очередного патрульного полета.

— Мой самолет? Разве ты не можешь лететь на своем?

— Пока я слетаю, ты подежуришь на моем. В эти часы фашисты не летают обедают, а я скоро вернусь.

— Помни, что этот самолет мне передали комсомольцы Тулы. Не поломай! Ясно?

Когда капитан Белов поднимается в воздух на моем самолете, мне становится как-то не по себе. Со смешанным чувством угрызений совести и досады слежу за взлетом и набором высоты — до тех пор, пока не теряю его из виду за далеким горизонтом. Смотрю на часы, чтобы запомнить время расставания со своим самолетом.

Сейчас мы вдвоем с Васиным дежурим на земле. Бельтран и Михайлов находятся в воздухе. Подгоняю привязные ремни на самолете командира эскадрильи, пробую мотор.

— Еще час, — сказал я Васину, — и все пойдут обедать. Потом и мы спокойно поедим, а к тому времени вернется капитан Белов. Откровенно говоря, я не люблю летать на чужом самолете.

В это время на горизонте появляется множество черных точек. Они быстро растут в размерах и скоро приобретают знакомые очертания, наполняя гулом окрестности.

Смолкает щебет птиц: они поспешно улетают в лес. Настойчиво звонит полевой телефон, стоящий на земле, под правой плоскостью самолета. Однако у меня нет времени взять трубку. Запускаем моторы. Даю рукой сигнал Васину, и мы почти одновременно взлетаем в сторону, противоположную той, откуда приближается противник.

Между нами и фашистами — железнодорожная станция Курск. Наша задача прикрыть эту станцию. Включаю радио, снимаю пулеметы и пушки с предохранителя. Смотрю на своего ведомого: он находится сзади и немного ниже.

— Ближе, Васин! Еще ближе!.. Наблюдай за небом справа!..

Сверху идут пять «мессеров» — прикрытие, а впереди — множество «юнкерсов»… Атакуем бомбардировщики!..

Рассчитываю дистанцию. Скорость Ла-5 достигает более шестисот километров в час. Уже видна фашистская свастика на самолетах. Идут группами по три. Пилоты «мессеров», понимая, что мы собираемся атаковать бомбардировщики, пытаются преградить нам путь и уже издали открывают огонь из пушек. Снаряды проходят выше нас. Направляю свой «лавочкин» наперерез вражескому истребителю и, когда тот проносится мимо, делаю глубокий вираж и меняю курс. Чудовищная центробежная сила прижимает меня к сиденью, на секунду темнеет в глазах. Беру вправо, чтобы остаться лоб в лоб с первым «юнкерсом». На какое-то мгновенье поворачиваю голову: Васин идет сзади очень близко, а «мессеры» вновь собираются свалиться на нас сверху.

— Еще есть время! — кричу Васину.

Беру на прицел «юнкерс» и нажимаю на гашетки:

— Вот тебе, гад! За Катю, за Москву, за Испанию, за Чекалина!

Попадание точное. Самолет загорается, оставляя за собой шлейф черного дыма. Еще немного — и дым разрезают купола парашютов экипажа вражеского самолета. Краем глаза вижу справа белый след от очереди Васина. Он тоже попадает в цель: сбит еще один самолет!

— Так, Васин! Так! Лучше бей их с близкого расстояния, чтобы не промахнуться.

Вражеские самолеты нарушают строй. Одни из них поворачивают назад, куда попало сбрасывая бомбы; другие же продолжают идти прежним курсом — к железнодорожной станции. Мы концентрируем внимание на них. Стреляем, не прицеливаясь: противник совсем близко. В то же время стараемся избегать атак вражеских истребителей. Выходя из боевого разворота, Васин оказывается между двумя немецкими истребителями. Все трое будто зависают в воздухе. Резко поднимаю свой «лавочкин» и посылаю длинную очередь. Пилоты «мессеров» бросают свои самолеты в разные стороны. Пытаюсь нагнать немца, что ближе всех к Васину. Делаю это, не переставая стрелять. В эти мгновения кабина моего самолета наполняется необычными звуками: это со всех сторон ее прошивают вражеские пули. Пытаюсь нажать ногой на левую педаль — не подчиняется. Осмотреть кабину мешает дым. Вижу, что из ноги ниже колена течет кровь, вырван большой лоскут комбинезона. В то же время ощущаю резкую грызущую боль в правой руке. Выключаю зажигание и пытаюсь пойти на снижение, но рули не слушаются.

Значит, выведено из строя все управление самолетом. Остается одно средство — парашют.

Подбитый самолет, теперь уже с неработающим мотором, теряет высоту, скользя на левое крыло. Открываю застежки и откидываю привязные ремни, беру в правую руку кольцо парашюта и, волоча перебитую ногу, делаю нечеловеческие усилия, чтобы перевалиться через борт самолета. В то же мгновение от сильного удара в грудь теряю сознание. Когда открываю глаза и смотрю вверх, бой еще продолжается. Земля приближается, и я с трудом перевожу дыхание, готовясь приземлиться на здоровую ногу. Сильный удар о землю — и я снова теряю сознание…

Лейтенант и два бойца внимательно смотрят на меня. В их глазах вижу подозрение: вероятно, они принимают меня за фашиста. «Что им сказать? По-русски говорю плохо, но молчать еще хуже…»

И тут меня неожиданно осенило: ругнуться по-русски и покрепче!

Я никогда раньше не ругался по-русски. Ругательство я произнес, может быть, не очень ясно, но оно произвело свой магический эффект.

— Так это наш! — воскликнул один из бойцов. — Посмотри документы! — сказал лейтенант, — Поищи в карманах.

Через минуту меня положили на шелк парашюта. Разжав мне зубы, один из бойцов влил мне в рот немного водки из фляжки.

Меня доставили на аэродром. На другой день комиссар полка капитан Павлов принес мне газету из Курска. На первой полосе я прочитал: «Вчера большое число фашистских самолетов пытались бомбить город Курск и его железнодорожную станцию. Наши истребители вступили в бой. Противник потерял шесть самолетов; наши потери — два самолета…»

— Васин?.. Васина тоже сбили?

— Да, его самолет упал недалеко от города. Он не смог воспользоваться парашютом.

Сердце у меня сжалось: «Бедняга Васин!.. Он был хорошим пилотом и отличным другом!..»

* * *

Снова в Москве. У меня сломаны три ребра, одна пуля — в левой ноге, другая — в правой руке, перебита правая нога. В таком состоянии я поступил в Институт авиационной медицины ВВС Красной Армии. В моей палате лежали летчик-испытатель

Петр Михайлович Стефановский и Коля, тоже пилот (не помню его фамилии). Состояние Коли было очень тяжелым, и почти все время сестра находилась у его кровати. За время пребывания в госпитале я основательно расширил свои познания в русском языке, общаясь с ранеными, сестрами, санитарами, врачами. Я начал распознавать некоторые тонкости современной русской речи. В первую очередь меня обучили наиболее ходовым выражениям, которые я не мог обнаружить в последующем ни в одном словаре…

Четыре месяца пролежал я в госпитале. В это время я получил печальную весть о гибели Антонио Урибе в боях на Курской дуге. Накануне своей гибели Антонио сбил два немецких самолета, а когда он прикрывал Ил-2, вражеский зенитный снаряд попал в его самолет. Немного позже был сбит Эухенио Прието при форсировании Днепра. Его самолет шел над Киевом, когда осколок зенитного снаряда попал в мотор. Эухенио убрал газ и начал планировать к своим, находившимся на другом берегу реки. Оставалось несколько метров, чтобы пройти высокий правый берег, но самолет задел за деревья, росшие на берегу. Ударившись о деревья, его машина развалилась на куски. Придя в сознание, летчик увидел себя среди немцев. В течение нескольких дней они пытались заставить его назвать свою национальность, но добиться этого не смогли.

— Завтра тебя расстреляют! — с помощью знаков объяснил ему немец-часовой.

Эухенио Прието сделал вид, будто у него болит живот, и несколько раз подряд попросился в уборную. Немецкий солдат его сопровождал. Убедившись в том, что пленный летчик едва ходит, он стал отпускать его в уборную одного, на что тот и рассчитывал. Эухенио выломал в уборной две доски и огородами убежал в лес. После долгих блужданий летчик вышел к избушке лесника. В хате, куда он зашел, был один старик. Тот сначала принял его настороженно, думая, что он — провокатор. Эухенио рассказал, что он испанец и сражается на стороне Красной Армии. Это, видимо, убедило старика. Он спрятал его в дальнем углу заброшенного сарая, засыпав сухим навозом. Немцы повсюду искали летчика, но безрезультатно. У лесника он и скрывался до прихода Красной Армии. В дальнейшем за подвиги в боях Эухенио был награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды.

Историю с Антонио мне рассказал Исаис Альбистеги. Исаиса еще ребенком привезли в СССР. Став взрослым, он окончил летные курсы и летал в партизанские зоны, доставляя народным мстителям все необходимое.

Самым тяжелым испытанием в госпитале для меня была медкомиссия. Я, уже умудренный опытом, старательно выполнял все необходимые упражнения. Боль в ноге еще была довольно сильной, но, как мне казалось, я держался на комиссии молодцом. Ни один из врачей ничего «плохого» не сказал, и мне вручили заключение. Читаю: «Годен для полетов, исключая скоростные и высотные самолеты».

В отделе кадров настоятельно прошу направить в свою часть, однако это не помогает. Кадровики хорошо знают пилотов, и никакими просьбами и уговорами их не прошибешь. К тому же в моей характеристике было написано: «Весьма чувствителен к холоду». Так я получаю новое назначение, на должность инструктора по самолетам У-2.

И вот уже мои первые ученики: Бальховский, Капустин, Жаворонков, Смолюк, Перцев. Мне предстоит передать им свой опыт, приобретенный во время боев в Испании, а главным образом — здесь, в СССР.

Во время работы в летной школе встречаюсь с другими испанскими летчиками, обороняющими небо Кавказа. Это были Хосе Сирухеда, Педро Муньос Бермехо, Хосе Гисбер, Хосе Руис, Амадео Трильо, Фернандо Вуенаньо. Они летали на Як-7. Их часть входила в состав 8-го авиационного корпуса.

* * *

Когда я находился в госпитале, к нам поступил однажды еще один раненый. К моему удивлению и радости, им оказался испанец, летчик-истребитель, мой хороший знакомый Хосе Санчес Монтес. Мы вместе с ним воевали в Испании, и вот теперь оба стали участниками Великой Отечественной войны. Его ранило, как и меня, на Курской дуге, только немного позже.

Хосе рассказал мне все, что прочитал в газетах о битве на Курской дуге, а также о тех событиях, очевидцем и участником которых он был.

Хосе хорошо помнил свое детство, мир, в котором он жил, невысокие скалистые горы с округлыми или острыми вершинами. Горы изломанными цепочками тянулись с севера на юг. Лишь кое-где жалкая растительность взбиралась вверх по их склонам. Среди обвалившихся скал и каменного щебня изредка попадались небольшие зеленые лужайки, где Хосе пас своих четырех бодливых, вечно голодных и тощих коз. Он сам доил коз и, если удой был хорошим, продавал молоко, зарабатывая несколько жалких песет. Но это удавалось не каждый день: летом палящее

солнце выжигало траву, и козам нечего было есть.

Хосе в то время знал тетку Пепу, которая всю жизнь занималась стиркой чужого белья. Был знаком с Одноглазым — углежогом в юрах (никто не знал его настоящего имени). Был у него и друг по прозвищу Пинче, который жил со своей семьей в разваливающейся хижине на краю маленького грязного поселка у подножия гор, недалеко от южного побережья Испании на Средиземном море. Пинче погиб, когда недалеко от них проходила линия фронта. Однажды на их улицу залетел шальной артиллерийский снаряд: от его взрыва погиб не только Пинче, но еще и трое ребятишек, игравших вместе с ним.

— Бедные мои друзья! — воскликнул тогда Хосе. — А они-то в чем виноваты? И что они знали об этой войне в Испании? Ничего. Ровным счетом ничего!

Это были тяжелые дни в жизни Хосе. Уже два года, как в Испании шла война с фашистами. И хотя Хосе многого не понимал, он твердо знал, что фашисты — враги его народа. В скором времени его могли призвать на военную службу. Он мечтал стать военным летчиком. Однако сначала ему довелось жениться. Как и в других бедных испанских семьях, у них не было денег, чтобы сыграть свадьбу. Невеста его была слишком юной: в Испании тех времен законы разрешали девушкам выходить замуж в двенадцать лет. Что было делать? И они решили поступить так же, как это делали иногда бедняки, то есть симулировать побег из дому и таким образом избежать расходов на свадьбу.

…Луна своим светом озаряла темное небо. Сквозь разрывы в облаках она хорошо освещала дорогу. В эту ночь Хосе осторожно выбрался из окна своего дома на улицу. В руках у него был большой ломоть хлеба и несколько кусков свинины, завернутых в чистую тряпицу.

Кармела, завернувшись в длинный теплый шерстяной платок, ждала его в кустах у излучины реки. Она так дрожала от страха, что, когда Хосе ее обнял, не смогла произнести ни слова.

— Кармела!.. Кармела!.. — повторял Хосе, обнимая и целуя невесту.

Наконец она справилась со своим волнением и спросила:

— Скажи мне… Что мы будем делать?.. Останемся здесь на всю ночь?

— Нет, конечно! Уйдем отсюда подальше, чтобы нас никто не нашел. Завтра твой отец пойдет нас искать, особенно меня, чтобы отругать как следует… Но через несколько дней… все успокоятся, и мы вернемся домой.

— А куда ты сейчас меня поведешь?

— К родственникам… Идти придется далеко!

Весь остаток ночи они шагали по каменистым пыльным дорогам и тропинкам и лишь к утру пришли к родственникам Хосе. Их встретили приветливо, накормили и предложили отдохнуть.

Прошло несколько дней их первого счастья, и они вернулись домой. Однако через два месяца Хосе призвали в армию. Настал день их расставания.

— Послушай меня, Кармела! Не надо плакать! — говорил Хосе своей молодой жене, обнимая ее в последний раз. — У тебя будет ребенок. Вот, возьми эти деньги. Я их выручил, продав наших коз. Истрать эти деньги на нашего первенца и на себя… Не думай ничего плохого… Я скоро вернусь, буду работать, и опять мы купим коз…

В последний раз он видел Кармелу, когда она стояла посреди двора, прижимая черный платок к глазам. Она говорила:

— Прощай, мой дорогой, береги себя!

— Кармела!.. Береги себя и ребенка!..

Когда солнце опустилось по другую сторону гор, Хосе уже был на станции. Он устроился на пустой тормозной площадке товарного состава, направлявшегося на север, в Мадрид. Волнение сжимало горло. Сквозь пелену слез Хосе смотрел в ту сторону, где осталась его Кармела. Перестукивали на стыках колеса, мелькали поля и железнодорожные станции. Все это понемногу отвлекло его от грустных мыслей.

Кармела, вернувшись в опустевший дом, сначала очень плакала о своем Хосе, но потом заботы о родившемся ребенке понемногу развеяли ее тяжелые думы.

Война часто давала о себе знать. То там то здесь, неподалеку от их поселка, вспыхивали перестрелки, раздавались взрывы снарядов. И тогда Кармела думала: «Бог мой! Война все продолжается… Какое несчастье для нашего народа! Как там мой Хосе?..»

А Хосе, проявив настойчивость и упорство, поступил в летное училище и, успешно закончив его, успел еще до окончания войны сразиться в небе с фашистами.

5 февраля 1939 года Хосе Санчес Монтес вместе с другими испанцами перешел границу Франции и попал в лагерь Сэнт-Сипрейн. В этом лагере Хосе насмотрелся на то, как умирают от голода, холода и болезней.

Однажды один из его товарищей спросил:

— Знаешь последнюю новость?

— Нет! О чем речь?

— Оказывается, можно написать письмо в Испанию… Его перешлют через Красный Крест!

Хосе с трудом добыл огрызок карандаша и клочок чистой бумаги. Все мысли его были с Кармелой: «Дорогая Кармела! Я сейчас во Франции, нахожусь в лагере под стражей. Не знаю, получите ли вы мое письмо… Кармела! Береги нашего ребенка, которого я еще не видел, и даже не знаю, как его назвали. Хочу верить, что мы все-таки встретимся с тобой и сможем счастливо зажить вместе. Здесь у нас каждый день возникают все новые и новые слухи: одни говорят, будто нас вернут в Испанию, другие — будто нас согласилась принять Мексика. Говорят, что придется ехать в Китай, на Мадагаскар или даже в Индию. Однако что бы ни случилось, я всегда буду думать о своей родине, о вас, мои дорогие! О тебе, Кармела, и нашем ребенке! Никогда не смогу вас забыть! Уверен, что наши страдания рано или поздно кончатся и мы снова будем вместе.

Любящий вас Хосе».

Кармела, получив письмо, восприняла его как счастливый луч надежды. Ей казалось, что теперь, когда кончилась война, вернется домой и ее Хосе. Все это время она с утра до вечера работала поденщицей на земле местного богатея. После уборки урожая Кармела вместе с соседкой собирала оставшиеся колоски на пшеничном поле, а после сбора винограда они ходили по пустым виноградникам в поисках забытых виноградных веток. И когда закончилась уборка олив, они прошли немало оливковых рощ, отыскивая отдельные, неснятые ягоды. Всего этого было так мало, но для нее с сыном и это служило подспорьем. Зимой, в период дождей, Кармела вила веревки. За десять метров ей платили одну песету: этого едва хватало на хлеб. Зимой приходилось собирать сучья в роще, чтобы растопить печь. Роща принадлежала частному лицу, и сельская жандармерия ловила тех, кто собирал там сучья.

За «кражу» сучьев из частного леса ее жестоко били.

— А-а… Это ты жена того «красного»! — приговаривали при этом сельские жандармы.

Так прошла не одна зима. Но, несмотря на все трудности, Кармела ждала и надеялась. При этом она часто говорила:

— Когда же кончатся наши несчастья? Что бы еще сделать, чтобы досыта накормить моего сына?

Между тем маленький Хоселито подрос и начал понимать несправедливости жизни.

— Мама! — спрашивал он Кармелу. — Где же мой папа? Почему у других есть папы, а у меня нет?

— У тебя есть отец! — отвечала Кармела. — Но он находится далеко отсюда. Когда кончатся его дела, он обязательно вернется

к нам…

А в это время Хосе вместе с другими летчиками уже находился в Советском Союзе.

— Какое счастье для нас, испанских летчиков, оказаться в СССР! — говорил своим друзьям Хосе Монтес. Он глубоко прятал свои переживания и свою тоску по тем, кто остался в Испании.

В СССР Хосе обрел новых друзей, но не забыл о своей семье в Испании. Когда началась Великая Отечественная война, Хосе заявил о своем желании поскорее попасть на фронт.

…Первые налеты фашистских самолетов на Москву Хосе, как и многие испанские летчики, пережил на крышах домов: гасил зажигательные бомбы, тушил пожары, помогал раненым. Затем, когда немцы находились на подступах к Москве, он с группой других испанцев охранял важные объекты столицы. Позже, когда фашисты начали отступать от Москвы. Хосе был заброшен в тыл врага и участвовал в партизанской борьбе. Через несколько месяцев Хосе ранило, и его переправили на Большую землю. И вот он снова в Москве… После выздоровления его направили в авиацию. Пройдя тренировки на одном из подмосковных аэродромов, он получил назначение в санитарную авиацию.

У Хосе была типичная внешность испанца из Кастилии: высокий, смуглый, с черными волнистыми волосами и крупными черными глазами, прикрытыми густыми длинными ресницами.

…Время в госпитале тянулось медленно, но, когда есть хороший рассказчик, оно проходит быстрее. Таким рассказчиком был для нас Хосе Санчес Монтес.

С подмосковного аэродрома он попал под Сталинград. Противник находился еще далеко от города, но у Хосе хватало работы. Ему приходилось вывозить из окружения раненых, пролетая над линией фронта в сложных боевых условиях. Сегодня — выходной, — каждый раз говорил сам себе Хосе, когда ему очень хотелось отдохнуть. Однако он хорошо знал, что на войне выходных не бывает, и потому каждый раз вместе с механиком тщательно проверял самолет. Хосе полюбил свой самолет. За последние несколько недель Хосе «слетался» с ним, и самолет стал для него верным другом, особенно после того, как они побывали в крупных передрягах, попадали под обстрел, не раз делали вынужденную посадку. Однажды фашистский истребитель, вынырнув из-за облаков, с короткой дистанции обстрелял его самолет. Хосе сделал все, чтобы перетянуть за линию фронта и посадить самолет на своей территории. Узнав, что от пуль фашистского стервятника погибло двое раненых, Хосе проклинал себя и очень переживал. «Лучше б меня самого убило…» — думал Хосе, но в то же время он сознавал, что если

бы сбили самолет, тогда погибли бы все…

Его размышления прервал посыльный из штаба:

— Срочный вылет!

«Да, на войне выходных не бывает», — мысленно повторил Хосе излюбленную фразу и, забравшись в кабину самолета, вырулил на старт и взлетел.

И снова полет за линию фронта: нужно было вывезти тяжелораненых бойцов. По маршруту его могут прикрыть в воздухе дежурные истребители из частей ПВО, если они не будут связаны боем. «Условия такие же, как всегда… — думал Хосе. — На войне выходных не бывает!.. Не бывает, не бывает, не бывает…» Он попытался даже подобрать к этим словам какой-нибудь знакомый мотив, но ничего не получалось, и он лишь твердил про себя: «Не бывает, не бывает…» Наконец показалась линия фронта. Хосе замолк и сосредоточился, предельно сконцентрировав все свои мысли и чувства на одной задаче — благополучно проскочить линию фронта.

Линия фронта на этом участке была не сплошной, а прерывистой. Это благоприятствовало полету. На земле шли жаркие бои. В небе кружили штурмовики и истребители. Когда до места его приземления оставалось несколько километров, Хосе увидел, что выше его самолета разгорелся воздушный бой. Чтобы не быть сбитым каким-нибудь вражеским истребителем, он немного отклонился от курса, снизился и прошел той стороной, куда ветер относил дым от чадящих костров из нескольких сбитых самолетов, догоравших на земле. Под прикрытием дыма Хосе обогнул место боя и вышел на прежний курс.

Вот и место приземления. На поляне импровизированное «Т». Солдаты размахивают руками.

…На вопрос: «Сколько загружать?» — он привычно отвечает:

— Сколько войдет!

В этот раз, когда грузили раненых, пошел крупный частый дождь. Бойцы, носившие раненых, шлепали по лужам. Промокшие до нитки, они старались прикрыть раненых шинелями или плащ-палатками.

Через некоторое время тучи сгустились, сверкнула молния.

Стоя под крылом, Хосе думал: «Такой сильный ветер быстро разгонит тучи, даже может выглянуть луна. А взлететь нужно до ее появления. Главное — перелететь линию фронта, а там можно сесть где придется…»

— Товарищ пилот! — услышал он звонкий девичий голос. — Дорога каждая минута!

Обернувшись на голос, он увидел перед собой молодую девушку-санинструктора.

— Что случилось?

— У меня несколько тяжелораненых. Им срочно нужна операция.

«Вот так-то! — отметил про себя Хосе. — Значит, кое-где не сядешь, нужно садиться дома…» Он внимательно посмотрел на девушку.

— Сейчас лететь невозможно. Гроза! Она скоро кончится, и тогда полетим!

Наконец дождь кончился, но ветер еще был сильным. Однако, видя обеспокоенное лицо санинструктора, Хосе решил взлететь.

Он захлопнул санитарную кабину и, убедившись, что дверь ее хорошо закрыта, занял место пилота.

Прогрев мотор, Хосе направил самолет в сторону поляны, с которой можно взлететь. Повинуясь умелой руке пилота, самолет, преодолев порывистый ветер, взлетел пошел по курсу.

Около двадцати минут полета летчику приходилось бороться с сильными порывами ветра, которые бросали самолет то из стороны в сторону, то вверх и вниз. Хосе знал, что раненые ругают его сейчас на чем свет стоит, но сделать ничего не мог: свернуть в сторону означало попасть под сильный зенитный обстрел врага.

Наконец дождь и ветер остались позади: самолет полетел ровно. В разрывах облаков появилась луна. Летчик забрался еще выше, чтобы в случае опасности уйти совсем в облака.

Подлетая к линии фронта, он увидел частые разрывы зенитных снарядов и лучи прожекторов. Хосе сразу понял, чем ему все это грозит. Началось все, очевидно, раньше, чем он сюда подлетел. Видимо, до него здесь прорывался еще один самолет. Хосе обычно применял два маневра в воздухе, когда перевозил раненых: или рисковать, даже очень сильно рисковать, но обязательно выйти победителем, или же совсем не рисковать, но доставить раненых на место.

Этим правилам он намерен был следовать и сейчас. Неожиданно его тронул кто-то за плечо. Это была санинструктор. Она выбралась из санитарной кабины и теперь стояла за его спиной.

— Что случилось?! — громко крикнул Хосе, чтобы его сразу услышали и не мешали, так как ему надо было срочно менять курс. Он уже решил обойти этот участок и пересечь линию фронта в более спокойном месте. Для этого ему нужно было набрать высоту, затем снизиться до предельных возможностей и проскочить. Это был риск, но если его даже и подобьют, у него тогда все же будет шанс сразу после перелета линии фронта посадить самолет у своих.

— Товарищ пилот! Умер один раненый, и еще двое в очень тяжелом состоянии. Нужно как можно скорее доставить их в госпиталь!

Мельком взглянув на нее, Хосе даже в эту напряженную минуту невольно отметил красоту девушки. Но как ей объяснить сейчас всю сложность положения? Сейчас дело решают секунды. И Хосе довольно резко бросил через плечо:

— Не мешайте!

Краем глаза он заметил, как вспыхнула девушка, но он мгновенно сосредоточился и приступил к задуманному маневру.

Маневр удался. Запоздалые выстрелы врага по самолету не причинили вреда. Около восьми минут Хосе находился в предельном напряжении. Когда же опасность миновала, он оглянулся, думая, что девушка по-прежнему стоит за его спиной, однако никого не увидел. Ему стало очень неловко за свою грубость. «Все-таки хоть немного, а совесть-то у тебя есть, Хосе, — начал он ругать себя. — Неловко получилось… Извинись. Да, нужно извиниться», решил Хосе. Когда-то он дал себе слово никогда не подходить к девушкам, особенно таким, какие ему могли бы понравиться. Это слово он сдерживал: ведь в Испании у него остались жена и ребенок.

«Но тут, — уговаривал себя Хосе, — случай исключительный: я должен извиниться… Что тут такого?.. Извинюсь и отойду…» А в глубине души ему очень хотелось поговорить со своей пассажиркой.

Когда разгрузка раненых закончилась, Хосе подошел к санинструктору и тронул ее за плечо. Она с обидой взглянула на него.

— Не мешайте! — сказала девушка и отвернулась.

Однако в ее голосе чувствовалась не столько обида, сколько усталость человека, долгие часы отработавшего без сна и отдыха.

Глядя в спину девушке, Хосе как можно мягче сказал:

— Простите меня, я погорячился, я виноват… — И, взяв обеими руками девушку за плечи, мягко повернул ее к себе.

И снова поразила его красота санинструктора. Светлые волосы, стройная фигура, правильные черты лица, большие голубые глаза… Но больше всего ему на этом лице понравился чуть вздернутый нос, придававший лицу девушки какое-то по-детски беспомощное выражение, особенно сейчас, когда она так устала.

— Что вы на меня так смотрите? — Санинструктор даже покраснела. Будто хотите меня съесть… Разве вы не поняли, что я сказала?

— Я хочу извиниться еще раз… Тогда некогда было

объяснять…

— Могли бы не кричать так грубо! Ведь и я без дела не сидела в вашем самолете!

— Ну ладно… Я еще раз говорю: виноват… А как вас зовут?

— Екатерина Васильевна, — сухо ответила девушка.

— Катя!.. Катюша!.. В Испании мы так называли один из лучших советских бомбардировщиков.

— Так вы — испанец?

— Да.

— Как интересно! А как вас зовут?

— Хосе… Некоторые зовут меня просто «испанец», а друзья предпочитают называть Пене. Так звучит как-то по-дружески…

— А мне как вас называть?

— Как вам больше нравится…

— Хорошо, я вас тоже буду звать Пепе. Пойдет?

— Мне это только будет приятно!..

— Тогда, Пепе, завтра снова придется лететь туда, откуда мы прилетели.

…Хосе еще долго рассказывал бы о Кате, но я прервал его:

— Хватит о девушках, хватит о Кате! Расскажи, что ты делал на Курской дуге?

Хосе все время мечтал пересесть на истребитель. И каждый раз ему отвечали, что нужно подождать: не хватает самолетов. Наконец его послали в тыл переучиваться для полетов на истребителе.

В боях на Курской дуге Хосе Санчес Монтес сбил четыре фашистских самолета. Особенно он запомнил 13 июля 1943 года, когда войска противника на Воронежском фронте перешли к обороне. В этот солнечный и ясный день две пары самолетов, в том числе и самолет Хосе, вели бой над Прохоровкой. После только что закончившегося грандиозного танкового сражения дымилась опаленная взрывами, израненная земля, чернели остовы обгоревших танков, валялись обломки сбитых самолетов. Немцам не удалось здесь пройти, хотя они и бросили сюда, на узкий участок фронта, более 700 своих танков и самоходных установок. Больше половины их техники было уничтожено, и фашисты перешли к обороне.

Чуть правее от группы Хосе шла эскадрилья истребителей соседнего полка. Перед группой Хосе стояла задача — не пропустить к линии фронта фашистские бомбардировщики. Выполнить эту задачу было не так-то просто: немцы посылали свои «юнкерсы» к линии фронта группами по двадцать самолетов под прикрытием «мессеров» и «фоккеров».

На этот раз группе Хосе предстояло связать боем немецкие

истребители, чтобы соседи смогли напасть на фашистские бомбардировщики. Однако немецкие истребители — сизо-грязноватые «мессеры» — сами напали на соседнюю эскадрилью, видимо считая, что она может нанести больший урон группе из двадцати Ю-88.

Хосе со своим ведомым врезался в строй «юнкерсов» — снизу сзади. Вот точка перекрестья прицела его «яка» точно легла на быстро увеличивающийся в размерах бомбардировщик. Хосе нажал гашетку, и очереди из его пушки и крупнокалиберных пулеметов пронзили тушу «юнкерса». Он мгновенно вспыхнул. Хосе резко уклонился от падающих обломков самолета и только теперь заметил, что ведомого за ним нет. Это очень опасно: ведь пока он прицеливался и стрелял, его мог сбить незаметно подкравшийся «мессер». Хосе осмотрелся, однако прямой опасности не было. Немецкие истребители вели бой с другими нашими истребителями, а его ведомый, использовав удачный момент и пристроившись к фашистским бомбардировщикам, открыл огонь. Вот вспыхнул еще один «юнкерс». Строй немецких самолетов поломался. Фашистские летчики второпях начали сбрасывать бомбы. Хосе подозвал по радио своего ведомого, и они вновь бросились в атаку…

Антонио Кано

Находясь в госпитале в Москве, мы с Хосе получали письма от однополчан с Курской дуги. Они нам рассказали и о нашем общем друге Антонио Гарсиа Кано. Он воевал против фашистов еще в республиканской Испании и был неплохим летчиком-истребителем. До битвы на Курской дуге участвовал в боях под Москвой и Сталинградом.

Из писем мы узнали много интересного об Антонио Кано и его боевых друзьях.

Вместе со своими советскими товарищами он служил в частях ПВО. Их истребители базировались недалеко от Курска на аэродроме Уразово. В их задачу входило прикрывать от воздушных атак железнодорожные узлы и перегоны: Касторное — Старый Оскол — Новый Оскол — Валуйки. Особенно тщательно они должны были прикрывать крупный узел Валуйки.

За несколько месяцев до битвы на Курской дуге у Антонио Кано и его ведомого Виктора Чуприкова произошел не совсем обычный бой, в результате которого им досталась совсем уж необычная добыча. За этот бой они получили благодарность от Героя Советского Союза генерал-лейтенанта А. В. Евсеева.

Утром 12 октября 1942 года Антонио Кано и его ведомый были дежурной парой на своем аэродроме в Уразово. По сигналу ракеты они взлетели.

Над их аэродромом плыли редкие облака, поэтому немецкий самолет-разведчик Хе-211, попытавшись уйти в облака, не смог спрятаться и вынужден был принять бой.

Несколько атак Антонио Кано и его ведомого Виктора Чуприкова не увенчались успехом. Немецкий самолет ожесточенно отстреливался. Как они узнали позже, это был специально оборудованный самолет-разведчик с бронированными моторами и бензобаками. Защитное стекло из плексигласа было настолько толстым, что очереди наших истребителей никак не могли его пробить. На самолете было несколько фотоаппаратов. Его экипаж состоял из четырех человек — старших офицеров немецкой разведки. Двое из них имели по два Железных креста, а штурман — крест за участие в боях в Испании в 1936–1939 годах.

Немецкий самолет возвращался с маршрута глубокой разведки: Полтава Орел — Калуга — Москва — Владимир — Горький — Саранск — Пенза — Саратов Воронеж.

Летчику, сидевшему за штурвалом Хе-211, никак не удавалось уйти от вертких советских истребителей. К этому времени двое из экипажа Хе-211 получили ранение в ноги: бронированное стекло прикрывало их только до пояса. Тогда пилот решил прорваться на свою сторону на бреющем полете.

Кано вовремя разгадал маневр фашиста. Дав команду своему напарнику поддержать его огнем, маневрируя своим самолетом, Кано начал прижимать противника к земле, вынуждая его сделать посадку.

Кано в этот момент страшно ругался про себя: ему казалось, что он ведет прицельный огонь с точным попаданием, а немецкий самолет, рыская, все шел вперед. Кано еще и еще раз выпускал по нему очереди, а затем, уступив место напарнику, стал вертеться над немцем, пытаясь понять, почему он не может его сбить.

И все же советские истребители не дали фашистскому самолету прорваться через линию фронта, и он совершил вынужденную посадку. Кано сделал над ним круг, заметив место, и вернулся на свой аэродром. Отсюда он на У-2 с двумя бойцами полетел к месту посадки немецкого самолета.

Подлетая, Кано чуть отклонился в сторону, чтобы не попасть под вероятный огонь турельного пулемета, но пулемет молчал.

Кано посадил свой самолет в стороне и вместе с двумя бойцами побежал к немецкому самолету-разведчику. Однако там никого не оказалось, а на земле были видны следы крови.

Пошли по следам, просматривая все складки местности.

Следы вывели на бугор, затем спустились с него, и метров через двести привели к плетню, за которым находилась хата да полуразвалившаяся баня на отшибе.

Из-за плетня неожиданно появился парнишка лет четырнадцати и шепотом, дрожащим голосом торопливо сказал:

— Товарищи бойцы!.. Они там… Немцы там, в бане. Кровищи натекло страсть!

— А ты что здесь делаешь?

— Я хотел бежать к нашим…

— Сколько немцев в бане?

— Двое. Остальные утекли туда. — И мальчик показал рукой в сторону фронта. — Мне приказали молчать, а то, мол, постреляют. А я их не боюсь. У меня отец на фронте, а мамку немцы убили за картошку… Она мерзлую картошку собирала в поле. Живу я с бабкой…

Антонио, поблагодарив мальчика, направился к бане.

Раненые немцы не оказали сопротивления. Их подвели к У-2 и стали сажать в кабину. Один из них никак не хотел влезать в самолет и кричал, показывая на У-2:

— Рус — фанер! Рус — фанер!

— Ишь ты, — заметил один из бойцов. — Это, мол, фанерный самолет и лететь он на нем боится!

Антонио Кано подошел к фашистскому штурману. Кано немецкого языка не знал и сказал несколько фраз по-французски, вставляя при этом испанские слова.

Немец, лежавший на земле у небольшого камня, насторожился и переспросил:

— Вас? Вас? — А потом сразу затих и, будто что-то вспомнив, сказал, мешая немецкие слова с испанскими: Ту ист эспаньоль?

Разговор становился интересным. Их окружили бойцы. Один из них попросил Кано:

— Ты нам переведи, чего он лопочет.

Кано наклонился к немцу и увидел у него на груди значок, каким гитлеровцы награждали своих летчиков, воевавших в Испании в фашистском авиасоединении «Кондор».

— Этот сукин сын воевал в Испании, — объяснил Кано, показывая на значок. — Может, нам даже приходилось там встречаться с ним в воздухе… Они тогда не очень любили вступать в бой с нашими истребителями, а больше обстреливали мирные села да дороги, по которым шли беженцы… Повернувшись к фашисту, Кано сказал по-испански: — Да, я испанец. И здесь вместе с великим советским народом сражаюсь за священное дело свободы, против фашизма. Наше дело правое, и мы победим!

Один из бойцов высунулся из-за спины Кано и добавил:

— Капут немец, капут! Воевал в Испании, а потом полез в Россию? Вот и подавился русской землей! И Гитлеру будет капут!

Немец хотел что-то сказать, но только лишь съежился и стал опасливо переводить взгляд с одного лица на другое, силясь понять смысл разговора.

Кано махнул рукой:

— Грузите его в самолет.

Гитлеровец продолжал лопотать «рус — фанер», «рус — фанер» и пытался при этом противиться. Кано привязал его к сиденью веревкой.

К Кано подошел тот самый боец, который говорил: «И Гитлеру будет капут!»

— С праздником тебя, Антонио! С двойным праздником: и самолет приземлили, и немца сбили, который воевал на твоей родине! Долеталась фашистская гадина!

Кано поднял руку в приветствии республиканских бойцов в Испании и ответил:

— Пусть это будет еще одним нашим маленьким вкладом в общую победу над ненавистным врагом! Смерть фашизму!

…Во время Курской битвы Антонио Кано вместе с летчиками своей части прикрывал железнодорожные узлы, где скапливались эшелоны с боевой техникой и личным составом.

Утром 6 июля 1943 года четверка их «яков» по тревоге вылетела на железнодорожный узел Валуйки для отражения атаки вражеских бомбардировщиков. На этот раз ведомым у Кано был младший лейтенант Т. Шевченко. Они поднялись на 4500 метров и на западе на высоте 4000 метров увидели группу вражеских бомбардировщиков.

Антонио сообщил об этом на КП и вместе с ведомым атаковал гитлеровцев. Другая пара «яков» связала боем немецкие истребители Ме-109.

За первой группой бомбардировщиков появилась вторая. В налете участвовало до пятидесяти Хе-111 и Ю-88. Летчики фашистских бомбардировщиков, видимо, не ожидали атаки от двух советских истребителей или, возможно, приняли их за свои самолеты, вызванные для прикрытия первой группы бомбардировщиков.

Антонио и его напарник, используя преимущество в высоте, предприняли несколько атак бомбардировщиков врага, поливая их огнем из пушек и пулеметов. В этом бою были сбиты четыре вражеских самолета. Противник вынужден был прекратить прицельное бомбометание и, беспорядочно сбросив бомбы, стал удирать.

Во время боев на Курской дуге испанский коммунист капитан Антонио Кано был заместителем командира эскадрильи.

Капитан Антонио Ариас

С северо-запада, из Скандинавии, дул резкий ветер. По небу, прижимаясь к земле, ползли свинцовые тучи, оставляя большие хлопья снега на вершинах высоких сосен. Эти хлопья подхватывал ветер, крутил в воздухе и бросал на самолеты, возле которых находились дежурные летчики. Почти ничего не было видно. Механики, надвинув шапки-ушанки и подняв воротники, ходили возле самолетов и то и дело счищали с машин снег, а там, где образовался лед, они сбивали его длинными круглыми кусками резины.

В это время года погода резко менялась: осень встречалась с зимой, уступая ей свои позиции. С каждым днем становилось холоднее, однако воды Ладоги еще волновались под ветром, и лишь в неглубоких заливчиках образовались корки льда. Ладога превратилась в важнейший путь снабжения осажденного Ленинграда, фронта и населения области. Летом перевозки осуществлялись на пароходах и баржах. Зимой по льду пошли машины. И летом, и зимой эту дорогу охраняло одно из подразделений истребителей. Это была интернациональная по составу эскадрилья. Она входила в 964-й полк 130-й авиадивизии. Командиром этой эскадрильи был испанец капитан Антонио Ариас. Одно из звеньев эскадрильи состояло из испанцев Мануэля Гисбера и Хулиана Диеса, а также чеха, фамилию которого я, к сожалению, забыл.

Среди пилотов кроме испанцев были цыган Михаил Горлов, узбек Азии Досиндодуков, азербайджанец Али Мухамедов, русский, сибиряк Иван Сахарцов, русский из Иваново Сергей Яковлев, украинец Резник, русский Кобин, казах Самехов, русский с Урала Демяновский. Братская дружба связывала воинов этого интернационального подразделения, и они не раз, рискуя жизнью, выручали друг друга в бою.

Ариас хотел, чтобы бои его летчиков с врагом были наиболее результативными, и каждую свободную минуту использовал для подготовки личного состава эскадрильи. Он подбирал летчиков и воспитывал их с такой тщательностью, как это делает опытный педагог. С пилотами у Ариаса установились ровные дружеские отношения, но при всем этом он всегда добивался строгого и неукоснительного выполнения приказов. Свой опыт, приобретенный в воздушных боях в небе Испании, он передавал

молодым летчикам. Испытания, выпавшие на долю Ариаса, закалили его волю, научили сохранять твердость духа и быстро принимать решения в трудных ситуациях. Он умел оставаться внешне спокойным, хотя порой внутри у него все кипело. Невольно припоминаются дни, проведенные в лагере для интернированных во Франции.

— Я бы хотел поехать в СССР, — сказал нам как-то Ариас после месячного пребывания в лагере.

— Как ты можешь говорить об этом, когда никто, понимаешь, абсолютно никто не заботится о нас?

— А я все-таки поеду в СССР.

Может, он знал больше, чем мы? Нет, конечно, нет! Просто Ариас лучше многих разбирался в политике и, как коммунист, был более закален жизнью. А ведь некоторые из нас часто падали духом и уже теряли всякую надежду выбраться из лагеря. Больше всех волновался Фернандо, и для этого у него были причины. В свои двадцать лет он уже был женат и имел ребенка, и теперь его жена с ребенком находились где-то поблизости в лагере для женщин.

— Послушай, Фернандо, если ты и дальше так будешь маяться, — сказал я ему однажды, — то очень скоро нам придется похоронить тебя здесь, на берегу моря.

— А что мне, по-твоему, делать? — отвечал он.

— Нужно придумать какой-нибудь действенный план. Например, давай проберемся в женский лагерь и поспрашиваем, поговорим… Может, что и узнаем…

— Давай, давай! Этой же ночью и пойдем. Ты пойдешь со мной?

— Да, конечно.

— А если нас подстрелят?

— По-моему, это лучше, чем жить, как мы.

Той же ночью, в кромешной тьме, мы проделали лаз в колючей проволоке и без шума выползли наружу. Однако нас остановили тяжелые шаги по песку. Кровь застучала в висках. Шаги раздались совсем близко и удалились. Мы ползком добрались до ограждения женского лагеря. Его охраняли менее усиленно, чем наш. Колючая проволока здесь была реже, и мы сравнительно легко проникли в лагерь.

Осторожно, за плечи, разбудили женщин.

— Не знаете, где здесь находится женщина с маленьким ребенком? Ее зовут Рамона. У нее черные волосы, одета во все черное.

— Как ее фамилия?

— Льянес!

— Нет, не знаем!

Мы стали расспрашивать одну женщину за другой и в ответ слышали одно и то же: «Нет, не знаем». Мы почти потеряли надежду. Казалось, не осталось в лагере места, где бы мы ни побывали. Случайно под рваным пологом услышали голоса женщин. Они говорили на каталонском диалекте. Рамона ведь из Каталонии!

— Вы не знаете что-нибудь о Рамоне?..

— С маленьким ребенком?

— Да! Да!

— Он родился у нее прямо в горах, в Пиренеях?

— Да, да! — сказал Фернандо, и в глазах его засветилась надежда.

— Знаете… Бедная женщина ждала, ждала, и наконец решила, что она больше не может так жить. Она выехала вчера в Испанию с группой репатриировавшихся женщин.

— А может, она еще в лагере?..

— Нет, мы видели, как она садилась в грузовик.

Фернандо, потрясенный этой новостью, опустился на песок и так побледнел, что казалось, он вот-вот потеряет сознание.

— Послушай, теперь все равно ничем не поможешь. Давай возвращаться в лагерь, — сказал я и положил ему руку на плечо, чтобы хоть немного его успокоить.

— Я не пойду в лагерь, — ответил он будто в полусне.

— Уж не надумал ли ты вернуться в Испанию?

— В Испанию? Нет!

— Тогда что же ты думаешь делать?

— Я отправлюсь в Латинскую Америку!

— Ты что? С ума сошел? У тебя что, билет в кармане, пароход ждет тебя у причала?

— Нет, но я отправлюсь в Америку.

— Скажи мне, по крайней мере, как ты думаешь это сделать? Может, я тоже отправлюсь с тобой…

— Сначала надо пробраться в Марсель, а там посмотрим. — В голосе Фернандо слышалось столько уверенности, что мне его идея показалась и впрямь заманчивой.

— И все же давай подумаем. Ведь только мы отсюда тронемся, как нас сразу же схватят. Кругом полно жандармов и переодетых агентов полиции. И уж тогда нас наверняка определят в более ужасное место, чем этот лагерь.

— Ну и что? Я опять убегу и в конце концов попаду в Америку. А уж оттуда свяжусь с Рамоной. Решено! Ты идешь?

— Да, дружище, да! — согласился я, чтобы как-то успокоить его.

Мы подлезли под проволоку и тронулись в путь. Шли полями, огородами, рощами. Днем отдыхали, а по ночам шли. Крестьяне жалели нас и снабжали едой. Иногда нас подвозили на грузовиках, и тогда водители прятали нас в кузове.

Когда мы прибыли в Марсель, шофер принес нам бутылку вина, немного хлеба, креветок и пригласил перекусить в кабине его грузовика, а сам ушел на разведку в порт. Вскоре он вернулся.

— Знаете, — сказал он, — печальные новости. Пройти почти невозможно, повсюду жандармы. У всех, кто направляется в порт, спрашивают документы. Идти туда опасно, тем более если не знаешь французского языка…

— Много кораблей в порту?

— Много!

— А каких стран?

— Итальянские, японские, мексиканские, есть один из Аргентины…

— Аргентинский… А где он пришвартован? Нам-то он и нужен!

— Далеко, почти в конце причала. Туда добраться ой-ой-ой!

— Тогда попробуем на мексиканский. Попытаемся проскочить на корабль, когда стемнеет, до того как зажгутся фонари. Осторожно подберемся к нему как можно ближе, а потом бегом — и мы на корабле! — развернул свой план Фернандо.

— Ты уверен, что это — самый лучший способ?

— Да, а другого в нашем положении нет. В таком виде, как мы сейчас грязные, оборванные, давно не бритые, — только и попадаться в лапы жандармам!

Почти весь день мы провели, спрятавшись среди бочек, в каких-нибудь двухстах метрах от корабля. Мы видели, как по его трапу спускались и поднимались моряки, как развевался флаг на корме, как жандармы внимательно осматривали всякого, кто появлялся на причале. Рабочий люд не обращал на нас никакого внимания. Несколько маленьких оборвышей что-то искали среди тюков и ящиков с товарами. Натолкнувшись на нас, они чему-то рассмеялись и продолжали заниматься своим делом.

— У нас нет другого выхода. Мы уже около месяца кормим вшей и голодаем в лагере, — как бы убеждая себя в правильности принятого решения, повторял Фернандо. — Ты прав, — говорил я ему, — у нас нет выбора. Это как жребий, когда не знаешь, что выпадет — орел или решка!

— Бедная Рамона. А ты хорошо бегаешь? — внезапно спросил меня Фернандо.

— Не очень. Я ведь был ранен в коленку, но ты не беспокойся за меня. Доберусь — так доберусь, а нет — так нет. Так и

договоримся. Пора!

Мы обнялись, осмотрелись еще раз, выжидая, когда подальше отойдет жандарм, и, одновременно выскочив из своего укрытия, бросились к кораблю.

Однако не успели мы пробежать и десяти шагов, как из других укрытий, о существовании которых мы и не догадывались, выскочили один, два, три, четыре, пять человек. Как будто они караулили нас. Жандармы и полицейские бежали наперерез, намереваясь перехватить нас. Наш путь был короче. На глазок расстояние до корабля и до наших преследователей внушало надежду на то, что мы почти спасены. Оставалось только добежать. Фернандо обернулся ко мне, так как я отстал, но мы оба еще могли успеть. В этот момент я оглянулся и, тут же споткнувшись, упал на причал: меня сразу же окружили жандармы. Фернандо же успел и на прощанье помахал мне с борта мексиканского парохода.

Я вновь оказался в лагере. Вот из-за такой оплошности я лишился свободы.

* * *

Фернандо уже плыл в открытом море на мексиканском корабле, а оставшийся в лагере Ариас продолжал верить, что он поедет в СССР. Выслушав мои приключения, он молча, по-дружески похлопал меня по плечу.

В дальнейшем наша судьба сложилась так, что мы действительно оказались в Советском Союзе. В Гавре, во французском порту, мы восемь дней с нетерпением ожидали прихода советского корабля. В этом порту мы встретились со многими испанцами, которые были освобождены из лагерей и тоже плыли вместе с нами. Здесь были мужчины, женщины, дети, плохо одетые и истощенные. В ожидании советского корабля мы чувствовали себя уже свободными людьми. Нас навещали французские коммунисты, они интересовались всем.

— Как вас кормят?

— Очень хорошо. После лагеря нам кажется, будто мы никогда так раньше не ели. Мы благодарны французским коммунистам за заботу и помощь.

Они приносили нам одежду, обувь, лекарства.

Ариас буквально изнывал от нетерпения и все повторял:

— Скорее бы поехать в Советский Союз!..

…Будучи командиром эскадрильи истребителей, Ариас все свое умение, всю свою волю отдавал защите Советской страны от

фашистов. Эскадрилья под его командованием слаженно действовала в самых тяжелых условиях. Она прикрывала опасные участки Волховского фронта, караваны, идущие по Ладоге, железнодорожные пути, станции, мосты. Было проведено немало боев с «юнкерсами», пытавшимися нарушить коммуникации по рекам Волхов и Сясь, идущие из Тихвина, Юрцево, Новой Ладоги. Летчики этой эскадрильи испанские коммунисты — понимали, какой священный долг они выполняют, защищая колыбель Великой Октябрьской социалистической революции — город Ленина. А для Антонио Ариас а это была наилучшая возможность выразить свою огромную любовь к Советской стране, к советским людям.

Ариас летал на английском истребителе «харрикейн», вооруженном четырьмя 20-миллиметровыми пушками. Вот один из многих эпизодов его участия в воздушных сражениях. По Ладоге шел тяжело груженный пароход. Истребители эскадрильи Ариаса должны были прикрывать пароход с воздуха. Звено Ариаса взлетело над водами Ладоги. Многочисленные солнечные блики играли на воде. Но вот мелькнули зловещие тени: к пароходу подкрадывались фашистские «юнкерсы». Пилоты четырех самолетов эскадрильи Ариаса понимали, что могут не успеть прийти на помощь. Они только что поднялись в небо над Ладогой с противоположного берега и сразу же увидели приближение врага. Лица пилотов побледнели от резко возросшего давления. На предельной скорости летчики бросают свои машины на выручку пароходу и в это время обнаруживают за собой темные длинные фюзеляжи двух немецких истребителей «фокке-вульф». Но судно должно дойти до места назначения! Советские летчики открывают огонь из пушек. Еще несколько сот метров — и фашисты будут у цели. Однако их настигают снаряды, пущенные из самолетов Ариаса и его напарника. Два «юнкерса», один за другим, теряют управление и падают в воды Ладоги. А в это время летчики их эскадрильи Хисбер и Гусев завязывают бой с немецкими истребителями. Остальные фашистские бомбардировщики, преследуемые Ариасом, Диесом и Дуарте, беспорядочно сбросив бомбы, уходят за линию фронта. А внизу, не меняя курса, пароход продолжает свой путь к осажденному Ленинграду. На поверхность воды всплывает рыба, оглушенная взрывами бомб. Ариас и его звено, проводив пароход до самого берега, возвращаются на свой аэродром…

После прорыва блокады Ленинграда эскадрилья участвовала в наступлении советских войск на этом фронте. Однажды из боевого полета не вернулся самолет Игнасио Агирегоикоа, однополчанина Ариаса. Этот летчик сбил несколько вражеских

самолетов. Позже, во время наступления советских войск, его самолет обнаружили в лесу. В кабине был найден замерзший летчик со следами тяжелых ранений. Игнасио в числе многих испанских детей был привезен в Советский Союз; здесь он воспитывался, стал коммунистом и настоящим воином.

Эскадрилья Антонио Ариаса сражалась под Нарвой, на Балтике, участвовала в боях за Минск, в битве за Восточную Пруссию, во многих боях Отечественной войны вплоть до самого Дня Победы.

Антонио Ариас окончил войну в звании майора, штурмана 439-го полка 130-й истребительной авиадивизии…

За освобождение Польши

В дни титанической битвы советского народа, в самые критические моменты Великой Отечественной войны, полной героических и трагических событий, испанские летчики всегда были вместе с советскими людьми — в боях под Москвой и Сталинградом, на Курской дуге и под Минском, в битве за Киев. И вот, наконец, настало долгожданное время, когда от фашистских орд была очищена вся советская земля. Пламя войны еще бушевало, унося человеческие жизни, но в 1944 году народы Европы уже почувствовали свежий ветер свободы, которую несла на своих победоносных знаменах Красная Армия.

Авиаполки истребителей, в которых находились испанские летчики, базировались и на польской земле — близ Люблина, Кракова, Жешува, Лодзи, Познани.

В 591-м полку сражались Севилья Сантос и Педро Муньос. В том же полку служил и Хосе Луис Ларраньяга, который был сбит на Кубани. В те дни воздушные бои достигли наивысшего напряжения. Тогда решался вопрос: кто кого? Советские летчики блестяще продемонстрировали высокое мастерство, выдающуюся храбрость и высокие моральные качества. На самолете Ларраньяги красовались пять звезд — пять побед над врагом.

Испанские летчики майор Фернандо Бланко и старшие лейтенанты Хосе Рабинеда, Висенте Бельтран и Хасинито Гальего сражались в Чехословакии под Братиславой.

В 826-м авиаполку под командованием майора Столяра служили Луис Лавин и Антонио Лукумбери.

В это же время, выполняя задание по связи на передовых позициях наступавших советских частей, совершали героические полеты на У-2 испанцы Франсиско Гаспар и Карлос Гарсиа Аюсо.

В частях противовоздушной обороны на самолетах Ла-5 защищали город Горький Хоакин Карильо, Хуан Эгигури и Блас Паредес.

23 августа 1943 года в аварии погиб летчик Августин Моралес Эскамилья. Его жена получила письмо из части:

«Командование воинской части с глубоким соболезнованием извещает Вас, что Ваш муж Моралес Эскамилья Августин 28 августа 1943 года погиб при исполнении служебных обязанностей.

Смерть вырвала из наших рядов прекрасного товарища, отличного командира, уважаемого старшими товарищами и глубоко любимого подчиненными за чуткость и отзывчивость.

Августин — сын свободолюбивого испанского народа. С

оружием в руках он защищал в 1936–1939 годах свою родину — Испанию от фашистских извергов и после порабощения Испании не покорился варварам, а с лучшими из своих товарищей уехал из Испании, чтобы продолжать борьбу с кровавым фашизмом.

Августин, будучи коммунистом и командиром в рядах нашей доблестной Красной Армии, беззаветно верил в наше правое дело, отдавал все силы, молодую энергию и прекрасные способности как личной боевой выучке, так и отличному воспитанию подчиненных.

Августин на своем посту точно выполнял все приказы нашего Верховного Главнокомандующего, зорко охранял особо важные объекты от фашистских стервятников.

Августин был нашим и Вашим близким другом. Мы знаем: Вам особенно тяжело пережить эту утрату. Мы, его боевые товарищи, клянемся довести до конца дело, за которое он так самоотверженно боролся.

Екатерина Ивановна! Командование и боевые товарищи Августина надеются, что Вы воспитаете Вашего и Августина сына Энрико в духе преданности делу Коммунистической партии. Всегда напоминайте сыну Энрико, что у него был прекрасный отец, который боролся за свободу, независимость и за его счастливое детство.

Екатерина Ивановна, если будут у Вас в жизни и в воспитании сына трудности, то просим Вас обращаться к нам. Мы всегда будем считать долгом помочь Вам».

* * *

573-й полк 101-й авиадивизии начал войну под Сталинградом, в Уразове. В Польше бои уже не были такими жестокими, как раньше: чувствовалось превосходство советских летчиков. В эту часть получили направление испанские пилоты Антонио Гарсиа Кано и Франсиско Бенито. Они навсегда запомнили тот день, когда оставили Москву в августе 1942 года, уезжая на фронт.

— Прощай, Москва! — воскликнул Кано.

— Когда мы снова увидим тебя? — как эхо, отозвался Бенито.

В памяти запечатлелась девушка на перроне, машущая букетом полевых цветов солдатам, которые высунулись из окна; запомнились перегороженные баррикадами улицы столицы и заклеенные крест-накрест полосками белой бумаги стекла в окнах домов.

Немцы совершали пока только разведывательные полеты.

Еще не рассеялся утренний туман, когда над аэродромом прошел «Юнкерс-88». В ту же минуту капитан Кано и старший лейтенант Аверин запустили моторы своих самолетов.

— Уверен, это нас фотографируют, — проговорил механик сержант Петров, показывая в направлении полета вражеского самолета.

Кано, уже сидевший в кабине, взглянул в небо и подал сигнал: «Убрать колодки».

— Если он нас сфотографировал, то, может, мне удастся раздобыть для тебя это фото! — крикнул Кано механику, когда самолет тронулся с места.

«Юнкерс» летел на высоте три тысячи метров. Два наших истребителя быстро набирали ту же высоту. «Юнкерс», стремясь уйти от преследования, сделал резкий вираж и исчез в густом, низком облаке. Не видимый в облаке, он сделал разворот и стал уходить в противоположную сторону от Кано и Аверина. Расстояние между ними увеличилось. Преследование возобновилось, и казалось, что немец уже не уйдет, как вдруг он повторил маневр и опять скрылся в облаках. Облачность только благоприятствовала таким маневрам: немец «перескакивал» от облака к облаку, то появляясь, то снова теряясь из виду. Кано понимал, что «юнкерсом» управляет не зеленый юнец. Коварный противник умело уходил от атак и пытался использовать любую возможность, чтобы обмануть истребителей.

Быстро терялась высота. Кано выбирал «мертвые пространства», чтобы не попасть под огонь вражеского самолета, ближе подобраться к нему, однако несколько очередей все же достали правую плоскость его самолета. Кано перешел почти на бреющий полет. У него не оставалось другого выхода, как атаковать сверху, не обращая внимания на трассирующие очереди, летевшие навстречу. И в то же время приходилось экономить боеприпасы и стрелять только наверняка, чтобы не дать врагу уйти на свою территорию. Кано вспомнил таран Талалихина, а также Бухтиарова. Самолет Бухтиарова был поврежден, и летчику пришлось прыгать с парашютом, однако парашют не раскрылся. Кано проверил боезапас: на таран пока идти не нужно, — есть чем стрелять; таран — это последнее средство. Высота была совсем небольшой: самолеты почти касались вершин деревьев. «Нет, фашист, не уйдешь!» подумал Кано. В этот момент из башни вражеского самолета прекратился ответный огонь. Кончились патроны? Ранен или убит стрелок? А может, враг хитрит, выжидая удобный момент? Два истребителя подбирались все ближе и ближе к врагу. Наконец они попали в воздушные струи от «юнкерса», и немец в прицелах… Длинные

очереди советских истребителей, как огненные стрелы, врезались в фашистский самолет. Кано хотел перезарядить оружие, но оказалось, что боеприпасы кончились. И в это мгновение вражеский самолет гулко врезался в землю, подняв к небу столб пыли, дыма и огня.

С аэродрома за боем следили полковник Новиков и капитан Туркин, с нетерпением ожидая результатов схватки. Они волновались не зря: эти фашистские стервятники не были новичками, и победа над ними далась нелегко.

Близ озера Балатон

Генерал-лейтенанту Александру Степановичу Осипенко мы, испанские летчики, глубоко благодарны за ту огромную помощь, которую он оказал нам в начале Великой Отечественной войны, содействуя зачислению нас в действующие на фронтах авиационные части. Он, как никто, понял наше горячее желание участвовать в борьбе против фашизма и взял на себя всю ответственность за нашу службу в авиации. Мы рвались на фронт, потому что ненавидели фашизм и питали огромную любовь к советскому народу — народу-герою, народу-борцу. С такими же чувствами пришел в военную авиацию и Селестино Мартинес. До войны он работал вместе с нами на московском автомобильном заводе имени Сталина. Помню, он шагал вместе с нами в колонне демонстрантов по Красной площади 1 Мая 1940 года. Мы, рабочие московского автозавода, шагали в заводской колонне в числе стахановцев, передовиков труда. Мы шли в третьей колонне вместе с коммунистами и комсомольцами завода. В руках у нас были красные знамена, транспаранты и цветы.

В этот день, 1 Мая, мы, проходя по Красной площади мимо Мавзолея В. И. Ленина, мысленно дали клятву — всегда быть верными ленинским идеям пролетарского интернационализма, дружбы и братства между народами. Селестино Мартинес, как и все мы, воевал за эти ленинские идеи.

Селестино Мартинес родился в испанской провинции Астурии. Это был край горняцких поселков, высоких гор, быстрых речушек и бедных, нищих деревень. Отец его, учитель начальной школы, получал за свой труд мизерный заработок.

В семье было четверо детей, и Мартинес с раннего детства познал всю мудрость и иронию испанской пословицы, которую обычно повторяли, когда дела в семье шли очень плохо: «Нам придется голодать больше, чем школьному учителю».

В Испании тех лет не все дети в бедных семьях могли окончить даже начальную школу. Обычно родители, не имея достаточных средств для платы за учебу, выбирали из детей наиболее способного и посылали его в школу: другие оставались неграмотными. Приходилось работать всей семье, чтобы один из ее членов мог учиться.

Селестино тоже выпало счастье учиться, но он смог окончить только начальную школу: о средней, а тем более о высшей, он не смел даже мечтать.

Однажды, когда мальчику уже исполнилось четырнадцать лет, вся семья сидела на кухне возле раскрытого окна и ужинала.

Это был один из приятных весенних вечеров испанского апреля, когда солнце остается по-настоящему теплым даже вечером. Легкий ветерок с севера, проникая через раскрытое окно, приносил с собой острые запахи весны, далекое гортанное пение цыган, отрывистый говор шахтеров, возвращавшихся с работы, лай собак…

Селестино сидел за столом и почти ничего не ел, уставившись в одну точку.

Мать, озабоченная плохим настроением сына, спросила:

— Что с тобой, Селестино? Почему ты не ешь?

— Я поеду на Кубу, — ответил тот.

— Бог мой! — воскликнула мать. — Ты опять об этом!

— Что, тебе не нравится дома? Подожди, все ведь ждут… Провозгласят и у нас республику, и дела пойдут лучше, — заметил отец.

Селестино понимал, что отец не против его поездки на Кубу, только советует подождать еще немного: может, действительно, что-нибудь изменится и у них в стране, и, вместо того чтобы испытывать судьбу за морем, Селестино найдет себе место под солнцем дома?

Но семья их продолжала бедствовать, и в 1933 году, несмотря на то, что испанский король бежал из страны и была провозглашена республика, бедные оставались бедными, богатые — богатыми. И не всегда Селестино мог найти себе работу в родных краях. По-прежнему безжалостное солнце выжигало всю растительность на каменистых склонах гор, и рабочие семьи часто голодали. Он хорошо помнил престарелую соседку Пепу, стиравшую белье для сеньорит, у которых были песеты.

Прошло несколько месяцев после их разговора за столом. И вот однажды, когда Селестино возвращался домой, на пороге он столкнулся с отцом.

— Подожди, Селестино, — сказал отец, — я, действительно, ждал чего-то от республики… Но в жизни бедного человека ничего не изменилось к лучшему. Поезжай-ка ты все-таки на Кубу! От новых политиков мы ничего не получим. Лучше работать в чужой стране, чем прозябать молодому человеку, полному сил, здесь без работы. Поезжай!

Мать, услышав эти слова, так и застыла, прислонившись спиной к росшему во дворе дереву и вытирая глаза черным платком, покрывавшим ее голову. При расставании не сдержал слез и отец…

На Кубе, в Гаване, Селестино остановился у своих дальних родственников. Через несколько дней ему сказали:

— Селестино! Ты уже заметил, что пряники здесь не падают с

неба. Чтобы прожить, нужно работать, и много работать… Ищи работу!..

Что он мог сделать в свои неполные пятнадцать лет в стране, где и без него хватало безработных? Начать работать мачетеро на плантации сахарного тростника? Но там требовалась не только сноровка, но и сила взрослого мужчины. Для рук подростка мачете оказалось тяжелым, да и пребывание на июльской 35-градусной жаре по 12–15 часов в сутки в течение двух месяцев — не по его силам. Другой же работы на Кубе не было… А он мечтал накопить денег, вернуться в Испанию и поступить в училище, чтобы стать летчиком… Летать — это была его заветная мечта!

«Что же делать?» — не раз спрашивал он себя, проводя дни в отчаянных поисках работы.

На Кубе Селестино Мартинесу пришлось многое испытать. Он работал то в стеклодувной мастерской, то в мастерской, где смешивал краски, то мыл посуду в кафе, то работал на камнедробилках; был шофером. Пришлось ему и рубить тростник, и выполнять любую другую работу. Когда в 1936 году в Испании на выборах победил Народный фронт, Селестино вернулся в Испанию. Он был без гроша в кармане, но по-прежнему мечтал стать летчиком.

Вскоре против власти Народного фронта в Испании выступил фашизм, и Селестино встал в ряды бойцов республиканской армии. Он сражался на разных фронтах, затем его послали учиться летному мастерству в СССР. В то время, когда вместе с другими испанцами он учился летать на У-2, а затем на СБ, война в Испании окончилась.

Как и другие молодые испанцы, он остался в СССР и, когда началась Великая Отечественная война, сразу же попросился на фронт. Так он стал летчиком-связным на У-2.

С разных мест боев, с разных фронтов Селестино посылал своей семье весточки. В письмах он рассказывал о боевых успехах, о своих товарищах, о себе. Вот несколько отрывков из его писем. [2]

27. II.1944 года

Ты просишь, чтобы я тебе сообщил, где нахожусь в настоящее время. Нахожусь ли я под Ровно или под Ленинградом, — не все ли равно? По-моему, важно лишь одно: где бы мы ни находились, с честью выполнять свой долг перед народом, перед Родиной. И ты можешь быть уверена в том, что я все сделаю, не жалея ни крови, ни жизни, если это потребуется…

15. III.1944 года

Недалек тот день, когда фашистам придется

отвечать за все свои страшные преступления. Об этом свидетельствуют блестящие победы нашей славной Красной Армии.

27. III.1944 года

Только что пришел с «работы». Очень устал. Сама посуди: сегодня был в воздухе восемь часов. Сейчас все товарищи легли спать, а я сел писать. У меня никаких новостей нет, за исключением того, что за последние три дня «работаем» без перерыва: я, конечно, не жалуюсь, а очень доволен тем, что могу приносить пользу нашей славной Родине и участвовать в разгроме немецких фашистов.

Я написал, что все мои товарищи легли спать. Оказывается, не все. Рядом со мной Бычков тихо запел «Темную ночь». Я прислушиваюсь к этой песне, и воспоминания наполняют мое сердце. Я не сентиментальный, но люблю эту песню: она очень сильно действует на меня…

10. IV.1944 года

Теперь «работаем» особенно много. Остается очень мало времени для отдыха. Спал сегодня, после ночной работы, четыре часа. Надеялся, что будет больше свободного времени, но вот уже вызвали на аэродром…

14. IV.1944 года

«Работаю» без передышки и как будто неплохо. Стараюсь быть полезным нашему великому делу, нашей славной Родине и пока доволен результатами своей «работы», но, тем не менее, постараюсь сделать еще больше…

17. V.1944 года

Здесь я буду два-три месяца… Я уже писал тебе, с какой целью приехал сюда; перехожу на другую «работу», теперь на «илах». Я очень доволен и с большим энтузиазмом принялся осваивать новую технику, Со мной здесь Лео и вообще все старые товарищи…

31. V.1944 года

Очень занят освоением новой техники. Настоящая жизнь! Несколько напоминает мне счастливое время учебы в школе…

28. VIII. 1944 года

Пишу коротко, потому что «работа» в эти дни более чем горячая. Мне буквально некогда писать. Сейчас сижу в кабине и скоро опять поднимусь в воздух громить врага…

30. IX. 1944 года

Я уже писал вам, что меня наградили орденом Отечественной войны. Таким же орденом был награжден Леонисио Веласко. Я, конечно, очень доволен: значит, моя «работа» была полезна нашему большому делу.

«Работаю» сколько могу и как будто неплохо. Стараюсь сделать как можно больше вылетов, и каждый раз у меня получается лучше и лучше. Сегодня меня считают одним из лучших летчиков в полку. Я, конечно, обязан оправдать это мнение и поэтому все свои силы прилагаю к тому, чтобы с каждым днем летать все лучше и лучше!..

* * *

Летом 1944 года Селестино Мартинес и еще несколько испанских летчиков из его части были направлены в летную школу на переобучение для полетов на штурмовиках Ил-2.

Селестино Мартинесу нравилась эта грозная боевая машина. Огневая мощь этого самолета (две пушки, два пулемета, восемь реактивных снарядов эрэсов и шестьсот килограммов бомб) в сочетании с мастерством летчика наводила ужас на фашистов.

Селестино Мартинес все свои силы отдавал учебе, стремясь поскорее овладеть новой техникой и попасть на фронт. Ему очень помог опыт боевых полетов на У-2, и поэтому дни учебы пролетели быстро.

В августе 1944 года Селестино Мартинес уже вновь участвовал в боях. Его направили в воинскую часть, где начальником штаба был капитан Самодиенко.

И вот его первый бой на штурмовике.

Капитан Редченко, командир эскадрильи, поставил задачу командирам звеньев:

— Нам предстоит разгромить танковую колонну фашистов. — Карандашом капитан отметил место на карте, где находился враг.

Летчики, слушая указания командира о том, как нужно выполнить задание, прокладывали маршрут на своих полетных

картах, наносили на них линию фронта, красными кружками отмечали цели удара.

Над аэродромом взвилась зеленая ракета и, прочертив крутую дугу, угасла в ярких солнечных лучах. Селестино побежал к своему самолету, взобрался в кабину, захлопнул фонарь кабины и оглянулся: другие летчики тоже, находились уже в машинах.

Взметнулись лопасти винтов, закружились в бешеном хороводе, и машины одна за другой поднялись в воздух.

Эскадрилья приняла боевой порядок и взяла курс на запад.

Селестино уже привык к картине фронтовой земли, перепаханной воронками бомб и снарядов, в дыму и огне. А там, вдали по курсу, над дорогой между двумя деревушками клубилась пыль. За этой пылевой завесой виднелись небольшие черные точки. Они ползли, как жуки: то опускались, когда дорога шла вниз, то поднимались вновь, когда путь выравнивался. Это шли к передовой фашистские танки.

Неожиданно прямо перед носом Селестино рассыпались гроздья разрывов зенитных снарядов. Вот она, смерть, так коварно подстерегающая летчиков на их пути! Селестино обернулся вправо, влево: везде те же разрывы, те же бело-серые гроздья. Селестино старался не отставать от ведущего и точно повторял его действия. А тот все время маневрировал, меняя курс и высоту. Селестино внимательно следил за машиной ведущего, стараясь не прозевать команды.

«Ил» командира плавно качнулся с крыла на крыло. Это означало: «Внимание! Скоро цель!»

Зенитная преграда оказалась позади. А впереди, под собой, Селестино видел длинную вереницу фашистских танков.

— Подлетаем к цели! — прозвучал в наушниках голос капитана.

Из самолетов переднего звена на дорогу посыпались бомбы. Селестино узнал голос капитана:

— Бомби!

Земля горела, дымилась.

Командир эскадрильи повел свое звено в пикирование. Тут же от самолетов к земле протянулись огненные струи: капитан теперь пустил в ход реактивные снаряды. Вспыхнуло еще несколько танков, а эрэсы продолжали полосовать дорогу.

Все это — и танки, и дым, и огонь — Селестино видел и раньше. Он знал, что такое азарт боя, и теперь только одно чувство овладевало и руководило им — ярость атаки: Селестино уничтожал танки эрэсами.

Эскадрилья набрала высоту и, пикируя, опять пошла в атаку. В наушниках в это время прозвучало предупреждение капитана:

— Внимание! Сзади «мессеры»!

Селестино на полной скорости проскочил над дорогой, оставляя за собой огненные струи реактивных снарядов. И тут на него насел «мессершмитт». Фашист стрелял из пушки, светящимися точками пронеслась пулеметная очередь. Пули вонзились в плоскость, прошлись по кабине. «Мессершмитт» сделал еще один заход. Селестино нажал гашетку — раз… два… три… «Мессершмитт» вздрогнул, будто его опоясали огненной плетью, загорелся и правым креном стал падать к земле.

— Пристраиваться ко мне! Немедленно! — прозвучал голос капитана.

Однако Селестино увлекся атакой. Он ловил в перекрестье прицела один танк за другим, а когда вышел из пикирования, то рядом не увидел ни одного своего самолета.

Селестино пошел на бреющем. Отстал от своих! Что делать?

Неожиданно рядом с самым носом самолета вспыхнула пулеметная очередь, и Селестино увидел двух «мессеров», шедших на него справа. Привычным движением он перевел ручку управления влево, с силой надавил на рукоятку газа. «Ил» еще быстрее пошел вперед, но фашисты не отставали и были уже на хвосте. Опять полоснули пулеметные очереди, ударили пушки… Селестино бросал машину влево, вправо, вверх, вниз. «Мессершмитты» не отставали.

Казалось, спасения нет, И вдруг, неожиданно для себя, Селестино вспомнил: «Не так надо действовать!» Ведь даже на У-2 он уходил от фрицев, обманывая их маневром…

Селестино быстро убрал газ, выпустил шасси и резко погасил скорость. «Мессеры» не удержались на хвосте и проскочили вперед. В это мгновение Селестино ударил по нему из пушки. Один из них вспыхнул и горящим факелом пошел к земле. Другой фриц тут же отвалил в сторону.

* * *

В конце 1944 года на аэродром близ румынского города Плоешти почти ежедневно прибывали эскадрильи истребителей, бомбардировщиков, разведчиков и штурмовиков.

На аэродроме уже негде было размещать самолеты, а к вечеру прибыли еще две эскадрильи Ил-2.

— Не беспокойтесь, — сказал капитан Белов летчикам-истребителям, завтра рано утром вместе с Ла-5 будем прикрывать «илы» при налете на колонны вражеских войск, которые движутся по дороге к Бухаресту.

— Лучше б они приземлились на другом аэродроме, — ответил ему Михайлов. — Одно дело — прикрывать их в воздухе, и совсем другое — иметь их здесь, под боком. Из-за них мы тоже можем попасть под удар… Слишком много собралось машин на одном аэродроме.

И действительно, еще не успел приземлиться последний Ил-2, как послышался рокот двухмоторного самолета — немецкого разведчика. Он то выскакивал из облаков, то снова скрывался в них.

— Как я вам и говорил, этот пройдоха сделал фотоснимки, и, будьте любезны, завтра к утру следует ожидать «юнкерсов».

— В таком случае, нам нужно их упредить, — уверенно возразил капитан Белов. — Их аэродром находится далеко от того места, где мы должны выполнить задание. Предлагаю выделить группу лейтенанта Леонисио с Шориным и Мартинесом и два истребителя прикрытия. Мы атакуем дорогу, они будут бомбить аэродром.

Этой ночью летный состав спал мало, особенно Леонисио и Селестино. Они хорошо понимали, какое ответственное дело им поручили.

В три часа утра их разбудил дежурный по части. Спросонья всем показалось, будто дежурный спутал время, но часы показывали ровно три. На ночном небе еще горели звезды. Из-за темных силуэтов деревьев ближайшей к аэродрому рощи выглядывала луна. Возле машин возились механики и оружейники, так и не сумевшие вздремнуть хотя бы часок.

В штабе при свете фонаря командиры эскадрилий изучали метеосводки.

— Что-нибудь еще не ясно? — спросил капитан Редченко. Все молчали. Тогда по самолетам. Взлет в установленном порядке.

Двадцать штурмовиков Ил-2 образовали в воздухе две группы. Их пары прикрывали десять Ла-5. Высота — две тысячи метров.

Самолеты пролетели над шоссе и железной дорогой, соединяющими Плоешти и Бухарест, Под обстрелом противника пересекли линию фронта.

Капитан Редченко скомандовал!

— Внимание, Леонисио! Курс — северо-запад.

— Понял!

Три штурмовика и два истребителя изменили курс взяли на несколько градусов вправо, по направлению к Бухаресту. Другие продолжали лететь прежним курсом, но через пять минут резко повернули на запад.

Через некоторое время Леоаисио подал команду:

— Атакуем!

Селестино Мартинес и Шорин, приподнявшись со своих мест, сразу же увидели впереди аэродром врага: в две прямые линии вытянулись «юнкерсы», а между ними, как большие черепахи, медленно двигались бензозаправщики. Мартинес взял на прицел один из бензовозов и нажал гашетку реактивных снарядов. Самолет вздрогнул. Из-под его крыльев, изрыгая огонь, вылетели две ракеты. Через секунду мощный взрыв взметнул в небо огромный столб черного дыма. Ракеты попали в цель. Один «мессер» на взлетной полосе пытался подняться в воздух, но эту попытку пресек сержант Михайлов, летевший на своем Ла-5. Огонь охватил весь аэродром.

Зенитные пушки открывали частый беспорядочный огонь.

— Ликвидировать зенитки! — отдал приказ Леонисио.

Самолеты вышли из зоны зенитного огня, изменили строй и на бреющем полете снова ринулись в атаку; два реактивных снаряда попали в штаб фашистской части, Штурмовики израсходовали уже все свои боеприпасы. На зеленом поле горели самолеты, постройки, грузовики, В небо поднимались клубы черного дыма.

— Приказ выполнен, возвращаемся!

Самолеты, построившись клином, взяли курс на юго-восток. В этот момент из небольшой рощицы раздался залп зенитной пушки, и ее снаряд повредил правое крыло самолета Селестино Мартинеса. Самолет вот-вот мог перевернуться вдоль своей оси. Мартинес отчаянно боролся с этой угрозой и до минимума снизил скорость. Леонисио и Шорин с тревогой наблюдали за поединком пилота с поврежденным самолетом. Крупные капли пота покрыли лоб Мартинеса, но летчик продолжал предпринимать отчаянные усилия удержаться в воздухе.

Пересекли линию фронта. Наверху Бельтран и Михайлов отгоняли «мессеров», пытавшихся добить поврежденный самолет. Вдали уже показалась посадочная полоса своего аэродрома.

— Освободите взлетную полосу! — передал по радио Мартинес. — Самолет поврежден!

Любой просчет при посадке может стать роковым. Селестино старался быть предельно собранным и осторожным, но делал все быстро и точно. Понемногу сократил обороты мотора, не переставая внимательно наблюдать за поведением машины. Наконец колеса самолета коснулись твердого покрытия взлетной полосы. Пробежав немного, самолет Мартинеса замер.

— А как это удалось тебе сесть?! — крикнул подбежавший механик.

Пилот молчал, еще охваченный нервным напряжением, лишь

прошептал:

— Ничего, ничего… Все обошлось!

И снова письмо жене:

10. X. 1944 года

Нахожусь в Болгарии, недалеко от югославской границы. Болгария очень красивая страна. Ее села и города напоминают мне мою родину — Испанию. Население встречает нас прекрасно и оказывает нам помощь во всем. Местное население относится к нам по-дружески, так же, как в Испании относились к бойцам интернациональных бригад. Мы довольно хорошо понимаем болгар, их язык удивительно похож на русский. Когда нам не хватает слов, объясняемся жестами. Сейчас мы расположились на берегу Дуная в небольшой деревушке. Я, конечно, мало видел эту страну: мы прошли ее из конца в конец воздушным путем. Однако то, что я видел, оставило самые хорошие впечатления. В Румынии мы пробыли всего несколько дней…

Если ты не получила моего предыдущего письма, повторяю: 25-го числа прошлого месяца получил орден Отечественной войны. Я, конечно, очень доволен этим событием. Значит, и я вношу свой вклад в великое дело уничтожения фашизма. Сознание этого придает мне новые силы для борьбы.

Скоро война окончится. Еще немного усилий, и мир освободится от гитлеровского кошмара. Как и многие тысячи людей, мы начнем мирную жизнь и будем счастливы. Конечно, впереди еще тяжелые бои, но я уверен, что со мной ничего не случится…

Селестино Мартинес участвовал в воздушных боях на Курской дуге, в битве за Киев, в Корсунь-Шевченковской операции. Последний свой бой он провел в Венгрии, близ озера Балатон.

— Сначала — позиции вражеской артиллерии, — объяснял капитан Редченко командирам звеньев, помечая карандашом места, где разместился противник.

— Сколько всего батарей? — спросил лейтенант Шорин.

— Пять! Но имейте в виду: они хорошо замаскированы в лесу.

— Когда прибудем на место, немцы сами нам покажут, где они находятся. Не беспокойтесь! — пошутил Мартинес.

— Твое звено, — сказал Редченко лейтенанту Томилину, — прикроет атаку и уничтожит зенитные батареи, если их

обнаружат.

— Будут истребители прикрытия?

— Да, сверху нас прикроют две эскадрильи Ла-5.

Среди вылетающих на это задание были лейтенанты Селестино Мартинес и Леонисио Веласко, капитаны Альфонсо Гарсиа и Марсиано Диес Маркое. На истребителях летели майор Мануэль Ороско, лейтенанты Севилья Сантос и Луис Лавин.

Утро выдалось морозным. Термометр показывал 10 градусов ниже нуля. На небе не было ни облачка. Шло решающее наступление с целью освобождения столицы Венгрии — Будапешта.

Самолеты взлетели по очереди. Подвешенные под плоскостями реактивные снаряды придавали машинам внушительный и грозный вид. Недаром фашисты прозвали самолеты-штурмовики Ил-2 «черной смертью». Капитан Редченко включил радио:

— Внимание! Внимание! Уменьшить интервалы!

На бреющем полете самолеты направились к цели. Приходилось учитывать складки местности, постройки, изгибы реки. Подходя к цели, летчики увидели вспышки артиллерийских выстрелов противника. Командир эскадрильи поправил курс на несколько градусов юго-западнее. Носы самолетов наклонились к земле, и в расположении противника начали взрываться реактивные снаряды. На цель выходили парами. У них была задача — ликвидировать вражескую группировку под Секешфехерваром. Это задание мало чем отличалось от многих других. Огонь с земли в воздух и огонь с воздуха на землю. В густом кустарнике но склону горы бежали немецкие солдаты. В клубах пыли и дыма к небу взлетали обломки пушек и разорванные тела фашистов. Наша пехота, выскочив из окопов, быстро продвигалась вперед. Враг в панике отступал…

В один из заходов, когда наши штурмовики вновь атаковали противника, в самолет, пилотируемый Селестиво Мартинесом, попал вражеский снаряд. Самолет загорелся. Линия фронта была далеко позади, и дотянуть туда не оставалось никакой надежды. Мартинес попытался поднять самолет выше, чтобы найти лучший выход из положения, но это оказалось невозможным: высота была слишком мала. Самолет бросало из стороны в сторону, его вытянутый нос опускался все ниже. Летчик нажал на спусковой рычаг, и из-под плоскостей самолета вырвались два длинных языка пламени. Протянувшись вперед, они мгновенно полыхнули в гуще машин противника. Взорвались бензовозы. Мартинес ринулся в свою последнюю атаку, направив самолет в скопление машин. Немцы попытались выпрыгнуть из них и убежать, но их

мгновенно настигали пулеметные очереди. Испанский коммунист Селестино Мартинес до последнего мгновения не оставлял штурвала своего самолета… Враг дорого заплатил за смерть героя.

Когда эскадрилья возвратилась на свой аэродром, там уже знали о гибели Мартинеса. Вскоре сообщили и о том, что атакованные штурмовиками вражеские позиции — в наших руках.

Наступление продолжалось.

В мирные дни

Мы, испанские летчики, коммунисты, участники Великой Отечественной войны, все свои силы отдавали борьбе за бессмертные ленинские идеи о советском патриотизме а пролетарском интернационализме. Во имя этих высочайших идеалов мы сражались с фашизмом, укрепляя братство и дружбу с великим советским народом.

Конечно, я описал боевой путь не всех летчиков-испанцев в Великой Отечественной войне. Трудно собрать о них я материалы. Трудно также рассказать о послевоенной жизни всех летчиков, разъехавшихся по многим городам и селам необъятной Советской страны.

Мы, испанские летчики, и сражались в составе партизанских отрядов, и участвовали в Сталинградской битве. Мы воевали почти на всех фронтах — от Москвы до Берлина: участвовали в боях на Курской дуге, за Харьков и Киев, в Корсунь-Шевченковской операции, боролись за освобождение Польши и Венгрии. Мы летали на самолетах У-2, штурмовиках — «илах», на всех типах истребителей и бомбардировщиков. Мы защищали с воздуха советскую столицу Москву и крупнейшие города — Баку и Горький. Мы знали и боль утраты. На фронтах Великой Отечественной войны погибли наши лучшие летчики — Мануэль Сарауса, Хосе Паскуаль, Исидоро Нахера, Дамьян Макайя, Селестино Мартинес, Ансельмо Сепульведа, Августин Моралес и многие другие. Они пожертвовали жизнью во имя победы.

Испанские летчики были награждены орденами и медалями — от ордена Ленина до медали «За Победу над, фашистской Германией».

Тяжелые дни войны остались позади. Солнце счастья, созидательного труда, новой мирной жизни вновь засияло над народами Советского Союза. Прошло немало лет с того памятного дня 22 июня 1941 года, когда началась война. Тяжелое, трудное и героическое время! Солдаты, вернувшись с полей сражений в разрушенные войной города и села, приступили к напряженному творческому труду, чтобы сделать свою родину еще прекраснее, чем она была до войны.

Мы, испанские летчики, вместе с советскими людьми с огромной радостью встретили День Победы. Как и все солдаты, мы вернулись на заводы и фабрики, в колхозы и совхозы и занялись мирным трудом по восстановлению народного хозяйства страны.

Хесус Ривас, наш авиационный механик, воевавший в

партизанском отряде, был направлен на учебу в военную академию в Ленинграде.

…В тот день было воскресенье. С Балтики дул легкий бриз. Услышав бой часов, Хесус Ривас почувствовал себя «не в своей тарелке». Он явно волновался, шагая по набережной Невы.

— Нет, это, конечно, не для меня, — тихо говорил он сам себе, как тогда, оказавшись в белорусском лесу. — Все разрушено войной, а я… должен учиться. Какая ирония судьбы!

На следующий день, в понедельник, Ривас не пошел на учебу, а направился в свою партийную организацию.

— Что с тобой, Ривас? — спросили его товарищи, когда он переступил порог комнаты. — Уж не болен ли ты? Или что случилось? Почему так рано?

— Нет, ничего не случилось, чувствую себя я сносно…

— У тебя такое расстроенное лицо… Мы подумали…

— Я больше не пойду в академию! — решительно заявил он секретарю парторганизации.

— А что же ты хочешь делать?

— Работать! На завод, в колхоз — куда хотите! Хочу работать! А учиться буду потом, когда все будет восстановлено… Если еще останется время…

— Ну что ж, как хочешь, но имей в виду: учеба — это партийное поручение, а ты от него отказываешься!

— Нет, я не отказываюсь. Я просто не могу, не могу! Я хочу сейчас работать.

Товарищи поняли состояние Риваса и пошли ему навстречу. Ривас стал работать по своей специальности — на аэродроме, в мастерских по ремонту самолетов. Мастерскими их в то время и назвать нельзя было. Это было полуразрушенное здание, похожее на длинный барак. Придя туда в первый раз, он увидел поломанные станки, порванные трансмиссии к станкам, разбитые шкафчики без инструмента.

— Что это такое? — спросил Ривас сопровождавшего его товарища.

— Это?.. Это ремонтные мастерские, которыми ты будешь руководить.

Однако, несмотря на запущенность, беспорядок и выведенное из строя оборудование, Ривас был несказанно рад. Ему хотелось все потрогать своими руками, положить на место, починить. Ведь его золотые руки мастера так истосковались по настоящему делу!

— Сколько, по-твоему, понадобится времени, чтобы все здесь заработало? — спросил Риваса сопровождавший его товарищ.

— Посмотрим!.. Посмотрим!..

— Ты ведь в партизанах начинал на голом месте.

— В партизанах — да, но тогда шла война…

— Сейчас тоже идет битва за производство!

— Посмотрим, посмотрим! Битва так битва! — ответил Хесус Ривас.

Ривас быстро привел мастерские в порядок. Любая работа кипела в его руках. Целыми днями, а то и ночами не покидал он мастерские. Через несколько месяцев под его началом работало несколько десятков человек. Они стали перевыполнять план. Мастерские завоевали в соревновании переходящее Красное знамя. Однако Ривасу казалось, что он сделал еще не все, что необходимо сделать больше.

Через несколько лет после войны Хесус Ривас женился. Здесь, в Ленинграде, у них родился сын Роберто. Сейчас Роберто уже вырос и стал артистом.

Так шли годы. В последний раз мы встретились с Ривасом в июле 1974 года в Ленинграде, когда Хесус Ривас был уже на пенсии. На летней дачке под Ленинградом мы нашли его в небольшой мастерской. Даже уйдя на пенсию, Ривас не в силах был оторваться от любимого дела и что-то мастерил.

— Кто говорил мне в самом начале войны, что мы видимся в последний раз? — весело спросил меня Ривас, вспоминая далекие дни.

Несколько месяцев спустя, в декабре того же года, перестало биться мужественное сердце нашего дорогого друга и товарища Хесуса Риваса Консехо. Он умер в возрасте шестидесяти четырех лет. Все свои силы и способности он отдал делу защиты и укрепления своей новой родины — Советского Союза.

* * *

Нас троих — Карлоса Гарсиа Аюсо, Рамона Моретонеса и меня — направили в Москву на завод по ремонту самолетов гражданской авиации. Карлос стал работать снабженцем. В те времена это был трудный участок: многого не хватало для производства. Ему приходилось часто ездить по стране, ночевать где придется, кое-как питаться, и все же он ухитрялся вовремя доставить на завод все необходимое…

Сейчас Карлос работает переводчиком в Интуристе и пользуется большим уважением в коллективе.

У Рамона на заводе были другие обязанности: он стал руководить бригадой ремонтников. Ремонтником-механиком он был и в Испании. Старое оборудование требовало частого ремонта, и в то же время оно не должно было долго простаивать:

в стране многого не хватало, а план нужно было не только выполнять, но и перевыполнять. Ремонтники часто даже в обеденный перерыв оставались у станков и, перекусив, вновь принимались за работу. Рамон был примером в труде, образцом строгого соблюдения дисциплины, активно участвовал в общественной жизни, помогал заводской молодежи готовиться к службе в армии. Сегодня останки нашего мужественного друга покоятся на кладбище в Быково. Умер он внезапно 18 августа 1971 года, во время подготовки к праздничному вечеру — Дню авиации, организацией которого он руководил.

На этом же заводе я до 1964 года работал диспетчером. Затем мне и некоторым другим испанским летчикам предложили поехать на Кубу — остров Свободы в Латинской Америке.

На Кубе нас оказалось тоже трое: Фернандо Бланко, Ладислао Дуарте и я. Фернандо, окончивший войну майором, штурманом дивизии, работал на кафедре химии одного из институтов в Москве. Ладислао вернулся на автозавод в Горький и стал инженером по автомобилестроению.

На Кубе мы передавали свой опыт кубинским авиаторам, каждый по своей специальности, полученной в Советском Союзе. Дуарте, например, работая на автозаводе в Горьком, принимал участие в создании некоторых моделей автомашин и стал хорошим специалистом. Теперь он помогал кубинцам собирать автомашины, организовывать их ремонт, налаживать технологические процессы. Приходилось не только работать, но и быть переводчиком, участвовать в воскресниках, выезжать на плантации и рубить сахарный тростник. С кубинскими революционерами нас связала самая тесная, братская дружба.

Местом моей работы на Кубе было отделение «Авиаэкспорта». В то время контрреволюционеры на Кубе (кубинцы их называли «гусанос» — «червяки») всячески пытались нанести ущерб революции, и больше всего они стремились подорвать молодую гражданскую авиацию, чтобы изолировать Кубу от внешнего мира. Во время полетов контрреволюционеры не раз угоняли кубинские самолеты, и поэтому власти вынуждены были выставить в них охрану.

Так было и на этот раз. Один охранник, вооруженный автоматом, находился в кабине пилотов, другой — в хвосте самолета. Около ста пассажиров летели обычным рейсом на четырехмоторном самолете из Гаваны в Сантьяго — центр провинции Ориенте, самой восточной части кубинского острова.

Первый пилот Фернандес сел в левое кресло. Остальные члены экипажа второй пилот, бортрадист, бортмеханик — тоже заняли свои места. Закрылась герметически плотная дверь в

кабину пилотов. Только после этого началась посадка пассажиров — все предъявляли билеты бортпроводнице. Самолет всегда был полон пассажиров, хотя и совершал ежедневно два рейса из Гаваны в Сантьяго. Все предпочитали пользоваться этим удобным и надежным видом транспорта, так как по железной дороге или шоссе от Гаваны до Сантьяго около 1200 километров.

В самолете находились женщины и дети, рабочие и крестьяне. Все были опрятно одеты. Были здесь и мачетеро (рубщики сахарного тростника) с длинными, широкими ножами — мачете. В самолет вошла и группа военных с пистолетами у пояса, в выгоревшей на солнце бледно-зеленой форме.

Стояла нестерпимая жара. Последних пассажиров, вошедших в самолет, озарили лучи заходящего солнца. Однако с заходом солнца на Кубе не становится прохладно — по-прежнему душно и влажно.

Заработали моторы. Пилоты включили аппараты кондиционирования воздуха, и пассажирам стало легче дышать.

Самолет покатился к краю аэродрома и пересек линию железной дороги, которая делила аэродромное поле на две неравные части. Иногда, когда паровоз еле тащил по рельсам вагоны, груженные сахарным тростником, временно прекращались полеты. Везде свои обычаи! Куба — страна сахарного тростника.

Взлет и набор высоты самолетом прошли нормально.

Самолет взял курс на восток. Через десять минут сообщили на контрольный пост, что прошли над Варадеро — лучшими пляжами на Кубе. Радист, окончив передачу, неожиданно выхватил из своего чемоданчика кастет и со всей силой обрушил его на голову охранника. Бедный парень! Ему было всего 25 лет…

В следующее мгновение радист приставил пистолет к спине пилота и приказал:

— Курс на Майами, иначе убью и тебя!

Что было делать капитану Фернандесу? Положение сложилось критическое. Как спасти самолет? (Это был Ил-18, поставленный Кубе Советским Союзом.) Как не допустить гибели пассажиров? Американцы еще не вернули ни одного самолета, угнанного контрреволюционерами с Кубы…

И Фернандес решился. Он изменил курс, направился в сторону открытого моря и сделал вид, будто связывается с аэродромом в Майами: Фернандес заговорил по-английски, этого языка предатель не понимал. На самом же деле Фернандес по-английски вызвал контрольный пост гаванского аэродрома «Хосе Марти»:

— На борту у нас ЧП!

— Что за ЧП? — услышал он в ответ тоже по-английски.

— Летим курсом на Майами. Что делать? Через десять минут будем над территорией США!

Это был не первый случай, и, быстро оценив создавшуюся обстановку, из Гаваны приказали пилоту:

— Ни в коем случае не садиться! Сделать несколько кругов над морем для дезинформации и возвращаться в Гавану!

Получив приказ, Фернандес постарался сделать все, чтобы выполнить его, не вызвав подозрений у предателя.

— Самолет на подходе! — услышал пилот по радио. — Приготовьтесь захватить предателя.

В это время самолет начал заходить на посадку. Пассажиры были в полном неведении относительно всего происходившего. Исключение составляла группа людей в военной форме. Как стало известно позже, они ждали условного сигнала, чтобы захватить пассажирский салон.

Самолет уже побежал по земле. Капитан Фернандес осторожно вел его к зданию аэропорта. Но всего не предусмотришь! Предатель поочередно смотрел то в одно, то в другое окно, надеясь увидеть своих хозяев. Вдруг его глаза различили огромные очертания самолета Ту-114, который прилетел в этот день из Москвы и стоял у края взлетной полосы. Предатель понял, что его обманули, и в бешенстве закричал:

— А, канальи! Обманули меня?! На тебе за это! На! — И выпустил несколько пуль в спину первого пилота. Затем он пытался застрелить и второго пилота, но тому удалось избежать прямого попадания (он был ранен в плечо), и он вступил в схватку с бандитом.

В пассажирском салоне остальные заговорщики, решив, что они уже на американской земле, попытались напасть на второго охранника, но это им не удалось.

Боец охраны, стоя у двери, взял их под прицел своего автомата и не давал пошевельнуться.

Второй пилот от полученной раны потерял сознание. Предатель, решив, что он мертв, хотел взять управление самолетом в свои руки. Он дернул рукоятки газа, и машина покатилась к краю летного поля, сокрушая все на своем пути. Съехав на поле, на мягкую землю, самолет капотировал.

Предателю в этот момент удалось выпрыгнуть наружу и скрыться в темноте. Снова послышались выстрелы в пассажирском салоне.

Когда мы вытащили из кабины капитана Фернандеса, он еще был жив, но вскоре умер. Второй пилот был ранен несколькими пулями, но его раны оказались не смертельными.

Все сообщники предателя были разоружены и арестованы. Три месяца продолжались поиски бежавшего главаря предателей. Наконец его поймали в одной из церквей. Местные священники вырядили его в поповскую рясу и хотели тайком вывезти с острова. Предатель получил по заслугам.

* * *

Наша работа и жизнь на Кубе были отмечены и многими радостными событиями. Вместе с кубинцами мы радовались их трудовым успехам, вместе готовили специалистов, осваивали новую технику. Мы были горды и счастливы тем, что вместе с кубинцами участвовали в строительстве новой жизни на острове Свободы.

Бланко обучал в сельскохозяйственной академии кубинских юношей и девушек по своей специальности — применению химии в сельском хозяйстве и отдавал этому делу много сил. В свое время один из его родственников, генерал Бланко, в составе испанской армии огнем и мечом подавлял в прошлом веке освободительное движение кубинцев. Теперь же Фернандо Бланко, тоже испанец, но движимый пролетарским интернационализмом, помогал кубинцам строить новую жизнь.

* * *

После окончания войны из Баку в Саратов приехали два испанских летчика — Луис Лавин и Хоакин Диас. Воевали они на разных фронтах, а встретившись в Баку с другими пилотами, решили вместе со своими семьями перебраться жить на берег великой русской реки Волги. В Саратов они прибыли безо всяких пожитков, в одном военном обмундировании. Правда, они везли с собой огромный чемодан, но в нем по ночам спали их малыши. Все это теперь позади — и дни войны, и трудные дни восстановления. Сегодня испанцы работают на одном из предприятий Саратова и пользуются большим уважением среди своих друзей и товарищей по работе, собираются на пенсию. Иногда их обоих можно встретить на моторной лодке на Волге: в свободное время они ловят рыбу, отдыхают и любуются своим Саратовом, похорошевшим и помолодевшим за послевоенные годы.

* * *

После окончания войны Антонио Ариас поселился в Белоруссии. В части, где он служил, находилась, пожалуй, самая, интернациональная эскадрилья. В ней были представители десяти национальностей Советской страны, а командовал ею испанец Антонио Ариас. Тяжело было расставаться: летчики сроднились в жарких, кровопролитных боях. Самому Антонио было вдвойне тяжело. Он не только покидал свою часть, своих друзей, но и оставлял авиацию. Но у него была вторая профессия: еще до войны в Испании он работал в типографии. В Барановичах и окрестных населенных пунктах он стал помогать восстанавливать разрушенные войной типографии, обучал молодых рабочих своей специальности. За свою работу Антонио Ариас был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Из Барановичей Антонио Ариас перебрался в Минск, столицу Белоруссии. Здесь его, как передовика производства, несколько раз избирали депутатом областного Совета. Товарищи на полиграфическом комбинате, где он работает, избирали его председателем товарищеского суда.

В последний раз, когда мы с ним виделись, я спросил:

— Антонио, когда пойдешь на пенсию? Он ответил:

— Еще рано!

Своим ответом он напомнил мне молодого Ариаса, когда ему было двадцать лет и когда он в испанском небе сбивал на своем истребителе фашистские самолеты…

Бывшие фронтовики, и среди них немало летчиков-испанцев, стали передовиками труда, отдают все свои силы и знания на благо мира.

Имя Ладислао Дуарте — летчика испанской республиканской истребительной авиации широко известно: командир полка истребителей, он сбил немало фашистских стервятников и водил испанских летчиков в смелые атаки, когда противник превосходил в силах в четыре, пять, а то и в семь раз.

В годы Великой Отечественной войны Ладислао Дуарте тоже был военным летчиком. Он командовал авиаполком, действовавшим под Москвой, в районе Вологды и Череповца, а также охранявшим железную дорогу на Ленинград.

Окончание войны застало Ладислао Дуарте под Кенигсбергом: там он сбил свой последний самолет — фашистский «Юнкерс-88».

Дуарте вернулся в Горький на автозавод, где до войны трудился сначала фрезеровщиком, а затем, после окончания вечернего техникума, в конструкторско-экспериментальном отделе завода.

После войны, работая на Горьковском автозаводе, Ладислао

Дуарте участвовал в конструировании новых легковых автомобилей. Его труд был отмечен грамотами, благодарностями и премиями, он всегда находился в числе передовиков и новаторов социалистического соревнования.

Везде, на каких бы участках мы ни работали, мы свято верили и верим в торжество немеркнущих идей марксизма-ленинизма, ведущих народы мира к светлому будущему — коммунизму.

Наши жертвы не были напрасными. Тем, кто отдал свою жизнь за справедливое дело борьбы с фашизмом в Испании и на полях сражений Великой Отечественной войны, вечная память и слава! Памятником им в веках будет братская дружба между испанским и советским народами, скрепленная кровью в борьбе с фашизмом, за свободу, мир и социализм.

Литературная запись Ткаченко В. Г.

notes

Примечания

1

Феликс Альенде был преподавателем штурманского дела и воздушной стрельбы в школе летчиков в Лос-Алькасдресе во время войны в Испании 1936–1939 гг., затем стал воспитателем испанских детей в детском доме в Сталинграде. — Прим. авт.

2

Публикуются с разрешения вдовы летчика — Клары де Мартинес. — Прим. авт.